

*Егор Гайдар*



**ВЛАСТЬ И  
СОБСТВЕННОСТЬ**

Егор Гайдар

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Егор Гайдар  
**Власть и собственность**

СМУТЫ и ИНСТИТУТЫ  
ГОСУДАРСТВО и ЭВОЛЮЦИЯ

**НОРМА**

Санкт-Петербург  
2009

**УДК 330.101.2**  
**ББК 65.01+65.02**  
Г 14

Г 14      **Гайдар Е. Т.**  
**Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция.** – СПб.: Норма, 2009. – 336 с.

**ISBN 978-5-87857-155-5**

После начала рыночных реформ прошло уже почти два десятилетия. Отношение к ним в обществе до сих пор неоднозначное, их итоги вызывают яростные споры. Однако не стоит забывать, что благодаря им мы избежали гражданской войны на постсоветском пространстве. Это благодаря принятым в 1991–1992 годах мерам в крупных городах России не начался голод, хотя «закрома Родины» были пусты, а золотовалютные резервы сократились до стоимости одного супермаркета. Благодаря проведенным в 1992 году реформам удалось без крови отказаться от системы директивного планирования и ценообразования. Были заложены основы конкурентного рынка, который открыл дорогу модернизации страны, ее превращение из сырьевого придатка развитых стран в высокоразвитую в техническом отношении державу. Не все тогда знали, что за это придется заплатить закрытием неконкурентных производств, заводов ВПК, что сбережения сгорят в огне высокой инфляции. Об этом новая работа Е. Гайдара «Смуты и институты». В сборник включена и другая его работа – «Государство и эволюция», которая была издана 15 лет назад, но и сегодня не потеряла своей актуальности. Она – плод раздумий автора о различии интересов бюрократии и широких слоев народа, ярко проявившихся в ходе горбачевской перестройки и последующих рыночных реформ, о соотношении в России власти и собственности.

**ББК 65.01+65.02**

© Гайдар Е. Т., 2009  
© Норма, 2009

## От редакции

После начала рыночных реформ прошло уже почти два десятилетия. Отношение к ним в обществе до сих пор неоднозначное, их итоги вызывают яростные споры. Однако не стоит забывать, что благодаря им мы избежали гражданской войны на постсоветском пространстве, подобной той, что произошла в Югославии. В нашей стране, напичканной ядерным оружием, подобная война принесла бы неизмеримо более тяжкие последствия. Это благодаря принятым в 1991–1992 годах мерам в крупных городах России не начался голод, хотя «закрома Родины» были пусты, а золотовалютные резервы сократились до стоимости одного супермаркета.

Коммунистическое руководство СССР годами раздувало пузырь вынужденных сбережений, повышая зарплату, которую нечем было отovarить. Сбережения копились на сберкнижках лишь потому, что в условиях дефицита на советские деньги невозможно было купить ничего стоящего. Но эти сбережения создавали у людей иллюзию богатства, того, что у них есть запас на черный день. Либерализация цен, переход к рынку показали истинную цену этим сбережениям, но и оставили в сердцах людей незаживающую рану. Нам пора понять: иного пути не было. Только рыночные цены и обуздание инфляции могли побудить колхозы продавать продукты городам.

Благодаря проведенным в 1992 году реформам удалось без крови отказать от системы директивного планирования и ценообразования. Были заложены основы конкурентного рынка, который открыл дорогу модернизации страны, ее превращение из сырьевого придатка развитых стран в высокоразвитую в техническом отношении державу.

Не все тогда знали, что за это придется платить закрытием неконкурентных производств, заводов ВПК, что сбережения сгорят в огне высокой инфляции. Натерпевшись невзгод в начале 1990-х годов, мы вслед за политиками бездумно зовем эти годы «лихими», не отдавая себе отчет, что они и стали фундаментом нашего относительного благополучия накануне мирового кризиса. Мы доверчиво слушаем басни некоторых «экспертов» и политиков, внушающих нам, что реформы могли быть мягче, сердобольнее. И не утруждаем себя сравнением достижений России с результатами реформ у наших бывших соседей по социалистическому лагерю.

И все же теплится надежда, что молодое поколение россиян, его наиболее пытливая часть приложит усилия, чтобы разобраться

в истинных причинах событий нашей новейшей истории. Движимые этой надеждой, мы предлагаем читателям новую работу Е. Гайдара «Смуты и институты».

В сборник включена и другая его работа – «Государство и эволюция», которая была издана 15 лет назад, но и сегодня не потеряла своей актуальности. Она – плод раздумий автора о различии интересов бюрократии и широких слоев народа, ярко проявившихся в ходе горбачевской перестройки и последующих рыночных реформ, о соотношении в России власти и собственности. Новые поколения стоят перед тем же историческим выбором: какой мы хотим видеть Россию? Страной, где защищены достоинство граждан, их права и собственность, где укоренилось верховенство закона? Где реален общественный контроль над бюрократией, где решения, принимаемые органами власти, прозрачны и законны? Где можно без страха реквизиций и «наездов» вкладывать свои сбережения в банки, в собственность, в бизнес? Где парламент и телевидение – это место для политических дискуссий и поиска компромиссов?

Или нас устраивает всевластие бюрократии, зависимость суда от исполнительной власти, необязательность российских законов? Мы действительно готовы смириться с отсутствием на телевидении независимой журналистики и оглушением подрастающих поколений?

Нам надо отказаться от обожествления государства, осознать его природу и ограниченность возможностей. Не верить лживым утверждениям о способности государства решить за нас все наши проблемы. Помнить о неэффективности государственной экономики в сравнении с частной, взрастить в России институты демократии и гражданского общества, которые только и могут заставить бюрократию работать на благо народа.

У России есть шанс не скатиться в число слаборазвитых стран, занять достойное место среди развитых демократий. Но для этого и в элите, и в обществе должно вырваться понимание гибельности для страны кланового капитализма. Работа Е. Гайдара «Государство и эволюция» поможет нам в этом.

Настоящий сборник размещен в интернете по адресу: [www.iet.ru](http://www.iet.ru). Там же можно ознакомиться с другими работами автора.

# **СМУТЫ и ИНСТИТУТЫ**

## Введение

Нет дела, когото устройство было бы труднее, опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.

*Никколо Макиавелли*

*«Государь»*

Современная экономическая теория основывается на представлении, что экономическую жизнь страны определяют ее институты – правила, устанавливающие отношения между людьми, государством, организациями. Мысль, что привычные установления важны для экономического роста, трудно назвать новой. В этом суть классической работы А. Смита «Исследование о причинах и природе богатства народов».

При таком интеллектуальном наследии непросто понять, почему еще полвека назад внимание исследователей к роли институтов в экономическом развитии было скромным. В те годы такие факторы экономического роста, как уровень национальных сбережений и инвестиций, обсуждались куда чаще и считались более важными, чем господствующие в обществе обычаи, традиции, установления. Причина этого в том, что поколения ученых воспринимали институты, сложившиеся в Западной Европе, как естественные и единственно возможные. Потребовались потрясения первой половины XX века, социалистические эксперименты, две мировые войны, чтобы экономическое сообщество осознало то, что хорошо понимал А. Смит: экономический рост определяется качеством и состоянием национальных институтов.

Институты отражают привычные нормы поведения. Стабильность в обществе, государстве – залог их эффективности. В то же время развитие общества, перемены в его жизни требуют изменения этих институтов. Проблемам, связанным с ломкой сложившихся норм поведения, посвящены работы Д. Норта<sup>1</sup>. Сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с делегитимацией традиций, – ключевые вопросы при анализе взаимосвязи институтов и экономического роста. Впрочем, бросается в глаза почти полное отсутствие у последователей институциональной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> *North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; North D.C. Institutional Change and Economic Growth // The Journal of Economic History. Vol. 31. Issue 1. March 1971; North D. C. Economic Performance Through Time // The American Economic Review. Vol. 84 (3), 1994.*

<sup>2</sup> *Gustafsson B. Some Theoretical Problems of Institutional Economic History // Scandinavian Economic History Review. Vol. XLVI (02). 1998. P. 5–31.*



В марксистской литературе тема устойчивости новых порядков, не имеющих за собой традиций, обсуждалась редко. Там понятие «революция» представляло собой конструкцию, связывающую развитие производительных сил и производственных отношений. Ни К. Маркс, ни его последователи не анализировали проблемы, возникающие, когда за крахом старых институтов еще не последовало формирование новых.

Революциям посвящено немало интересных работ. Но дело в том, что сам термин «революция» изменчив во времени и пространстве, его по-разному воспринимают во Франции, России, Англии, США, Германии, странах Восточной Европы<sup>3</sup>.

Многие современные государства возникли в результате революций. После английской «славной революции» это слово приобрело позитивный оттенок. На самом деле, в годы английской революции XVII века романтики в беспорядке и безвластии, нередко сопровождавшихся большой кровью, было мало. Революция — это трагедия, приговор старой элите, оказавшейся неспособной провести эволюционные реформы, урегулировать социальные конфликты<sup>4</sup>.

Под революцией обычно понимают потрясения, снимающие препятствия на пути развития общества. Но революция — это часть более широкого круга явлений, связанных с тем, что старой власти уже нет, а новой еще нет<sup>5</sup>. Не случайно в русском языке

<sup>3</sup> Революция — радикальные преобразования, практически неконтролируемые властью и сопровождающиеся крахом государства. См.: *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции — от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. С. 16.

<sup>4</sup> Революция — это «время, когда государство не выполняет своих ежедневных обязательств, когда собственность не защищена властями, когда жакерия охватывает село, беспорядки возникают в городах, когда замки грабят, архивы жгут. Магазины взрываются, продовольственное снабжение и транспорт отказываются парализованными, когда ренты и долги больше не платят, когда суды не выносят приговоры. Когда полицейский не решается выполнить приказ, когда жандармерия парализована, полиция не действует, когда повторяющиеся амнистии защищают грабителей, когда в местных и центральных властях появляется много бесчестных авантюристов, враждебным ко всем, у кого есть собственность». См.: *Taine H. A.* The French Revolution, Vol. 3. 2001. P. 3.

<sup>5</sup> Деятели белого движения в работах, посвященных русской революции, нередко использовали термин «смута», сравнивая происходящее в новейшей российской истории с событиями Смутного времени начала XVII века. См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. Даль определяет смуту как возмущение, восстание, мятеж, крамолу, общее неповиновение, раздор между народом и властью. См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.:

слово «революция» переключается со словом «смута», периодом хаоса и беспорядка.

Важнейший атрибут государства – монополия на применение насилия. Она никогда не бывает полной. Однако в упорядоченных обществах роль негосударственного насилия маргинальна. Для большинства граждан государство – не всегда эффективный, но привычный защитник. Всплеск насилия, который государство не способно контролировать, – определяющая черта революций и смут. Вот картина революционной жизни 1917–1918 годов: «Охрана личности исчезла вовсе.[...] Грабежи сделались бытовым явлением... Личной неприкосновенности в смысле права граждан и ограничения для власти нет и следа. Жандармские обыски и охранные аресты былого времени — верх правомерных действий, сравнительно с обысками, проводимыми по ордерам советской власти»<sup>6</sup>.

Крах государства, денег, гарантий собственности происходит со скоростью, поражающей современников. Разительные отличия в мироощущении, когда власть жестко подавляла всякое сопротивление, и наступившим через пару дней полным безвластием заставляла людей смотреть на происходящее как на нечто нереальное. Старые институты были устойчивы, они формировались на протяжении жизни многих поколений. Чтобы придать новым институтам стабильность, нужны годы, нередко десятилетия. Но когда привычные установления уже не действуют, а новых еще нет, жизнь становится невыносимой.

Как выглядит революция при ближайшем рассмотрении, описывает один из свидетелей событий марта 1917 года: «Я иду впереди роты, слышу сзади: “Нет теперь командиров! Идем, как хотим!” Солдаты пьяны и свободой, и водкой, всё течет самотеком. [...] Со странно сведенным лицом стоит и генерал Бем, держа под козырек. Его белую перчатку я вижу на кровавых полотнищах кумача. А вокруг взлетают папахи, гремят марши, туши. [...]»

---

Прогресс, Универс, 1994. С. 300. Точные, позволяющие учесть все оттенки, связанные с историческим наследием, переводы — вещь крайне сложная. На мой взгляд, ближайшее приближение к российскому слову «смута» в английском языке это “revolt”, “distemper” или “uprising”.

<sup>6</sup> Вестник Европы. 1918. Январь – апрель. С. 380.

Но вдруг всё прорезали сильные выкрики: “Бема бьют!” И все кинулись к трибуне комиссара, а с тротуара, ничего не поняв, дамы машут сумочками, платками, кричат: “Ура!” [...] Сзади на снегу валяется голый, пятнистый от кровоподтеков, растоптанный солдатскими сапогами труп полного человека, и в этом трупе, странно раскинувшем руки и ноги, есть что-то совершенно несообразное с только что виденным командиром бригады и начальником гарнизона»<sup>7</sup>.

Кризисы, порождающие институциональный вакуум, явление в истории сравнительно редкое. И развитие событий в это время не укладывается в привычные представления людей о нормальной жизни. Экономисты, даже с мировым именем, порой высказывают наивные суждения, когда речь заходит о событиях, происходивших при крушении коммунистического режима в СССР.

Американские профессора пишут о событиях в России начала 1990-х годов: «Ельцин и его коллеги должны были рассказать российскому населению о том, что путь к национальному обновлению будет долгим и тяжелым, что национальная солидарность и социальная справедливость критически важны, что государство будет стремиться равномерно распределить тяготы перехода к новому режиму между гражданами, что оно постарается обеспечить максимально возможный уровень политической свободы, что оно будет стремиться постепенно увеличить уровень экономической свободы, вводя элементы рыночной экономики, но при этом обеспечивая социальную стабильность»<sup>8</sup>.

Профессор, выросший в условиях стабильной демократии, может доказывать, что введение свободных цен, конвертируемой валюты, приватизация государственного имущества сами по себе не формируют предпосылки экономического роста, что для создания развитой системы институтов, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики, нужны десятилетия, если не столетия. Но что делать, когда жизнь требует решений немедленно?

<sup>7</sup> Гулль Р. Конь рыжий. Ч.3. Гл. 5. Нью-Йорк, 1952. Метод доступа: ldn-knigi.narod.ru

<sup>8</sup> Reddaway P., Gliniski D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001. P. 281, 282.

Интересно читать о том, что «рыночные институты включают: правовую структуру с соответствующими законами, судами, кадрами юристов и системой мер, обеспечивающей соблюдение законодательства; кодифицированные права собственности; торговый, гражданский и налоговый кодекс; банковскую систему, охватывающую коммерческие инвестиционные банки, которые обеспечивают оборотный и долгосрочный капитал; бухгалтерские, финансовые, страховые, рекламные фирмы; структуру государственного регулирования; жизнеспособную валюту как средство обращения, сохранения стоимости и как расчетную единицу». Полезно узнать и про «сеть социальной безопасности в качестве составляющей нового “социального контракта”», и про то, что «цивилизованное общество не может выжить, когда необходимость уважения законов и других социальных норм рассматривается исключительно под углом зрения эгоистического интереса. Оно теряет жизнеспособность, если большинство людей соблюдают законы (например, платят налоги), лишь тогда, когда гедонистические подсчеты показывают, что дисконтированные величины вероятных санкций в случае поимки превышают дисконтированные же размеры вероятных выгод от нарушения законов»<sup>9</sup>.

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в работе, посвященной российским реформам, задает вопрос: «Почему реформаторы так не желали начинать с того места, где они находились? Возможно, постсоветские реформаторы считали, что все, органично выроставшее на почве советских или российских реформ, несет на себе клеймо коммунизма»<sup>10</sup>.

Особенно трогательно было слышать подобные рассуждения осенью 1991 года, когда наша страна стала банкротом. Когда запасов зерна в крупных городах оставалось, даже при самых минимальных нормах, лишь на несколько дней, а советская экономическая система была устроена так, что поставки продовольствия выполнялись только при угрозе репрессий. Когда у российского

---

<sup>9</sup> Реформы глазами российских и американских ученых / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Группа экономических преобразований, 1996. С. 73, 132, 133.

<sup>10</sup> Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 28.

правительства не было ни одного боеспособного полка, готового исполнить приказ. Когда не существовало ни государственной, ни таможенной границы России: в портах Одессы, Таллина, Клайпеды, Вентспилса союзными властями граница не контролировалась, а обустроенной границы между Украиной, Прибалтикой и Россией не было. Когда не было единой системы правосудия, не работала милиция и прокуратура. Когда государство было просто не способно выполнять свои функции. В такие времена на первый план выдвигаются не проблемы темпов роста, сохранения социальных гарантий и уровня безработицы, а угроза голода, холода и гражданской войны.

Режим Саддама Хусейна был преступным. События весны 2003 года подтвердили: никто в Ираке умирать за Хусейна не хотел. Большинство жителей Ирака встречали американцев как освободителей. Если не считать кучки преданных С. Хусейну головорезов, военная и полицейская элита старого режима была готова служить новой власти, более того – рассчитывала ей служить.

Однако те, кто выработывал в то время американскую политику, не жили в деинституционализованном обществе. Они знали, что режим аморален, они его уничтожили, разрушили его институты, включая армию и полицию. Они просто не могли оценить последствия реализации своих планов. Вот как описывали развитие событий американские журналисты: «В детских садах нет электричества. Воспитатели разбежались, родители боятся отпускать детей в образовательные учреждения. [...] Практически каждое государственное министерство – с характерным исключением министерства нефти – было разграблено и сожжено. Банки, расположенные в районе Багдада, были разграблены. [...] Уже 4 апреля сразу после краха режима снабжение Багдада электроэнергией прекратилось. Система водоснабжения работала лишь на 40% своей мощности»<sup>11</sup>. К июню 2003 года американская администрация осознала, что грабежи наносят иракской экономике больший ущерб, чем военные действия. Хищение медных электропроводов стало массовым. Крах структур старого режима открыл дорогу массовому распространению контрабанды.

<sup>11</sup> См.: New York Times. 20 April 2003.

Те, кто принимал решения, не понимали, что после исчезновения с улиц полиции старого режима грабежи, перебои в энергоснабжении станут элементами ежедневной жизни, что многие привычные установления (например, низкие цены на бензин) можно поддерживать, лишь имея действующие пограничные и таможенные службы, что с их исчезновением дефицит нефтепродуктов, холод и голод станут острой проблемой<sup>12</sup>.

Крах установлений, отсутствие порядка, гарантий прав собственности, соблюдения контрактов приводит к социальной и экономической катастрофе. Такое не раз случалось и в российской истории. Так было в Смутное время начала XVII века и в 1917–1921 годах. Периоды деинституционализации – не уникальная российская специфика. При исследовании механизмов развертывания социальной деструкции обнаруживается сходность, даже общность происходившего в странах с различающимися традициями и уровнями развития.

Смута – социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами. Как показывает исторический опыт, она не вырабатывает устойчивый иммунитет. Отмечена схожесть происходившего в Москве 22 августа 1991 года с тем, что было в Париже после взятия Бастилии или Петрограде 28 февраля – 1 марта 1917 года. Ликование по поводу свержения старого, утратившего доверие режима, массовые демонстрации в поддержку новой власти, пьянящее отсутствие всякой власти – и старой, и новой. Те, кто знает историю французской и русской революции, представляли, что в августе 1991 года может последовать за коротким периодом ликования, насколько серьезны риски, с которыми столкнулась страна.

---

<sup>12</sup> О связи уничтожения авторитарного режима в Ираке с крахом общественного порядка, прекращением функционирования важнейших элементов инфраструктуры см. также: *Arnoldy B.* In Vanguard of 'Peaceful Occupation'. Civil-affairs Troops Have Been Sent to Iraq in Their Biggest Callup since World War II // *Christian Science Monitor*. 2003. April 8; *Kaplow L.* War in The Gulf: The Iraqi People: Iraqi Police, Doctors, Engineers Eager to Roll up Sleeves // *The Atlanta Journal - Constitution*. 2003. April 13. О хаосе в Ираке после краха режима Саддама Хусейна см., напр.: *Slackman M., Perry T.* U.S. Moves to End Chaos in Baghdad // *Los Angeles Times*. 2003. April 13; *Otis J.* Iraqis Find Job of Stilling Chaos Being Left to Them // *Houston Chronicle*. 2003. April 17.

По прошествии небольшого, по историческим меркам, времени смещаются общественные оценки, люди путают имена, даты, последовательность событий. Это происходит не по злому умыслу, так устроена человеческая память. Когда общество, пережив трудные времена, мучительно приходит в себя, в его недрах зреет сначала подсознательное, а затем и рациональное стремление забыть прошлое или сконструировать вместо него нечто иное, более удобное и жизнеутверждающее. Сперва новая конструкция имеет что-то общее с происходившим, но со временем начинает жить по своим законам, отнюдь не соответствующим фактам истории.

Для тех, кому сейчас 20–30 лет, произошедшее в России на рубеже 1980–1990 годов представляется далеким прошлым. Многие люди постарше вычеркнули события того времени из памяти. Они слишком страшные, неприятные и непонятные. О них хочется забыть, а если не забыть, то как-то подсластить, чтобы прошлое не горчило память о молодости. Наверное, поэтому миллионы наших сограждан, совсем еще не старых, забыли о всеобщем дефиците, о пустых полках магазинов. Они искренне убеждены в том, что в стране до начала экономических реформ денег и товаров было достаточно, жизнь была стабильна, социальная защита обеспечена.

Они помнят, что зарплаты и пенсии были хотя и небольшими, но на жизнь хватало, зато работа, медицинская помощь, бесплатное образование и летний отдых для детей, пенсия в старости были гарантированы. Что страна называла себя государством рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции и гордилась социальным равенством. Что советским гражданам завидовали миллионы обездоленных пролетариев во всем мире.

Но не помнят или не хотят помнить о том, что многие семьи едва сводили концы с концами, что плохонький телевизор или холодильник был пределом мечтаний, а обладатель «Москвича» воспринимался как очень богатый человек. Их не убеждают ни число автомашин и бытовой техники в расчете на 1000 человек тогда и сегодня, ни другие показатели роста уровня благосостояния. Они забыли, что каждый ропот недовольства, каждый

## Введение

---

протест рабочих и интеллигенции зорко отслеживался КГБ, что протестующих ждала тюрьма или психбольница, а иногда и расстрел, как это произошло в Новочеркасске в 1962 году.

Такая амнезия общественной памяти – естественная реакция на пережитые тяжелые годы революции 1991–1993 годов. Но если не знаешь правду о прошлом своей страны, то можешь сделать серьезные ошибки в будущем. Хотя и говорят, что история учит только тому, что ничему не учит, но и это правило имеет исключения. В XX веке Россия совершила немало ошибок. Две из них были связаны с радикальной деинституционализацией в 1917–1921 годах и на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х годов. Цена их была очень высокой. Не повторить их – наша задача.



**ГЛАВА I**  
**Политэкономия смуты.**  
**Историческая ретроспектива**

## **§ 1. Смуты в аграрных обществах – крушение и восстановление привычных порядков**

Способ социальной организации аграрных обществ доминировал в мире на протяжении тысячелетий. Их характерной чертой было разделение населения на привилегированное меньшинство, обычно выполняющее государственные функции, несущее или организующее военную службу, занятое культовыми обрядами, и крестьянское большинство. В таких обществах среднедушевые доходы растут медленно или не растут вовсе, большая часть населения неграмотна, жизнь коротка. Периоды мира, относительного процветания сменяют внутренние или внешние войны. Важный инструмент, позволяющий обеспечить социальный порядок, – традиции. Хорошо, если жизнь устроена, как при отцах и дедах. В этом основа легитимации порядка, разделения общества по социальным стратам. Не все аграрные общества так устроены, были и аномалии. Но такой тип социальной организации преобладал в мире со времен неолитической революции до начала современного экономического роста, на рубеже XVIII–XIX веков.

Важные различия в организации аграрных обществ связаны с уровнем централизации власти. Их можно условно разделить на централизованные и феодальные. В централизованных аграрных обществах – единая налоговая администрация, отделенная от нее система военной службы, финансируемая за счет казны. В феодальных обществах функции сбора крестьянских повинностей и военная служба объединены.

Феодальная организация порождает немало проблем. Слабость центральной власти чревата междоусобицами и разорением деревень. Феодальная армия – ненадежная защита от внешних завоеваний. Однако привычные отношения сеньора и крестьянина, слабость государства, ограниченность его функций снижают риски крушения сложившихся общественных институтов.

В централизованных аграрных государствах угроза краха существующего порядка серьезнее. Их сила в развитой бюрократии, способной собирать налоги, содержать и контролировать армию.

Но из столицы непросто проследить за тем, что делают чиновники в уездах.

Основной плательщик налогов – крестьяне. Их уровень жизни в лучшем случае немного превышает необходимый для сохранения жизни. В неурожайные годы выполнить обязательства перед государством непросто. Именно тогда массовым становится бегство с земли, аграрные беспорядки.

Ключевая проблема аграрных империй – риск падения доходов казны, связанный с недобором налогов. Это может быть вызвано как недообложением, так и переобложением крестьян налогами. Суть экономической политики аграрных цивилизаций – поиск хрупкого равновесия, позволяющего отбирать у крестьян максимум возможного, но не доводящий их до разорения<sup>1</sup>. Это равновесие может оказаться нарушенным, когда возникает риск внешнего завоевания страны. Стремление правящей элиты собрать дополнительные средства для обороны, обеспечения собственной безопасности нередко приводит к переобложению деревни налогами, подрыву налоговой базы – и в результате к краху государства.

Предсказать крах сложившихся институтов трудно. Смута в аграрных обществах явление нечастое, поражающее современников неожиданностью и масштабами бедствия. Многие российские историки были склонны рассматривать смуту XVII века в

<sup>1</sup> «Обычная дилемма для правителей аграрного государства: низкие налоги – бедное государство, высокие налоги – обнищание подданных». См.: *Webber C., Wildavsky A. A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. N. Y.: Simon and Schuster, 1986. P. 76. Во многих аграрных империях права государей собирать налоги для обеспечения защиты были связаны с требованием к властям быть скромными в своих расходах. См.: *Maitly S.K. The Imperial Guptas and their Times*. (cir. AD 300–550). Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 1975. Барани дает картину характерного для аграрных империй периода переобложения крестьянства: «Области оскудели, возделывание земли полностью прекратилось: крестьяне отдаленных провинций, прослышав о разорении крестьян Дуаба из страха, что с ними может приключиться то же самое... бежали в джунгли. В результате сокращения посевов в Дуабе, разорения крестьян, уменьшения приходящих в столицу караванов и прекращения поступления в Дели зерна из Индостана в области Дели и во всем Дуабе начался страшный голод. Цены на зерно поднялись. Из-за недостатка дождей голод усилился и продолжался в течение нескольких лет. От голода погибли тысячи людей; общины рассеялись; многие лишились семей». См.: *Аиурафян К.З. Аграрный строй Северной Индии*. (XIII – середина XVIII в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. С. 35.

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

России как явление уникальное, случайное, не связанное с ходом истории нашей страны<sup>2</sup>.

Централизованное аграрное государство с развитым бюрократическим аппаратом в России существовало, по историческим меркам, недолго. Оно сложилось лишь в XV–XVI веках. В аграрном Китае – бюрократической империи, существовавшей тысячелетия, явления, подобные тем, с которыми столкнулась Россия начала XVII века, не были уникальными. Для китайских историков это не невиданная катастрофа, а органичная часть династического цикла.

Начало цикла – централизация власти, повышение эффективности бюрократии. Против пытающейся своевольничать элиты проводят жесткие репрессии. Его завершение – уход налогоплательщиков под покровительство «сильных людей», эрозия налоговой базы, сокращение доходов казны, смута.

Основатели династии, нередко иноэтничные завоеватели, иногда вожди крестьянского восстания, держат в жесткой узде тех, кого они привели к власти, богатству. При их потомках энергия государства слабеет, должности региональных наместников становятся наследственными, доходы правительства сокращаются. К концу династического цикла крестьянские восстания становятся массовым явлением.

Как отмечалось, для централизованной аграрной империи характерно разделение функций между гражданской и военной сферами. Обеспечить контроль над сбором и поступлением налогов невозможно без системы коммуникаций, почты. Обособление военной и гражданской власти предполагает иерархическую, подчиняющуюся центру систему отправления правосудия. Этот принцип не всегда соблюдался. Право судить иногда получали или присваивали себе влиятельные чиновники. Но это нарушение принципа, отход от традиционной организации государственной власти.

---

<sup>2</sup> *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 783; *Коваленский М. Н.* Московская смута XVII века: ее смысл и значение. Исторический очерк. М.: Польша, В. Антик и Ко. 1913. С. 4.

Голод и мор крестьян в неурожайные годы, сокращение налоговой базы могли подорвать устойчивость аграрного государства. Одна из задач правительства – забота о запасах продовольствия, при необходимости помощь голодающим. Другая – снабжение столицы и армии продовольствием. Войска размещались там, где угроза внешнего вторжения наиболее вероятна. В Китае столица и место расквартирования войск на протяжении веков были территориально отдалены от регионов, поставлявших большую часть продовольствия.

Если бюрократическая машина перестает функционировать, жизнь аграрных империй становится нелегкой. Современники воспринимают это как катастрофу, нередко как бедствие, посланное богами. Предвестники таких катаклизмов: сокращение доходов бюджета, невыплата довольствия в армии. Прекращение правящей династии, отход от традиций иногда становятся прологом институционального кризиса. Механизмы развертывания смуты в аграрных империях имеют сходные черты.

Если сравнить аграрные империи с феодальными обществами, то видно, что несущий элемент конструкции феодального государства – отношения между лордом и крестьянином. Лорд в собственных владениях – и судья, и гарант выполнения закона, и сборщик податей, и защитник. Хотя крестьянский протест не редкость в истории феодализма, но случаев, когда он привел к крушению сложившихся институтов, история знает мало. При угрозе традиционному статусу феодалы, их вооруженные отряды обычно способны навести порядок.

В централизованных аграрных империях ситуация иная. Рядом с крестьянской общиной нет замка феодала. Армия сосредоточена у границ империи. В сельскохозяйственных районах невелико число людей, способных подавить крестьянские беспорядки. Крестьяне убеждены, что налоги отнюдь не их добровольные обязательства, необходимые для выполнения государством своих функций, а бремя, которое они несут под угрозой репрессий. Когда риск применения государством силы снижается, вместе с ним уменьшаются и доходы бюджета. Поддерживать баланс между размером налогового бремени, стремлением от него уклониться

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

и страхом перед карательными действиями властей удастся, если крестьяне знают, что повинности тяжелы, но привычны, их несли и отцы, и деды. Что если не платить налоги, то рано или поздно власть пришлет войска.

Так было на протяжении столетий. Но то, что это будет всегда, гарантировать нельзя. Налагаемые на крестьян повинности могут превысить уровень, совместимый с устойчивым ведением крестьянского хозяйства. Наглядный пример этому: бегство крестьян в казаки, массовое запустение земель в Московском государстве конца XVI века. В истории аграрных империй немало аналогичных эпизодов. Кризис государственных финансов, вызванная им ненадежность войска, конфликты с соседями могут подорвать способность государства применять силу при отказе крестьян платить налоги. Расчет на то, что крестьяне всегда будут послушными, войска надежными – ошибка, дорого стоившая правителям многих аграрных государств.

Общие черты развития событий во время смуты сходны в разных странах и в разное время. Когда правительство теряет способность собирать налоги, ему нечем выплачивать жалование тем, кто состоит на государственной службе. Они вынуждены приспособляться: чиновники погрязают в коррупции, военные реквизируют продовольствие у крестьян. «Одни придут – грабят, другие придут – тоже грабят»<sup>3</sup>. Когда порядка нет, а у крестьянина отбирают все нажитое, он не видит смысла работать на земле. Разумнее взять в руки оружие и податься в разбойники. Массовый

<sup>3</sup> «К тому же и поляки, и казаки, стоявшие за вора, и московское правительство, – все нуждались в средствах и обирали народ. А ведь уже и прежде непосильны были налоги, взимавшиеся одним только московским правительством. Теперь же прибавились казаки и поляки, грабившие и разорявшие все, что встречали на своем пути. Разорение было полное, и помощи ждать было неоткуда». См.: *Волькенштейн О.* Великая смута земли русской. 1584–1613 гг. М.: Труд и Воля, 1907. С. 39. «Наконец, поборы на тушинского царя и на его администрацию сопровождался страшным произволом и насилием, равно как и хозяйничанье панов в селах, а тушинская власть оказывалась бессильно одинаково против собственных агентов и против открытых разбойников и мародеров, во множестве бродивших по Замосковью. О тех ужасах, какие делали эти разбойники или “загонные люди” (от *загон* — набег, наезд), можно читать удивительные подробности у Авраамия Палицына и во многочисленных челобитьях и отписках воевод тушинскому правительству». См.: *Платонов С. О.* Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899. С. 382.

уход крестьян с земли, их объединение в вооруженные банды – характерная черта смуты.

Если феодалы и их дружины способны сами поддерживать порядок в своих владениях, то в централизованных аграрных империях крах государства означал крушение всех институтов, обеспечивающих правопорядок<sup>4</sup>. Права становились зыбкими. Претенденты на власть в России начала XVII века – Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй, Василий Шуйский, польский король Сигизмунд – во время Смуты раздавали своим сторонникам одни и те же поместья. На одну усадьбу претендовали несколько помещиков, жалованные им грамоты мало чего стоили.

На фоне анархии, хаоса нелюбовь крестьянского большинства к тем, кто пользовался привилегиями в условиях устойчивой власти, становилась явной. Призывы грабить дома богатых, делить их добро становятся массовыми<sup>5</sup>.

Без надежной системы коммуникаций невозможно контролировать территорию, обеспечивать сбор налогов. Крах существующего порядка привел к параличу транспорта. В результате обострились проблемы снабжения продовольствием столицы

<sup>4</sup> В Пекине повстанцы изгоняли чиновников из старых учреждений и их закрывали, расстраивали всю государственную машину. Они открывали тюрьмы и выпускали узников. См.: *Симоновская Л. В. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII веке. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 252, 253.*

<sup>5</sup> «Обезображенные тела не убирались целый день. Лужи крови стояли на улицах. Люди гуляли и веселились, дрались за добычу, продавали ее. Этот день для многих был днем великого благополучия. Иные до того времени были совсем нищие, а теперь набрали денег, мехов, золотых вещей, жемчуга, богатых одежд. Пьяные хвастались и кричали: «Нет на свете сильнее и грознее московского народа! Целый свет нас не одолеет! Нашему народу счету нет! Теперь пусть все перед нами молчат, кланяются нам, в ногах у нас валяются!» [...] Толпы бросались на их дома, взламывали замки, забирали платье, деньги, утварь, выводили лошадей и скот, а когда доходили до погребов – тут было раздолье: поставят бочку дном вверх, разобьют дно и черпают сапогами, котами, шапками и пьют, пока без чувств не попадают; и так в этот день до ста человек лишились жизни. Душ не губили, зато сильно грабили без всякой пощады, снимали с осужденных народной ненавистью даже рубахи, и многие видели тогда – говорит очевидец – людей, адамовым способом прикрывавших свою наготу листьями. Чернь, долго и много терпевшая, долго униженная, радовалась этому дню, чтобы потешиться над знатными и богатыми, отплатить им за прежнее унижение. Потерпели тогда и такие, что вовсе не были сторонниками Годуновых, за то единственно, что были богаты; и всеобщий грабёж и пьянство продолжались до ночи, когда все заснули мертвецки». См.: *Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 284, 153.*

## Глава I. Политэкономика смуты. Историческая ретроспектива

империи<sup>6</sup>. С этим столкнулись польские войска, занявшие в последние годы Смуты Москву. «Шиши», крестьяне, взявшиеся за оружие в ответ на произвольные реквизиции, грабили обозы, уничтожали польские продотряды. Их действия не были проявлением патриотических чувств. Они боролись против тех, кто забирал у них хлеб и уводил скот.

В аграрных империях власти стремились иметь средства, позволяющие финансировать войны, справляться с последствиями неурожаев. В государственной сокровищнице хранились драгоценные металлы, камни, иногда продовольствие. Расхищение сокровищницы – характерный штрих Смутного времени.

Там, где проводились масштабные ирригационные работы, паралич административного аппарата приводил к расстройству водного хозяйства. Наводнения в Китае в периоды заката династий – пример того, как крах государства сказывался на жизни людей.

\* \* \*

Чем сложнее институты, тем более хрупкими они оказываются при крахе централизованного государства. Это относится к государственному аппарату, торговле на дальние расстояния, финансовым рынкам. В периоды смуты институциональная структура общества становилась проще. Более устойчивыми оказывались базовые отношения: семья, крестьянское хозяйство, отношения между лордом и слугой.

Каковы признаки завершения династического цикла? Нет центра, способного обеспечить порядок, собрать налоги, содержать армию, платить чиновникам. Монополии государства на применение насилия тоже нет. Налицо кризис систем ирригации и водного транспорта, трудности в обеспечении столицы зерном, неспособность правительства оказывать эффективную помощь

---

<sup>6</sup> Л. Симоновская так описывает состояние снабжения Пекина продовольствием в период смуты в Китае, связанной с закатом Миньской династии: «Длительная война в центральных и северных провинциях страны привела к резкому сокращению налоговых поступлений в казну. Ослабление связи с южной частью империи, время от времени нарушаемой восстанием, препятствовало передвижению грузов и поступлению налогов. Местные власти, ссылаясь на разные обстоятельства, с большой охотой задерживали собранные суммы у себя и не спешили с их отправкой в столицу». См.: *Симоновская Л. В. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII веке.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 177.



населению при неурожае. Результат смуты – усталость от анархии, запутанные отношения собственности, разграбленная казна. Слабость государства растягивается на многие годы.

Жизнь во время смуты непривычна, тяжела и опасна. Отсюда мечты о восстановлении старого порядка. Люди забывают, как ненавидели сборщиков налогов, завидовали привилегиям вышестоящих сословий. Они помнят лишь о том, что раньше был порядок.

## § 2. Революции – утверждение новых институтов

В XI–XII веке в Западной Европе появились города-государства, отличные от полисов античности, но имевшие представительные собрания, определявшие, как должны собираться налоги, на что должны расходоваться государственные средства. Укоренялось представление о священном праве частной собственности, о праве «лучших людей», т. е. тех, кто платил налоги, управлять делами государства. К XVIII веку беспрецедентные по масштабам институциональные изменения сделали страны Западной Европы непохожими на остальной аграрный мир. Они открыли дорогу ускорению социально-экономического развития, процессу, который позже получил название «современный экономический рост»<sup>7</sup>.

По современным меркам, социальные перемены шли неспешно. Традиции оставались стеновым хребтом европейского мира. Однако постепенно трансформировалось отношение к новшествам, изменяющим привычные установления. Распространялось представление об изменениях как о средстве, позволявшем снять преграды на пути развития общества. Они повышают уровень благосостояния, увеличивают финансовые ресурсы государства. Если для традиционных аграрных обществ связанные с переменами потрясения – синоним беды, то в Западной Европе, европейских переселенческих колониях отношение к изменениям в жизни общества становилось иным. С ними стали связывать исправление несовершенств существующего порядка, создание предпосылок лучшей жизни.

В первых революциях XVII–XVIII веков – голландской, английской, американской – роль традиции была еще сильна<sup>8</sup>. Лидеры голландской революции ссылались на установления, дарованные Бургундским домом. Английская революция XVII века

<sup>7</sup> *Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven; L.: Yale University Press, 1966.*

<sup>8</sup> О том, были бы события в Англии середины XVII века бунтом (смутой) или революцией, историки будут спорить всегда. См.: *Aylmer G.E. Rebellion or Revolution? England 1640–1660. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 195.*

была реакцией на попытки королевской власти изменить организацию жизни страны, отказаться от привычных прав и свобод<sup>9</sup>. Во время революции традиционная система отправления правосудия пострадала, но не была полностью дезорганизована. Несмотря на гражданскую войну, государственные финансы не рухнули. Парламент вотировал сбор налогов, которые раньше отклонял как несправедливые. Лидеры нового режима осознавали, как легко свергнуть новую власть, за которой не стоит традиция<sup>10</sup>, поэтому пытались помириться с Карлом I, понимали, что без этого стабилизировать новую власть трудно.

Противники французской революции приводили в качестве доказательства ее принципиального отличия от английской именно сохранение в Англии социальной стабильности на фоне гражданской войны XVII века. Но эти отличия не надо абсолютизировать<sup>11</sup>. Традиции рушились и в Англии. В обществе, лишенном ограничений, налагаемых традицией, насилие становится ключевым доводом в споре. Неспособность правительства контролировать применение насилия – характерная черта периода английской революции. С этим были связаны перебои в снабжении городов продовольствием.

Гражданская война потребовала формирования постоянной армии. Парламент проголосовал за налоги, необходимые для ее содержания. Но гражданские власти не могли эффективно собирать эти налоги и не могли распустить армию<sup>12</sup>. Это стало ключевой проблемой времен английской революции. Для ее решения

<sup>9</sup> О попытках Стюардов радикально изменить укоренившееся институциональное устройство Англии, связанных с их убеждениями в божественном праве королей и необходимостью восстановить самодержавие см.: *Davies G. The Early Stuarts 1603–1660. Oxford: The Clarendon Press, 1937. P. 30.*

<sup>10</sup> *Токвиль А. де. Старый порядок и революция / Пер. с франц. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997.*

<sup>11</sup> *Burke E., Paine T. Reflections on the Revolution in France and The Rights of Man. N.Y.: Dolphin Books, 1961.*

<sup>12</sup> «Когда солдаты узнали о принятом в парламенте постановлении распустить армию, оставив из 40 тыс. человек только 16 тыс. для гарнизонной службы в Англии, а 12 тыс. человек отправить в Ирландию, возмущение в их среде стало всеобщим. Задумав отделаться от “новой модели”, проникнутой “мятежным духом”, парламент не позаботился выплатить ей задолженность, достигшую 331 тыс. ф. ст.». См.: *История Европы. С древнейших времен до наших дней. В 8 т. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века) М.: Наука, 1994. С. 32.*

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

в 1642 году было конфисковано 2,5 миллиона акров земли, принадлежавших ирландским повстанцам. Они служили гарантиями займов, привлеченных для финансирования военных действий в Ирландии. Операции с бумагами, обеспеченными ирландскими землями, которыми английские власти гасили неплатежи армии, были массовыми. Офицеры скупали их у солдат. Примерно две трети земель в Ирландии перешли в руки новых собственников<sup>13</sup>. С точки зрения современников, ее передел, связанный с конфискацией имущества сторонников короля, выкупом владений под угрозой изъятия властями, перераспределением ирландских земель, был беспрецедентным явлением<sup>14</sup>. Однако по масштабам «великих революций»<sup>15</sup> объемы перераспределения собственно

<sup>13</sup> Acts and Ordinances of the Interregnum 1642–1660, cover the period when Charles was absent from Westminster / Eds. Firth C.H., Rait R. S. L., Pub. by H.M. Stationery Off., Printed by Wyman and Sons, 1911. P. 418; The Statutes of the Realm... From original records, etc. (1101–1713) / Luders A., Edlyn Tomlins Sir T., France J., Tauton W.E., Raithby J. (eds.) L., 1810. P. 598–603.

<sup>14</sup> «Конфискованные земли почти целиком перешли в руки новых крупных землевладельцев из среды буржуазии ж нового дворянства. “Обязательства”, выданные солдатам кромвелевской армии для получения определенных участков земли вместо платы за их службу в армии, большей частью были вскоре же скуплены земельными спекулянтами [...] После победы, одержанной парламентской армией при Нэзби в июне в 1645 г., когда была разбита королевская армия, и после подавления движения клобменов правительством приступило к распродаже первого большого конфискованного у противников буржуазной революции земельного фонда – фонда епископских земель. [...] Только после падения пресвитерианского господства в парламенте, после казни короля и установления республики был принят акт о продаже деканских и капитульских земель (30 апреля 1649 г.). Он напоминал соответствующий ордонанс о продаже епископских земель. Правопреемниками деканов и капитулов являлись специально назначенные опекуны, которым принадлежало право продажи этих земель. В это время уже практиковалась в широких размерах скупка солдатских и офицерских «обязательств» богатыми людьми по дешевой цене через особых агентов с уплатой 5–6 шилл. за фунт. [...] В истории Англии еще не было эпохи, когда такое большое количество земель, принадлежавших феодальным землевладельцам или феодальным корпорациям, поступило бы в продажу в течение столь короткого периода, как 13 лет (1646–1659 гг.). Продажи земель ни во время войны Алой и Белой розы, ни даже во время упразднения монастырей в первой половине XVI в. не были так значительны. Земельная мобилизация захватила в то время также и Ирландию и отчасти Шотландию». См.: Английская буржуазная революция XVII века. Часть I / Под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 121, 372, 374, 392. О масштабном перераспределении земли в ходе английской революции XVII века см.: *Marriott J. A. R. The Crisis of English Liberty: A History of the Stuart Monarchy and the Puritan Revolution.* Westport: Greenwood Press, 1970. P. 341–342.

<sup>15</sup> Об определении термина «великие революции» см.: *Brinton C. The Anatomy of Revolution.* N.Y.: Vintage Books, 1965. P. 4; *Pettee G.S. The Process of Revolution.* N.Y.: Harper. Pollard, Sidney. P. 3.

сти были весьма скромными. И предопределялось это именно сохранением системы отправления правосудия, традиционных установлений в сфере земельной собственности.

Лидеры американской революции также апеллировали к традициям. Восстание североамериканских штатов стало ответом на нарушение английским правительством привычных установлений, при которых налогоплательщики были представлены в парламенте. Ее лозунг был: «Нет налогообложения без представительства!». Американские Штаты могли опираться на долгую традицию самоуправления. Роль королевской администрации в организации ежедневной жизни была ограниченной, государственные расходы низкими, бюрократический аппарат – слабым. Казалось бы, колониальную администрацию легко заменить новыми органами власти. Но и здесь революция – это финансовые неурядицы, неспособность государства вовремя платить армии, инфляция, масштабное перераспределение собственности. Перечитывая то, что писали современники событий, нетрудно увидеть: они говорят о проблемах нестабильного общества, в котором рухнули привычные институты<sup>16</sup>.

Голландская революция оказала лишь ограниченное влияние на доминирующие в Европе представления о должной организации общества. Иное дело – английская. Английские институты изучали, ими восхищались французские мыслители эпохи Просвещения. Однако влияние на европейский мир инноваций, связанных с французской революцией – от равенства граждан перед законом до призыва на воинскую службу, – далеко превзошло все, что было связано с предшествующими ей революциями.

Лидеры французской революции уже не апеллировали к традиции. Речь шла о разрыве со старым порядком, попытке перестроить общественную жизнь на новых основах. Интеллектуальная атмосфера революционной Франции была проникнута идеей о возможности и необходимости глубоких социальных и политических изменений.

<sup>16</sup> *Cooke J.E. (ed.). The Federalist. Middletown: Wesleyan University Press, 1961; о переписке Джорджа Вашингтона с его коллегами по кабинету во время американской революции, связанной с бюджетными неплатежами армии, см.: Webber C., Wildavsky A. A History of Taxation and Expenditure in the Western World. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. P. 367, 368.*

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

Технические инновации, увеличение промышленного производства, урбанизация начинаются во время, близкое к французской революции. На рубеже XVIII–XIX веков наиболее развитые страны Европы, европейские переселенческие колонии вступили в новую индустриальную эпоху. Не удивительно, что в сознании мыслителей XIX века социально-экономические перемены и революция оказались неразрывно связанными.

Исследователи французской революции 1830–1840 годов обратили внимание на связь происходящих процессов с классовой борьбой. Маркс и марксисты, видение мира которых во многом формировалась под влиянием опыта французской революции, ставят вопрос шире: мир меняется и будет меняться. Производственные отношения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Это делает революции неизбежными. Для марксистов естественно представление, что революция предопределена логикой общественного развития, она – необходимый элемент исторического процесса.

На этом фоне непросто понять, почему в работах марксистов XIX века столь мало внимания уделяется влиянию революции на ежедневную жизнь людей, функционирование экономики. Ведь в случае успеха революции марксистам предстояло отвечать за решение финансовых проблем, снабжение городов продовольствием, работу транспорта и связи. Видимо, романтикам революции обсуждать ее влияние на качество французских дорог, ремонт которых при старом режиме обеспечивался натуральными повинностями крестьян, было скучно. Между тем от этого зависело, сможет ли столица связаться с региональными властями, способно ли государство обеспечить порядок<sup>17</sup>.

<sup>17</sup> «Для того чтобы из Парижа успешно руководить и иметь сведения обо всем, требовалось изобрести множество способов контроля. Размеры переписки столь огромны, а медлительность административной процедуры столь велика, что я не припомню случая, когда бы, например, приходу удалось добиться разрешения восстановить свою колокольню или починить дом священника менее чем за год; чаще всего проходят два-три года, прежде чем подобное разрешение будет получено. Сам совет в одном из своих указов (29 марта 1773 г.) отмечает, что «административные формальности влекут за собой бесконечные промедления в делах и часто вызывают самые справедливые жалобы. Тем не менее все эти формальности необходимы», – добавляется в конце». См.: *Токвиль А. де. Старый порядок и революция* / Пер. с франц. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 55. Об ухуд-

Революцию редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который наступал неожиданно для его участников – как правящего режима, так и тех, кто приходил ему на смену. Анализ предпосылок революции дается лишь историкам, изучающим их десятилетия спустя. Современники поражаются неожиданностью произошедших событий.

Франция была централизованной монархией с сильным бюрократическим аппаратом. В регионах власть интендантов – назначаемых центром чиновников – была велика. Они контролировали даже самые незначительные суммы, направляемые на местные нужды. Основой налоговой системы был прямой налог – талья, взимаемый на основе раскладки по территории и круговой поруки. Такая система требовала централизованной налоговой администрации<sup>18</sup>.

Армия Франции в 1780-х годах считалась одной из сильнейших в Европе. Безопасности границ ничто не угрожало. За политической стабильностью стояла вековая история. В то время ничего не предвещало, что французское государство может рухнуть в одночасье.

В эти годы можно было увидеть признаки приближающейся катастрофы: финансовый кризис, неготовность привилегированного сословия к компромиссам. Однако ни депутаты, собравшиеся на заседание Генеральных штатов, ни королевская власть не ожидали ничего подобного тому, что произошло в 1789 году.

Одним из поводов к французской революции стал неурожай 1788 года. Как обычно в аграрных обществах, наиболее острые проблемы возникли летом следующего года. На этом фоне начались заседания Генеральных штатов. С апреля продовольственные беспорядки во Франции стали массовыми. За падением цены на промышленные изделия последовал рост безработицы<sup>19</sup>.

---

шении функционирования дорог, каналов, портов, освещения, всего, что связано с гигиеной, образованием, здравоохранением, поддержанием порядка во время французской революции см.: *Taine H.A. The French Revolution. Vol. 3. Book IV. Chapter II. Food and Provisions. 1878.* Метод доступа: [http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3\\_taine/](http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3_taine/)

<sup>18</sup> *Roberts J. The Counter-Revolution in France 1787–1830. L.: Macmillan, 1990. P. 2.*

<sup>19</sup> *Cobban A. A History of Modern France. Vol. I. Old Regime and Revolution 1715–1799. L.: Penguin Books, 1990. P. 138, 139.*

## Глава I. Политэкономика смуты. Историческая ретроспектива

Предпосылка устойчивости государства – монополия на применение насилия, способность подавить беспорядки. Она зависит от того, что происходит на улице, готовы ли солдаты выполнять приказы, отдаваемые властями. Когда в 1789 году стало ясно, что солдаты приказы не исполняют, режим рухнул, как карточный домик. Выяснилось, что в армии нет полка, готового выступить по приказу короля<sup>20</sup>. Отказ солдат стрелять лишил смелость тем, кто выступал против существующего порядка. Успех служил оправданием бунту. Государство оказалось не просто слабым, а бессильным. Институты старого режима разрушились в течение нескольких дней<sup>21</sup>. Потребовались годы, чтобы выстроить новые.

За несколько лет, прошедших после начала французской революции, были отменены феодальные обязанности, дворянские титулы, система прямых налогов, церковные корпорации, торговые гильдии, административная и финансовая системы, монархия. Сформировались установления нового режима: суверенитет народа, свобода мысли и слова, гарантии собственности, пропорциональное налогообложение, право граждан принимать участие в формировании законов, контроле над налогообложением и использованием государственных финансов. Однако за этими институциональными нововведениями не стояла традиция. В этом была их слабость. Эффективных инструментов обеспечения порядка не существовало. Наивно было надеяться на то, что солдаты будут исполнять приказы новой власти. В подобных обстоятельствах чаще всего не исполняются ничьи приказы. Вопрос о власти решала улица. Настроение толпы быстро меняется. Отсюда череда революционных лидеров, проходивших путь от народных кумиров до гильотины.

<sup>20</sup> О неспособности властей применить насилие при развитии революционного процесса как предпосылке краха существующего порядка см.: *Brinton C. The Anatomy of Revolution*. N.Y.: Vintage Books, 1965. P. 252. Об отсутствии надежных войск, находящихся в распоряжении Людовика XVI лет 1789 года см.: *Cobban A. A. History of Modern France*. Vol. I. *Old Regime and Revolution 1715–1799*. L.: Penguin Books, 1990. P. 149. О той же проблеме в Англии периода революции XVII века см.: *Cattermole Rev.R. Illustrated History, The Great Civil War of the Times of Charles I And Cromwell*. L.: Henry G. Bohn, 1857. P. 70, 71.

<sup>21</sup> Французские государственные деятели на протяжении века пытались отменить внутренние таможенные барьеры. Их усилия были безуспешны. Во время революции изменить положение удалось за считанные дни. См.: *Hampson N. The First European Revolution 1776–1815*. L.: Thames and Hudson, 1970. P. 89.



После краха старого режима налоговая система во Франции была демонтирована. Талья перед началом революции – символ ненавистного режима. Сохранить его новые лидеры страны не могли. Большинство косвенных налогов было отменено в 1791 году. Решение революционных властей об отмене прежних налогов до формирования новой налоговой системы современным экономистам представляется странным шагом. Но он был вынужденным – старую налоговую систему новое государство, не имеющее аппарата, способного применить силу для сбора тальи, сохранить не могло. Когда талья ушла в прошлое, крестьяне перестали платить налоги, выполнять феодальные повинности. Принудить их платить новые налоги – задача непростая. Когда заработает новая система поземельного налога, власти не знали. Но государство нельзя закрыть, даже когда крестьяне не желают платить. Армия требует денег. Дороги надо чинить, каналы ремонтировать. Есть институты, обеспечивающие отправление правосудия, элементарный порядок. Если их не финансировать, то даже тот невысокий, по современным меркам, уровень цивилизации, который характерен для Франции 1780-х годов, сохранить невозможно.

Революционные власти пытались найти источники финансирования государственных расходов – национализировали церковные земли, имущество эмигрантов, печатали деньги. Поскольку в эпоху революций права собственности плохо определены, не гарантированы, то и цена приватизируемого имущества невысока. Крестьяне захватывали землю без разрешения властей. Остановить этот процесс государство было не в состоянии. Выручка от продажи церковной собственности составила, по разным оценкам, от 15 до 50% той, которую можно было получить в условиях устойчивой власти<sup>22</sup>.

Основными аргументами в пользу наращивания эмиссии ассигнатов были недостаток денег в обращении и ожидание, что их выпуск оживит промышленность, сделает собственность до-

---

<sup>22</sup> *Hampson N. A Social History of the French Revolution. L.: N.Y.: Routledge, 1963. P. 126.*

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

ступной для населения. Но эмиссия денег вела к их быстрому обесценению.

Во время революции устойчивость нового режима, судьба страны зависели от того, кого поддержат жители столицы. Их настроение напрямую связано со снабжением Парижа продовольствием. Но с отменой налогообложения, феодальных повинностей крестьянам не было нужды продавать зерно в прежнем объеме<sup>23</sup>. Революционный хаос в городах приводил к сокращению производства промышленных товаров, привлекательных для крестьян. За продовольствие горожане расплачивались с крестьянами обесценивающимися ассигнатами.

В 1790–1791 годах справиться с дефицитом продовольствия удалось благодаря хорошему урожаю. Административного регулирования цен не потребовалось. К тому же эта идея противоречила настрою политической элиты, ее либеральным взглядам. Сен-Жюст произнес речь в поддержку свободы торговли, против эмиссии ассигнатов. Его поддержал Марат. Он говорил о связи денежной эмиссии с распространением бедности<sup>24</sup>. В глазах якобинцев обесценение ассигнатов, дефицит продовольствия, анархия – результат заговора монархистов.

В 1791–1792 годах проблема дефицита продовольствия в городе обострилась. Осенью 1792 года в Париже требование ввести регулирование хлебных цен, как это было при старом режиме, стало популярным.

Крестьяне не везли в город продовольствие, ждали более выгодных условий продажи. Стабилизировать финансы не удавалось. Армия соглашалась принимать в качестве жалования лишь золото. В казну оно не поступало, купить его за ассигнаты было невозможно. Решения Конвента от 8 и 11 апреля 1793 года о запрете торговли за золото, обязательности принятия ассигнатов по номиналу не помогли. Требования ввести контроль за ценами

<sup>23</sup> Об увеличении использования крестьянами зерна на корм скоту и сокращений его поставок в города см.: *Cobb R.C. The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820. Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 260–263.*

<sup>24</sup> *Aftalion F. The French Revolution. An Economic Interpretation. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 123.*

становились популярными. 4 мая 1793 года Конвент ввел регулирование хлебной торговли.

Региональным властям было предоставлено право проводить обыски и конфискации. Начались реквизиции продовольствия. 26 июля 1793 года были приняты законы, запрещающие создание запасов продовольствия. Те, кто владеет товарами первой необходимости, должны их декларировать. Те, кто этого не сделал, подлежат смертной казни. 9 августа 1793 года был принят закон о зерновом хозяйстве, 15 августа 1793 года введен зерновой налог, 11 сентября введен максимум цен на зерно во Франции. В начале сентября создана специальная революционная армия для осуществления революционного террора. Ее важнейшая задача – борьба со спекулянтами<sup>25</sup>.

За налогами старого режима стояла традиция. Реквизиции – вещь непривычная. Они не подкреплены хорошо выстроенным административным аппаратом. Размеры изъятий продовольствия не определены, для крестьян непонятны. Региональные органы управления вынуждены опираться на помощь сторонников революционной власти – санкюлотов<sup>26</sup>. Крестьяне относятся к реквизициям как к грабёжам. Ответ на них – сокрытие запасов, саботаж, убийства тех, кто помогает реквизициям.

Снабжение продовольствием Парижа, его окраин, других крупных французских городов для властей вопрос критический<sup>27</sup>. Правительство якобинцев столкнулось с недовольством в городе и риском восстания в деревне. Париж надо кормить. Денег, чтобы купить продовольствие у крестьян, – нет. В готовности стрелять по участникам крестьянских беспорядков национальная гвардия проявляла больше решимости, чем войска старого режима. Но

<sup>25</sup> *Aftalion F. The French Revolution. An Economic Interpretation.* Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 129, 135–147.

<sup>26</sup> Санкюлоты – это сочетание социального статуса, поведения и политических убеждений. В большинстве случаев санкюлотами называли городских ремесленников и торговцев, не имеющих образования и не претендующих на статус благородного человека. См.: *Hampson N. The First European Revolution 1776–1815.* L.: Thames and Hudson, 1970. P. 99.

<sup>27</sup> *Cobb R. C. The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820.* Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 260.

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

при массовом сопротивлении крестьян снабжение продовольствием Парижа становилось задачей трудноразрешимой.

У пустых булочных выстраиваются очереди. 29 октября 1793 года власти вводят карточное распределение продовольствия. В ноябре 1793 года запасов продовольствия в Лионе осталось лишь на 2–3 дня. В Руане жители получают полфунта хлеба в день. В Бордо люди спят у двери булочных в ожидании привоза хлеба.

В феврале 1794 года правительство информирует об исчерпании продовольственных ресурсов в некоторых регионах Франции<sup>28</sup>. К этому времени по карточкам выдавали хлеба по 250 граммов на человека в день. На крестьян, приехавших в город продать продовольствие, нападали. Радикалы, контролировавшие коммуны в Париже, были убеждены, что только гильотина поможет подавить заговор тех, кто продает, против тех, кто покупает зерно.

Правительство действовало решительно, с беспрецедентной по тем временам жестокостью. Не помогало. В подобной ситуации сохранение власти не зависит от того, сколько людей руководители революционного режима готовы казнить. Волна убийств санкюлотов, прокатившаяся по сельским регионам Франции после краха якобинского режима, наглядно показала отношение крестьян к реквизициям<sup>29</sup>.

Термидорианские власти в ноябре 1794 года повысили административные цены на продовольствие. В декабре регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию отменили. Но холодная зима, рост потребления продовольствия крестьянами, падение курса ассигната определяют развитие событий на рынке. Кризис снабжения городов продолжился и при свободных ценах. В 1794–1795 годах в Париже голод. Только к осени 1796 года либерализация экономики и хороший урожай позволили выправить положение. Механизмы государственного управления стали восстанавливаться. Но потребовались годы, чтобы снизить инфля-

<sup>28</sup> *Taine H.A. The French Revolution. Vol.3. Book IV. Chapter II. Food and Provisions. 1878.* Метод доступа: [http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3\\_taine/](http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3_taine/)

<sup>29</sup> О белом террепе см.: *Cobb R. C. The Police and the People. French Popular Protest 1789–1820. Oxford: The Clarendon Press, 1970. P. 93.*

цию, восстановить налоговую систему<sup>30</sup>. Стабилизация бюджета произошла лишь после дефолта по государственным ценным бумагам. Только к концу 1790-х годов важнейшие экономические показатели вышли на уровень, близкий предреволюционному.

Нетрудно представить, как за эти годы поменялось отношение к революционным идеалам. Французы, увидевшие, как выглядят великие потрясения, были поражены контрастом между тем, чего они ожидали, и тем, что получили. В это время большинство из них мечтали об одном – порядке<sup>31</sup>.

Генерал, готовый восстановить порядок, оказался в правильное время в нужном месте. Во французской политике лозунг свободы был на годы снят с повестки дня. Наполеон контролировал все, что происходит в обществе, жестче, чем Людовик XVI. Но были сохранены важные для ежедневной жизни людей завоевания революции: равенство перед законом, отношения собственности, отсутствие феодальных повинностей. Наполеон втянул Францию в череду внешних авантур, однако обеспечил внутреннее спокойствие и эффективную централизованную администрацию<sup>32</sup>.

После Реставрации Бурбонов равенство граждан перед законом было сохранено, привилегии аристократии не восстановили. Никто не был свободен от налогов. Людовик XVIII подтвердил незыблемость новой структуры собственности, сохранил адми-

<sup>30</sup> Подушевые доходы от налогообложения во Франции достигли дореволюционного уровня лишь в 1810 году. См.: *Sargent T. J., Velde F. R. Macroeconomic Features of the French Revolution // The Journal of Political Economy. Vol. 103(3). March 1995. P. 494.*

<sup>31</sup> «Когда могучее поколение, стоявшее у истоков Революции, было уничтожено или обескровлено, как обычно происходит с любым поколением, берущимся за подобное дело; когда, следуя естественному ходу событий, любовь к свободе утратила свой пыл и остыла под влиянием всеобщей анархии и диктатуры народной толпы; когда, наконец, растерявшаяся нация начала как бы ощупью искать своего господина, – именно тогда неограниченная власть смогла возродиться и найти для своего обоснования удивительно легкие пути...» См.: *Токвиль А. де. Старый порядок и революция / Пер. с франц. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 161–165.*

<sup>32</sup> Наполеон представлял собой порядок, и это было именно то, чего страстно желало французское общество. Нельзя сказать, что он уничтожил свободу, потому что уже нечего было уничтожать. Он лишь заменил анархию деспотизмом. Но это был режим, который люди, уставшие от десятилетия революции, были готовы приветствовать. См.: *Dickinson G.L. Revolution and Reaction in Modern France. L.: George Allen & Unwin LTD, 1927. P. 61, 62.*

## Глава I. Политэкономика смуты. Историческая ретроспектива

нистративную, юридическую и фискальную системы наполеоновской империи.

Важная характерная черта, которая отличает смуты в аграрных обществах от революций, состоит в том, что смуты заканчиваются восстановлением традиционных институтов, а в ходе революций укореняются новые, изменяются основы общественного устройства.

### § 3. Проблемы обществ с рухнувшими институтами

Поколения историков обречены обсуждать, была ли французская революция по своей природе классовой, какое влияние она оказала на развитие страны, в какой степени с ней связана череда «малых революций» 1830, 1848 и 1871 годов. Трудно представить и завершение дискуссии о том, была ли российская смута начала XVII века результатом переобложения крестьянства налогами во время Ливонской войны, его закрепощения или результатом случайных обстоятельств (пресечение династии), наложившихся на внешние факторы, слабо связанные с ходом российской истории. Можно привести список важных для национальной, а иногда и мировой истории вопросов, дискуссии по которым будут продолжаться долго. Но эти вопросы: почему крах институтов старого режима стал реальностью, какие социальные силы участвовали в политической борьбе, кто в ней победил, как произошедшее отразилось на долгосрочных перспективах развития страны и мира, — несомненно, важны для понимания логики исторического процесса, но выходят за пределы предмета данной работы.

Здесь же речь идет о том, с какими проблемами сталкиваются общества, в которых важнейшие для организации жизни установления рухнули, а новые не сформировались. Или, в терминах современной экономической науки, проблемы общества в период деинституционализации.

Цивилизация — хрупкая конструкция. Ее невозможно сохранить, если в города не поступает продовольствие, не обеспечен элементарный порядок, армия не способна защитить территорию, нет ресурсов для ее содержания. Когда социальные механизмы работают удовлетворительно, люди воспринимают это как само собой разумеющееся. Можно жаловаться на дороговизну или коррупцию, преступность, но человеку, выросшему в стабильном цивилизованном обществе, непросто представить, что хлеб в город не привозят вовсе, а полиция исчезла с улиц. Когда он сталкивается с подобной ситуацией, она представляется ему катастрофой, кошмаром, для людей религиозных — проявлением гнева божьего.

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

Цивилизацию можно сравнить с достижениями науки и техники, которые кардинально изменили нашу жизнь. Например, электричество. Тысячи лет человечество обходилось без него и создало великие культуры. Электричество сделало быт более комфортным, но и более хрупким. Прекращение электроснабжения крупного города на двое суток – тяжелое испытание для его жителей, а во время холодной зимы – катастрофа.

На заре цивилизации производство и потребление продуктов питания были тесно связаны, территориально объединены. Чтобы жизнь шла своим чередом, не нужны были развитая иерархия, упорядоченное налогообложение, письменность. В цивилизованных обществах без этого обойтись стало невозможно. Утрата письменности в Восточном Средиземноморье после краха крито-микенской цивилизации на века вернула общество на доцивилизационный уровень развития.

В древнем мире проблемы деинституционализации характерны для централизованных аграрных империй. В современную эпоху с ними может столкнуться любая индустриальная страна, жизнь которой зависит от бесперебойной работы железных дорог, аэропортов, энергетических систем, телефонной связи. Обеспечить функционирование инфраструктуры без системы действующих социальных институтов невозможно.

Национальная и культурная специфика, внешняя среда, уровень грамотности, степень урбанизации накладывают отпечаток на то, как разворачиваются события в период деинституционализации. Если выстроить идеальную модель смут и революций<sup>33</sup>, можно увидеть картину взаимосвязанных процессов, разворачивающихся на фоне краха институтов старого режима.

Ключевой институт – монополия органов государства на применение насилия. До тех пор, пока она сохраняется, пока армия готова выполнять приказы, режим остается стабильным, крушение ему не грозит. В России это показали события 1905–1907 годов, когда гвардейские части подавили попытку вооруженного восстания в Москве, а вернувшаяся с Дальнего Востока армия усмирила вышедшую

<sup>33</sup> Определение «идеального типа» по Веберу см.: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 605, 606.



из-под контроля деревню. Неповиновение войск власти – явление в истории нечастое, поэтому закрепилось представление, что армия всегда лояльна режиму. Пока и общество, и власть в это верят, силу применять не приходится. Граждане, недовольные действующим режимом, вынуждены ограничиваться мирными протестами.

Но верность армии существующей власти, ее готовность выполнить приказ применить оружие против народа – не гарантирована. Речь идет не о рыцарском ополчении, а об армиях централизованных аграрных государств или государств, находящихся в процессе современного экономического роста. Армия связана с обществом. Если в нем преобладает убеждение, что власть несправедлива и коррумпирована, добиться того, чтобы этого не обсуждали в армии, невозможно. Когда в казармах говорят о том, что в случае народных выступлений войска могут отказаться стрелять, число военных, готовых открыть огонь, сокращается. Солдаты и офицеры понимают: если режим падет, то толпа растерзает именно тех, кто открыл огонь.

Первые признаки проявления нелояльности армии означают, что режим столкнулся со смертельной угрозой. Когда неповиновение становится открытым, распространяется на столичный гарнизон, падение власти неизбежно. Но и для армии, основа которой – дисциплина, отказ исполнять приказы, измена существующей власти – тяжелая травма. Полагать, что после отказа применять оружие против народа воинские части спокойно вернутся в казармы, – иллюзия.

Со старой властью армию связывают традиции, привычка подчиняться. С новой властью – ничего. Это выясняется сразу после того, как проходит эйфория первых послереволюционных дней. Армейский механизм перестаёт работать, дисциплина падает, солдаты приказы обсуждают, а не выполняют. Трудно объяснить им, почему они должны рисковать жизнью, выполняя распоряжения лидеров нового режима. Дезертирство с оружием становится массовым. У новых властей нет пригодной к боевому применению армии. По улицам бродят агрессивные толпы вооруженных людей.

Во времена революций органы правопорядка ассоциируются со старой властью. При массовом протесте общества и нелояльности армии полиция бессильна. Она и не пытается предотвратить крах ре-

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

жима. Но, когда он происходит, полицейские – первые жертвы, на которых толпа вымещает накопившуюся ненависть к старым властям.

Эффективно функционирующая система правоохранительных органов – сложная структура, опирающаяся на развитую систему связей, накопленную информацию, агентурную сеть. Она рушится за несколько дней. Даже когда сотрудников полиции в массовых масштабах не убивают или увольняют, работа правоохранной системы оказывается парализованной. Её сотрудники знают, что общество им не доверяет. Если в городе никто не контролирует вооружённых солдат, работа по обеспечению правопорядка опасна и неблагодарна. К тому же непонятно, насколько устойчива новая власть, не придётся ли потом отвечать за сотрудничество с ней. После краха старого режима на улице долго не встретишь представителя правоохранительной власти, готового поддерживать порядок.

Тюрьмы – один из ключевых символов тирании. Толпа, распахивающая ворота тюрьмы, неспособна вести следствие и вершить суд, разбираться в том, кто сидит за несояльность властям, а кто за убийство и грабёж. Все, кого старый режим считал преступниками, оказываются на свободе. Паралич работы органов правопорядка, тысячи выпущенных из тюрем уголовников, отсутствие контроля над оружием, разгул преступности характерны для всех смут и революций.

Новые лидеры приходят к власти на волне народной поддержки, воплощают общественный протест против старого режима. Эти энергичные и нередко талантливые люди обещают народу, что, когда будет покончено с деспотизмом, жизнь можно будет наладить, решить застарелые общественные проблемы. Вера в это помогает выводить людей на баррикады.

С падением режима проблемы финансового кризиса, перебоев со снабжением городов продовольствием встают перед новой властью. Возможности их решить – ограничены. Через несколько дней после революционных событий люди задаются вопросом: а кто такие представители новой власти, откуда они взялись, с какой стати мы должны им подчиняться?

На этом фоне иногда возникает феномен многовластия. Каждый из конкурирующих центров претендует на то, что именно он – законная власть. Пока эти центры борются между собой, страна по-

гружается в омут анархии. Гоббс, описавший в «Левиафане» картину борьбы всех против всех, ничего не выдумал. Он лишь стилизовал известные ему картины английской революции середины XVII века<sup>34</sup>.

Контроль органов власти над ситуацией на местах – предпосылка эффективного функционирования централизованных государств. После краха прежнего режима система контроля за сбором налогов, использованием финансовых ресурсов, судопроизводством, обеспечением правопорядка в отдалённых от столицы регионах выходит из строя. Уполномоченных прежними властями чиновников, представлявших центральную власть, смещают или перестают им подчиняться. Феномен многовластия не ограничивается столицей, он есть и на региональном и субрегиональном уровнях.

Термином «собственность» описывают разные социальные конструкции. То, что в последние века в Европе принято называть собственностью, не слишком подходит к описанию реалий большей части аграрного мира. Но при всех различиях в стабильно функционирующих обществах понятно, кто в этом году владеет и пользуется участком земли. Это признают и органы власти, и соседи. Переделы земли могут быть распространённой практикой, но и они привычны и предсказуемы. Для разрешения споров о земельной собственности есть устоявшиеся механизмы: община, суд. Всё это работает до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение насилия. Когда её нет, система обеспечения правопорядка, судопроизводства парализованы. Массовыми становятся грабежи, самозахваты земли, её переделы. Само понятие собственности становится размытым, условным. Отсутствие ответа на вопрос о том, насколько самозахваты приносят устойчивые результаты, не вернут ли землю старым хозяевам при изменении расклада сил в столице, подрывает стимулы к вложениям в улучшение качества земли, дезорганизует сельскохозяйственное производство.

Сборщик налогов – один из ненавистных персонажей в истории. Тяжесть налогового бремени, несправедливость его распределения подвигают людей на выступления против старого

<sup>34</sup> Гоббс Т. Левиафан: или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Ред. А. Ческис. М.: Государственное Социально-Экономическое Издательство, 1936.

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

режима. Призывы снизить или отменить налоги – эффективное оружие в борьбе за власть. Когда новые власти берут в руки бразды правления, они вынуждены принять как данность тот факт, что исполнение государством его обязанностей надо финансировать. Независимо от того, пытается новая власть отменить налоги или ограничивается их снижением, возможности налогообложения снижаются. Люди не понимают, почему после краха старого режима они по-прежнему что-либо должны платить государству.

Если государство не может ни отказаться от расходных обязательств, ни собрать необходимые для их финансирования налоги, результат однозначен. Это финансовый кризис. В обществах, в широких масштабах использующих бумажные деньги, первая реакция властей – переход к эмиссионному финансированию бюджетных расходов. Инфляция нередко перерастает в гиперинфляцию, приводит к параличу денежного обращения. Там, где роль бумажных денег в экономике ограничена, власти пытаются решить проблему порчей монеты. Иногда эмиссионное финансирование и бюджетные неплатежи становятся последовательными стадиями развёртывания финансового кризиса. Когда доверие к бумажным деньгам подорвано, возможности мобилизации эмиссионных доходов приблизились к нулю, государство отказывается от денежной эмиссии. Однако расходные обязательства остаются. Массовыми становятся бюджетные неплатежи, задолженность государства перед армией, чиновниками.

Крах старых институтов и отсутствие новых по-разному сказывается в деревне и в крупных городах. Деревня может обеспечить себя продуктами питания при любом режиме, если их, конечно, не отбирают силой. От городских товаров можно на время отказаться. В малых городах жители ещё не оторвались от села, нередко обрабатывают земельные участки. Здесь положение сложнее, чем в деревне, но тоже не критическое.

В крупных городах снабжение продовольствием становится трудноразрешимой проблемой. Сказывается расстройство коммуникаций. Дороги не ремонтируют, каналы мелеют, шлюзы выходят из строя. Паралич правоохранительных органов, рост преступности делают торговлю занятием опасным. Это ведет к натурализации крестьянского хозяйства.

Разрушение налоговой системы снижает потребность деревни в деньгах. Сборщик налогов больше не приходит, а если придет, его можно выгнать, не опасаясь последствий. Реакция крестьянского хозяйства на облегчение налогового бремени – сокращение производства товарного зерна, рост потребления продуктов питания в крестьянских семьях.

Крестьяне не торопятся обменивать продовольствие на теряющую цену «крашеную бумагу». Попытки организации безденежного продуктообмена между городом и деревней не позволяют обеспечить минимальные потребности города в продуктах питания. Город нуждается в продовольствии больше, чем деревня в промышленных товарах.

Характерные черты периодов деституционализации: кризис продовольственного снабжения крупных городов, дороговизна продуктов питания. Это удар по уровню жизни городского населения, особенно его низкодоходных групп. Между тем речь идёт о социальных группах, которые недавно принимали участие в выступлениях, приведших к свержению старого режима. В общественном сознании зреет убеждение: при старой власти было плохо, при новой – еще хуже. Ответственность за это лежит на лидерах нового режима. Их надо сменить, более того, казнить.

В руках у новых властей нет ни боеспособной армии, ни работающих органов правопорядка. Развитие политического процесса зависит от того, кого поддержат жители столицы. Получить их поддержку надо любой ценой. Необходимая предпосылка – удовлетворительное обеспечение столицы продовольствием. Если его невозможно добиться, закупая продукты питания в деревне по рыночным ценам, выход один – насильственная реквизиция. Она может проводиться конкурирующими городскими отрядами, которые отправляются в деревню отнимать у крестьян зерно, или централизованными формированиями, выполняющими те же задачи. Результат один – город объявляет деревне войну, силой пытается взять продовольствие, которое крестьяне не готовы продавать за обесценивающиеся деньги.

Отношение крестьян к происходящему понять нетрудно. Представители прежнего режима требовали уплатить налоги на основе привычных правил. Пришедшие из городов вооружённые люди отбирают у крестьян урожай, не задумываясь, сколько можно взять,

## Глава I. Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива

чтобы не разрушить крестьянское хозяйство, не обречь крестьянскую семью на голод. На этих людей в деревне смотрят как на грабителей. Реакция на попытки города силой взять продовольствие в деревне понятна – восстания, нередко перерастающие в гражданскую войну. В некоторых регионах страны крестьянский протест делает реквизиции невозможными. За этим следует ухудшение продовольственного снабжения городов, введение карточной системы распределения продовольствия, не отоваренные карточки. Крестьяне ненавидят новые власти за то, что они отбирают хлеб. Городские низы ненавидят их за то, что снабжение ухудшается, наступает голод. Нарастает недовольство, усиливается политическая нестабильность. На нее накладывается уязвимость государства, переживающего кризис деинституционализации, по отношению к притязаниям соседей к его территории. После развала армии страна, еще недавно бывшая активным участником международных процессов, становится беззащитной. Сохранение ее целостности, масштабы территориальных потерь зависят от алчности соседей.

Стабилизация новых институтов требует времени. Нужно, чтобы общество к ним привыкло, чтобы на смену прежней системе сбора налогов пришла новая, позволяющая покончить и с высокой инфляцией, бюджетными неплатежами; чтобы армия обрела боеспособность, а правоохранительная система начала работать; чтобы стабильные деньги позволили наладить торговлю между городом и деревней, отказаться от реквизиций, обеспечить рост сельскохозяйственного производства, а отношения собственности в том виде, в котором они сложились, стали привычными. Сколько на это требуется времени – угадать трудно. В XX веке самый длинный период деинституционализации – Китайская революция 1911–1949 годов. Но история знает и более протяженные периоды хаоса и анархии, следующие за крахом централизованной империи.

Даже если ограничится крупными странами, события в которых играли существенную роль в мировой или региональной истории, число случаев, когда обществу приходилось решать проблемы деинституционализации, исчисляется десятками. Объять необъятное нельзя. В следующей главе автор попытается проиллюстрировать сказанное на примере событий 1917–1922 годов в России.

## **ГЛАВА II**

### **Русская революция: жизнь без государства**

О произошедшем в России в 1917–1922 годах написано не меньше, чем о французской революции конца XVIII в. Причины революции видят в кризисе догоняющего развития, в запоздалом и неудачном решении вопроса о земле в ходе реформы 1861 года, в конфликте между крестьянами и помещиками. Революцию связывают с трудностями адаптации к городской жизни выходцев из села, с неспособностью царского режима найти компромисс с образованной частью общества, с отчуждением власти и интеллигенции.

Когда обсуждают более частные причины беспорядков в Петрограде, переросших затем в революцию, упоминают массовую мобилизацию крестьян, тяжести войны, трудности продовольственного снабжения, политику немецких властей, поддерживавших тех, кто выступал за сепаратный мир с Германией.

При всем разнообразии причин русской революции, обсуждавшихся в литературе, нельзя забывать одно обстоятельство: она была неожиданной для современников – и для тех, кто стоял у власти, и для тех, кто находился по отношению к ней в оппозиции. Слова В. Ленина: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», произнесенные в Швейцарии на собрании рабочей молодежи накануне Февральской революции, хорошо известны<sup>1</sup>. Но их можно списать на то, что речь произнёс эмигрант, оторванный от российских реалий. Но и для тех, кто находился в Петрограде, происходившее стало неожиданностью. С этим согласно большинство участников событий февраля 1917 года, оставивших свои воспоминания об этих днях.

---

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 30. М.: Изд-во политической лит-ры, 1969. С. 328.



## § 1. Крах Российской империи – солдаты отказываются стрелять в толпу

О том, в какой степени начавшиеся 23 февраля в Петрограде беспорядки были связаны с перебоями в снабжении города продовольствием, мнения расходятся. Те, кто полагает, что именно перебои стали причиной антиправительственных выступлений и забастовок, ссылаются на то, что трудности с поставками топлива в Петроград привели к ограничению выпечки хлеба, его дефициту, к хлебным очередям<sup>2</sup>. Их оппоненты резонно отвечают, что по сравнению с тем, что Россия пережила в последующие годы, ситуация с продовольственным снабжением в Петрограде в феврале 1917 не была катастрофической, голод городу не грозил<sup>3</sup>. Однако надо иметь в виду, что это спор о том, как смотрятся происходившие в февральские дни 1917 года события спустя долгое время.

Как оценивали причины сами участники событий, легче понять, вспомнив лозунги, с которыми в эти дни горожане выходили

<sup>2</sup> А. Н. Хвостов, вскоре назначенный на пост министра внутренних дел, уже в октябре 1915 г. предупреждал о надвигающемся топливном и продовольственном кризисе в центральных и северных регионах России. Петроград, по его мнению, был особенно уязвим: вместо 450 железнодорожных вагонов, необходимых ежедневно для удовлетворения потребностей города, в указанный месяц выделялось в среднем по 116. См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917). Л.: Наука, 1967. С. 132–133. См.: *Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005. С. 327.

<sup>3</sup> К. И. Глобачев вспоминал: «Нужно сказать, что в Петрограде с некоторого времени при булочных и хлебопекарнях появились очереди за покупкой хлеба. Это явление произошло не потому, что хлеба в действительности не было или его было недостаточно, а потому, что благодаря чрезмерно увеличившемуся населению Петрограда, с одной стороны, и призыву очередного возраста хлебопеков – с другой, не хватало очагов для выпечки достаточного количества хлеба. К тому же как раз в это время, для урегулирования раздачи хлеба, продовольственная комиссия решила перейти на карточную систему. Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточным, и, кроме того, ежедневно в Петроград доставлялось достаточное количество вагонов с мукой». См.: *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 61. В свою очередь А. И. Солженицын пишет: «Хлеб? Но теперь-то мы понимаем, что сама по себе хлебная петля не была так туга, чтоб задушить Петроград, ни тем более Россию. Не только голод, а даже подлинный недостаток хлеба в Петрограде в те дни ещё не начинался. По нынешним представлениям – какой же это был голод, если достоялся в очереди – и бери этого хлеба, сколько в руки возьмёшь? А на многих заводах администрация вла снабженки продуктами сама – там и очередей хлебных не знали». *Солженицын А. И.* Размышления над Февральской революцией. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 16.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

на демонстрации: «Хлеба!», «Долой войну!»<sup>4</sup>. Как ситуацию в Петрограде воспринимали власти, видно из телеграммы начальника Штаба Верховного командования генерала Алексева: «... двадцать пятого февраля толпы рабочих, собиравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими частями. Около семнадцати часов у Гостиного Двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздались несколько револьверных выстрелов, и был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. Двадцать пятого февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Генералом Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия. По донесению генерала Хабалова, с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого в двадцать два часа получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику»<sup>5</sup>.

Почувствовать атмосферу вечера 26 февраля в Петрограде легче, если вспомнить о картине мира, которая сложилась у тех, кто противостоял режиму, и тех, кто его защищал. Для революционеров отправной точкой при осмыслении происходящего был опыт революции 1848 г. во Франции<sup>6</sup>. Этот опыт показал, что

<sup>4</sup> По оценкам некоторых исследователей, антивоенные лозунги в Петрограде февраля 1917 года особой популярностью не пользовались. Сказывалось то, что большая часть петроградских рабочих, участвовавших в манифестациях, была занята на оборонных заводах. См.: *Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. С. 69.

<sup>5</sup> Документ к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского // Архив русской революции. В 22 т. Т. 3. М.: «Терра»: Политиздат, 1991. С. 250.

<sup>6</sup> *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. С. 29

при современных средствах вооружения армии противостоять ей вооруженный народ не в состоянии<sup>7</sup>. Те, кто защищал власть, в меньшей степени интересовались историей французских революций, но помнили опыт 1905–1907 годов. Из него они извлекли: если власть готова применить силу, антиправительственные выступления можно потопить в крови. И для тех и для других итог событий 26 февраля был ясен: режим отдал приказ стрелять, армия его выполняет, беспорядки будут подавлены<sup>8</sup>.

План действий на случай массовых беспорядков в Петрограде у власти был. Но предпосылкой его реализации была лояльность войск. Это власти не подвергали сомнению. Шаги, которые необходимо предпринять, если солдаты откажутся выполнять приказы, в планах предусмотрены не были. Те, кто отвечал за обеспечение порядка, понимали, что стрельба по безоружным соотечественникам – для солдат тяжелая психологическая травма<sup>9</sup>. Но до вечера 26 февраля отказ стрелять по демонстрантам был редкостью, такие случаи пресекались начальством<sup>10</sup>.

В ночь с 26 на 27 настроение солдат стало меняться. «Применение ружейного огня против толпы всегда производит сильное впечатление на солдат и на офицеров. Когда же стрелять приходится против невооруженной толпы, среди которой большин-

<sup>7</sup> Там же. С. 27–29.

<sup>8</sup> «... Ни один из солдат из состава армейских частей, брошенных на подавление Московского восстания, не дезертировал и не отказался выполнять приказы. Восстание продолжалось до 20 декабря и было подавлено с использованием гвардейских полков и артиллерии. Ряд меньших по масштабу восстаний в других городах России был ответом на московское сражение, но все они были разгромлены». См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. С. 95.

<sup>9</sup> Однако лояльность войск поколебалась, когда они получили приказ стрелять по безоружным людям. Русским солдатам всегда претило, чтоб их использовали против гражданских, но теперь такая роль им нравилась всего менее, ибо, еще «зеленые» рекруты, они по-прежнему жили гражданскими интересами и сочувствовали гражданским нуждам. Наблюдая поведение казаков и солдат в эти критические дни, Суханов почувствовал, что они ищут лишь предлога, чтобы присоединиться к демонстрантам. См.: Пайнс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005 С. 378.

<sup>10</sup> Настроение войск неопределенное. Есть, очевидно, стреляющие (драгуны), но есть и оцепленные, т. е. отказавшиеся. Вчера отказался Московский полк. Сегодня, к вечеру, имеем определенные сведения, что – не отказался, а возмутился – Павловский. Казармы оцеплены и все Марсово Поле кругом, убили командира и нескольких офицеров. См.: Гунтуц З. Дневники. В 2 кн. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 452.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

ство просто зеваки, впечатление оказывается почти потрясающим. Вид безоружного противника, вид убитых и раненых из его рядов смущает солдата. Да правильно ли поступает начальство, приказывая стрелять? Да хорошо ли, что мы стреляем? Эти вопросы невольно приходят в голову солдата»<sup>11</sup>.

В середине дня 27 февраля были разгромлены окружной суд, артиллерийское управление. Из арсенала было похищено около 40 тыс. винтовок. Военное ведомство было уверено, что справится с ситуацией. Из телеграммы военного министра генерала Беляева генералу Алексееву 27 февраля 1917 года: «Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие»<sup>12</sup>.

В штаб округа вызвали оказавшегося в Петрограде энергичного, преданного царю офицера – полковника Кутепова. Генерал Хабалов поставил перед ним задачу подавить беспорядки. При крахе военной организации решающее значение имеет то, остались ли в распоряжении властей пусть небольшие, но надежные части. Полковник Кутепов просил для выполнения приказа одну надежную бригаду. Ее не нашлось. Происходившее на протяжении следующих часов он описывает так: «На Невском проспекте у Александринского театра около магазина Елисеева я встретил пулеметную роту, идущую к Градоначальству. Пулеметы и ленты люди несли на себе. Когда я поздоровался с ротой, то ответило только несколько голосов. В роте уже имелось распоряжение, что 12 пулеметов поступают ко мне. Когда я обратился к командиру полуроты штабс-капитану, фамилии его не помню, и спросил, могут ли они открыть огонь по первому приказанию, то он очень

<sup>11</sup> Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1962. С. 121.

<sup>12</sup> Февральская революция 1917 года. (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. Т.2 (21) / Под ред. В.В. Адоратского и др. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 8.

смущенно мне заявил, что у них нет совсем масла и воды в кожихах. Я приказал ему послать за всем необходимым и на первой же остановке немедленно изготовить пулеметы к бою... Вслед за этим подойдя к пулемету, стоящему у Артиллерийского переуллка и направленному на Баскову улицу, я был удивлен, найдя его не заряженным. Когда я приказал его зарядить, то командир полуроты, стоявший здесь, сказал, что у них в кожихах нет воды и глицерина, а также нет смазки, и что пулемет не может быть изготовлен к бою... Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари. Среди криков я слышал свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»<sup>13</sup>.

За 24 часа, прошедших между вечером 26 и вечером 27 февраля 1917 года, императорская власть, имеющая за собой многовековую традицию, перестала существовать. Стремительность произошедшего поражала современников. В. В. Розанов так писал об этом: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало...»<sup>14</sup>.

Когда происходит подобная катастрофа, роль писанных законов, правовых процедур – невелика. Монополия государства на применение силы рушится. Ключевой вопрос – есть ли боеспособные части и чьим приказам они подчиняются. Россия – империя, втянутая в Первую мировую войну, к вечеру 27 февраля, стала государством, в котором нет ни надежной армии, ни признанной власти.

<sup>13</sup> Кутепов А. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж: Изд-е Комитета имени генерала Кутепова, 1934. С. 163, 165, 170. В мемуарной литературе не всегда легко понять, что из описанного соответствует действительности. Однако записки Кутепова ни в чем не противоречат тому, что мы знаем из свидетельств других участников событий, см., напр.: Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. В 22 т. Т. 4. М.: «Терра»; Политиздат, 1991. С. 35.

<sup>14</sup> Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Захаров, 2001. С. 7.

Полное разложение армии заняло несколько месяцев. Свою роль в этом сыграло недоверие к армии оказавшихся у власти революционеров. Они смотрели на нее как на опасное орудие, которое может оказаться в руках контрреволюции. Как следствие: знаменитый приказ № 1, который отменял все формы воинской дисциплины и лишал офицерский состав оружия и власти, подрывал армейскую дисциплину, отказ от смертной казни за воинские преступления и нежелание замечать финансируемую германскими властями антивоенную пропаганду. Но распад армейского организма был предопределен самим крахом старого режима.

Один из участников событий описывает, как произошедшее в Петрограде повлияло на настроения в частях, дислоцированных в провинции, причем еще до того, как был объявлен приказ № 1: «... в бараке я не могу даже узнать своих солдат. Со стены сорвали портрет царя, в клочья топчут его сапогами, будто никаких царей никогда в России и не бывало. Солдаты ругаются, приплясывают, поют, словно накатило на них веселое сумасшествие, словно начинается всеобщее счастливое землетрясение. Еще вчера они даже не знали это трудное для мужичьих губ слово, а сейчас кричат:... – Долой отделённых! – хохочет на нарах танцующий мордвин; он подбрасывает к потолку сапог с взвывающейся из него ржавой портянкой; мордвин уверен, что теперь он свободен от власти отделённого, которого вчера еще боялся... Тюрмы уже взломаны, стражники бежали. В свободной стране не может быть тюрем»<sup>15</sup>.

Развал российской армии не был уникальным явлением в истории. Он лишь предвосхитил то, что произошло в германских и австро-венгерских войсках после крушения режимов в этих странах осенью 1918 года.

Когда в солдатах сочувствие к лозунгам митингующих перевешивает страх наказания, дисциплина рушится, развал армии нарастает как снежный ком. Остановить его трудно, даже если у власти есть надежные, боеспособные части. Но их и не было. А. Деникин летом 1917 года говорил: «Армия развалилась. Необ-

<sup>15</sup> Гуль Р. Конь рыжий. Ч.3. Гл. 4. Нью-Йорк, 1952. Метод доступа: ldn-knigi.narod.ru

ходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь... Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но по крайней мере они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии»<sup>16</sup>.

31 декабря 1917 года народный комиссар Крыленко направил донесение Совнаркому, обобщив ответы на вопросы анкеты, распространенной среди делегатов всероссийского съезда по демобилизации. Суть донесения: армия небоеспособна<sup>17</sup>. Главнокомандующий Красной Армии И. Вацетис писал, что иногда ситуация складывалась настолько плохо, «что советские власти вынуждены были призывать немецкие войска для усмирения взбунтовавшихся частей Красной Армии»<sup>18</sup>.

А. Троцкий так оценивал положение в армии весной 1918 года: «Старая армия еще разбредалась по стране, разнося ненависть к войне, а нам уже приходилось строить новые полки. Царских офицеров изгоняли из армии, местами расправляясь с ними беспощадно. Между тем нам приходилось приглашать бывших офицеров в качестве инструкторов новой армии. Комитеты в царских полках были воплощением самой революции – по крайней мере, ее первого этапа. В новых полках комитетчина не могла быть терпима, как начало разложения. Еще не отзвучали проклятия по адресу старой дисциплины, как уже приходилось вводить новую»<sup>19</sup>. В другом месте он написал: «На первых порах мы, однако, еще не решаемся прибегнуть к принудительному набору: нет ни политических, ни организационных возможностей мобилизовать только что демобилизованных крестьян. Армия строится на принципе добровольчества. Естественно, что, наряду с самоотверженной рабочей молодежью, она заполняется столь многочисленным в этот период бродячим, шатающимся элемен-

<sup>16</sup> Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 69.

<sup>17</sup> Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. М., 1965. С. 406–407.

<sup>18</sup> Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год // Память. Исторический сборник. Вып. 2. М., 1977; Париж: УМСА-Press, 1979. С. 44.

<sup>19</sup> Троцкий Л. За пять лет // Материалы и документы по истории Красной армии. Т. 1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 9.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

том, не всегда лучшего качества. Наши новые полки, созданные в период стихийного распада старых полков, неустойчивы и малонадежны»<sup>20</sup>.

Авторы, слова которых процитированы выше, во время гражданской войны оказались по разные стороны баррикад. Тем не менее описанная ими картина позволяет сделать вывод: боеспособной армии в России между февральскими событиями 1917-го и осенью 1918 года не было.

Если учесть значение происходившего для мировой истории, нелегко свыкнуться с мыслью, что развитие событий определялось соотношением сил, измеряемых тысячами, иногда сотнями вооруженных людей. Вот как начальник контрразведки Петроградского округа Б. Никитин описывает события в Петрограде в июле 1917 г., когда большевики были близки к захвату власти: «Пехоты у Главнокомандующего совсем нет. Артиллерии за ним только запасная батарея гвардейской конной в Павловске... Остается кавалерия: единственная опора Главнокомандующего – 1-ый Донской казачий полк, а также до известной степени 4-ый Донской и два эскадрона запасного кавалерийского полка. Вообще же, казаки просили их без пехоты не выводить. Таким образом, выступить Половцову в буквальном смысле не с кем... Требую не бригаду, не полк, а хоть один батальон»<sup>21</sup>.

Оценить точно силы, которыми располагали большевики в Петрограде в дни октябрьского переворота 1917 г., трудно, но то, что речь идет о нескольких тысячах человек, то есть менее чем десятой части Петроградского гарнизона, очевидно<sup>22</sup>. Именно на ограниченность сил, готовых поддержать большевиков, рассчитывал А. Керенский, когда говорил, что ждет их попытки овладеть властью, чтобы, подавив мятеж, укрепить позиции Временного правительства. Он слишком поздно понял: малочисленность сил

<sup>20</sup> *Троцкий Л.* Путь Красной Армии // *Материалы и документы по истории Красной армии.* Т.1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 14.

<sup>21</sup> *Никитин Б. В.* Роковые годы. М.: Издательский дом «Правовое просвещение», 2000. С. 106, 110.

<sup>22</sup> *Соболев Л. Г.* Петроградский гарнизон в 1917 г. (численность, состав, вооружение, расположение) // *Исторические записки.* 1971. Т. 88. С. 76, 77; *Суханов Н. Н.* Записки о революции: В 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М.: Республика, 1992. С. 299.



большевиков не столь значима, важно, что в распоряжении Временного правительства надежных войск нет. А это значит, что несколько тысяч вооруженных людей могут установить контроль над ключевыми точками столицы<sup>23</sup>.

Когда А. Керенский попытался восстановить порядок в Петрограде силами войск прифронтовой зоны, выяснилось, что он способен повести за собой лишь 800 казаков. Большая часть высланных навстречу казакам частей, поддерживающих большевиков, разбежалась. Однако три тысячи балтийцев оказались достаточно стойкими. Это определило дальнейшее развитие событий<sup>24</sup>.

В недели, предшествующие разгону Учредительного собрания, многое определяли настроения в двух гвардейских полках и бронедивизионе. Сыграла свою роль и переброска в Петроград лояльного большевикам Латышского полка<sup>25</sup>. В июле 1918 года, когда власть большевиков висела на волоске, исход противостоя-

<sup>23</sup> «Керенский падал жертвой странной aberrации, когда, сводя все свои заботы о борьбе с большевиками к “разработке подробного плана подавления мятежа” в штабе Петрогр. военного округа и к “срочному” вызову эшелонов с фронта, т. е. исключительно к мероприятиям военно-технического свойства, полагал, что этим самым противодействует планам правых и ведет борьбу “на два фронта”. Но он, кроме того, с моей точки зрения, — и на этот раз вместе с “правыми кругами” — падал жертвою опасной иллюзии, когда воображал, будто в гарнизоне ли, на фронте ли может найти какие-то “верные части”, готовые по мановению руки Временного Правительства пойти в бой с большевиками — за что?». См.: Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция: Мемуары / Сост. С. А. Алексеев. М.: Орбита, 1991. С. 124.

<sup>24</sup> Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж: «La Renaissance», 1953. С. 209–210. Генерал Краснов писал впоследствии: «Если бы хотя два батальона пехоты подошло ко мне в это время... можно было бы поправить дело. Но подмога не шла». См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 642. О работе Краснова Милюков писал: «В дальнейшем я пользовался рассказом генерала Краснова в двух редакциях. Более ранняя редакция напечатана генералом Красновым в Великих Луках в 1917 г. под названием “Описание действий 3-го конного корпуса под Петроградом против советских войск”. Экземпляр этого “Описания” был передан мне самим автором осенью 1918 г. в Ростове, использован мной при составлении текста истории и оставлен мной в Киеве, при выезде в Яссы в ноябре 1918 г. К сожалению, этот экземпляр, по словам генерала Краснова, оказался единственным. Другой, более подробный и красочный, но зато менее документальный и менее достоверный рассказ, напечатан генералом Красновым в т. I “Архива русской революции”. В тексте я держался первого “Описания”, но некоторые подробности внесены мной из рассказа, напечатанного в “Архиве”. См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 631.

<sup>25</sup> Кайминь Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига: Латвийское государственное изд-во, 1961. С. 325.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

ния решался тем, на чьей стороне окажется всего несколько тысяч солдат.

История русской революции начала XX в. показывает, какую роль в периоды хаоса и анархии играют пусть немногочисленные, но боеспособные, готовые исполнять приказы части<sup>26</sup>. Иногда ими оказываются иноэтнические формирования. Если говорить о России 1917–1918 годов, речь идет о чехословацких и латышских полках.

Вопрос о формировании латышских частей в составе Российской армии во время Первой мировой войны был предметом обсуждения на высшем уровне. Немецкое дворянство Прибалтики, местные власти, императрица были против этой идеи<sup>27</sup>. Но ухудшение обстановки на фронте, потребность в стойких, боеспособных войсках перевесили аргументы тех, кто опасался, что такие части будут неблагонадежны<sup>28</sup>.

Целесообразность создания чехословацких частей для руководства страны также была неочевидной. Лишь после июньских событий 1917 г. были устранены политические препятствия формированию чехословацкого корпуса, его переброски во Францию.

<sup>26</sup> Никитин вспоминал, как в ходе Июльского восстания 1917 г. призывал не разбрасывать силы: «Не разбрасывайтесь, – начинаю свою речь, – и весь Петроградский гарнизон нам вовсе не нужен». Далее объясняю, что если 39 человек поедут, как они записались, по одному в полк, то они не смогут обойти даже и нескольких рот, а на митингах – их все равно провалят, и они никого не приведут. Говорю, что нам нужен отнюдь не гарнизон, а только бригада, или даже полк в 2–3 тысячи человек; но необходимо, чтобы эти люди действительно активно выступили. А для этого предлагаю, чтобы все 39 человек поехали только в один какой-нибудь полк 1-ой Гвардейской Дивизии, поддержали там друг друга коллективным выступлением и действительно повели людей за собой. Чхендзе и Церетели поддерживают мое предложение, которое всеми принимается». См.: *Никитин Б. В. Роковые годы*. М.: Издательский дом «Правовое просвещение», 2000. С. 108–109. А в феврале того же года Хабалов пытался собрать резерв, однако лишь некоторые части можно было удержать от присоединения к восставшим, а у других не было патронов. Хабалов обращался с просьбой в Кронштадт прислать патроны, но комендант ему в этом отказал. См.: *Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции*. В 22 т. Т. 4. М.: «Тerra»: Политиздат, 1991.

<sup>27</sup> *Кайминь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига: Латвийское Государственное изд-во, 1961. С. 29, 35.

<sup>28</sup> «...Были отвергнуты все возражения политического характера, и 19 июня 1915 года последовало разрешение на формирование латышских стрелковых батальонов. В то же время командование армии отдало прибалтийскому генерал-губернатору распоряжение не чинить препятствий организации латышских батальонов, а содействовать ей». См.: ЦГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 44. Л. 19.

Иноэтнические формирования, оказавшиеся в охваченной революцией стране, находятся в особом положении. Для местного населения они чужие. Те, кто в них служит, не могут взять винтовку и вернуться в родную деревню. Им надо обеспечивать себя провиантом, быть готовыми дать отпор вооруженным бандам. Это заставляет солдат сохранять дисциплину, проявлять солидарность — качества, утраченные большей частью войск старого режима<sup>29</sup>. Они становятся островками порядка и боеспособности в море бессилия, анархии и хаоса.

В мае 1918 г. Л. Троцкий этого еще не понимал. Он направил 25 мая в Сибирь телеграмму следующего содержания: «Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехо-словаков. Каждый чехо-словак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выпружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссары обязуются немедленно выполнить этот приказ, всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно присылаются в тыл чехо-словаков надежные силы, которым поручено проучить неповинующихся»<sup>30</sup>. Через несколько дней он же пишет: «До тех пор, пока это не выполнено, распоряжение Народного Комиссариата о беспощадных действиях против мятежников останется во всей своей силе. С Урала, из центральной России и Сибири двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников и раз навсегда отбить у контр-революционных заговорщиков охоту вовлекать одураченных ими людей в мятеж против Советской власти»<sup>31</sup>.

В июле — августе он оценивает происходящее более реалистично: «На первый взгляд кажется непонятным, что какой-то че-

<sup>29</sup> Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 гг. Воспоминания и документы / Отв. ред. Я. П. Крастынь. Рига: Изд-во Академии наук Латвийской ССР, 1962. С. 86.

<sup>30</sup> Приказ Народного Комиссара по военным делам о разоружении чехо-словаков // Макасов В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918. М.:Л.: Госиздат, 1926. С. 168.

<sup>31</sup> Троцкий Л. Чехо-словацкий мятеж. Сообщение Наркомвоена от 29 мая 1918 г. // Троцкий Л. Материалы и документы по истории Красной армии. Т. 1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 211.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

хословацкий корпус, забредший к нам в Россию благодаря извилистым путям мировой войны, оказывается для данного момента чуть ли не важнейшим фактором в разрешении вопросов русской революции. Тем не менее это так... Что касается наших красных частей, то они считают, что они у себя дома, и что хотя чехословаки захватывают то один, то другой город, вовсе не утрачена надежда разрешить чехо-словацкий вопрос путем пропаганды и агитации. Этим объясняется чрезвычайно затяжной с той и с другой стороны характер операции, который имеет для нас невыгодную сторону, ибо мы отрезаны от Сибири – главного и основного нашего источника продовольствия, в результате чего рабочий класс всей страны находится сейчас в состоянии жестокого голода»<sup>32</sup>.

К концу лета 1918 г. чехословацкие войска контролировали большую часть Сибири, Урала и Поволжья. Когда П. Милюков пытался договориться с немецкими властями о возможной помощи в освобождении России от большевиков, он получил от представителя немецкой разведки следующий ответ: «Это совершенно невозможно, чтобы мы шли с большевиками. Но большевики не хотят изменять Брестский договор, и у нас нет причин разрывать с ними мирные отношения. Мы вообще не хотим идти дальше и вмешиваться во внутренние дела, если нас не приглашают. Странное положение России, что в ней пара тысяч чехословаков могут оказаться господами положения»<sup>33</sup>. На возражения П. Милюкова, что их не 2 тысячи, а больше, его собеседник отвечает так: «Сорок, шестьдесят тысяч, это пустяки, которые не делают разницы. Вы сами себе помочь не можете, вам нужна наша помощь и не малая: и за эту помощь мы должны жертвовать тем, что приобрели»<sup>34</sup>.

Полки латышских стрелков с конца 1917-го до осени 1918 г. были практически единственными боеспособными и надежны-

<sup>32</sup> Троцкий Л. Социалистическое отечество в опасности. Доклад 29 июля 1918 г. // Троцкий Л. Материалы и документы по истории Красной армии. Т. 1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 219, 223.

<sup>33</sup> Милюков П. Н. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80.

<sup>34</sup> См., например: Милюков П. Н. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80.

ми частями, готовыми выполнять приказы большевиков<sup>35</sup>. Одна из причин такой лояльности – провозглашенный большевиками лозунг «о праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Многие активные участники революции 1917–1922 гг. из числа латышей были молодыми, но уже сознательными людьми во время событий 1905–1907 гг. В те годы репрессии на территории иноэтнических окраин были жестче, чем в Великороссии. Они не обошли стороной и Латвию. Происходившее десятилетием раньше сформировало их картину мира<sup>36</sup>. Неприятие царского режима, стремление к независимости Латвии сделали латышских стрелков опорой большевистской власти. На выборах в Учредительное собрание в частях Северо-западного фронта за большевиков голосовало 56,2%, в латышских полках – 96,5%<sup>37</sup>.

Латышские стрелки, охранявшие Смольный в Петрограде, Кремль в Москве<sup>38</sup>, сыграли ключевую роль в разгоне Учредительного собрания в январе 1918 г., в подавлении восстания левых эсеров в июле того же года<sup>39</sup>. Их численность была невелика – примерно 40-50 тыс. человек<sup>40</sup>. Переброска латышских стрелков

<sup>35</sup> По меньшей мере, так считали германские власти. См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сб. док. Т. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 278.

<sup>36</sup> Т. Шанин в связи с этим писал, что «это особенно важно, потому что, когда в 1917 г. – всего лишь десятилетие спустя – началась следующая революция, воспоминания о первой революции все еще были свежи в памяти большинства взрослого населения России и непосредственным образом повлияли на их поведение. Очевидно, что бурные эпохи оставляют в памяти людей более яркий и глубокий след, чем мирные и спокойные времена». См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. С. 299.

<sup>37</sup> Данные приводятся согласно протоколу фронтовой комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание от 29 ноября 1917 г. См.: Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига: Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1957. С. 278, 279.

<sup>38</sup> Фрагмент из книги П. Д. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля» // Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 гг. Воспоминания и документы / Отв. ред. Я. П. Крастынь. Рига: Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1962. С. 43-44.

<sup>39</sup> Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930. С. 349; Кайминь Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига: Латвийское Государственное изд-во, 1961. С. 358–381.

<sup>40</sup> «В декабре 1916 года восемь действующих полков насчитывали 30–35 тысяч стрелков и 1000 офицеров. В Запасном полку было 10–15 тысяч человек». См.: Кайминь Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига: Латвийское государственное изд-во, 1961. С. 37.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

на Волгу была единственной возможностью остановить продвижение частей чехословацкого корпуса на запад.

Если абстрагироваться от важных, но не принципиальных деталей, можно сказать, что в период, последовавший за крахом армии старого режима и предшествующий формированию армии нового, развитие событий на территории бывшей царской империи определялось соотношением сил Латышской дивизии и Чехословацкого корпуса. Население огромной страны наблюдало за происходящим.

## § 2. Крушение правоохранительной системы

Органы, обеспечивающие правопорядок, – важнейший институт цивилизованного общества. При общественных волнениях и беспорядках претензии в первую очередь предъявляются полиции. В России февраля 1917 г. нелюбовь к царскому режиму трансформировалась в ненависть к городовым. Петроградская полиция в первые дни февральских событий пыталась поддерживать порядок, но ее силы были невелики<sup>41</sup>, без армии она была не в состоянии остановить массовые демонстрации. Уже 23–25 февраля полиция почувствовала, что армия ненадежна<sup>42</sup>. 28 февраля, когда начался солдатский бунт, полиция оказалась бессильна, она просто исчезла с улиц. Толпы громили полицейские участки, здания Жандармерии, Судебную управу, жгли документы и архивы. Полиции как организованной силы в городе не стало<sup>43</sup>.

Министерство внутренних дел было разгромлено. Вечером 27 февраля толпа ворвалась в охранное отделение и начала жечь документы. Разгромили оружейные склады, расхитили оружие.

В ночь с 1 на 2 марта Петроградский совет – орган, в руках которого было хоть какое-то подобие контроля над гарнизоном, поставил условием поддержки Временного правительства согласие на роспуск полиции старого режима, ее замену вооруженной народной милицией и получил согласие. Департамент полиции был упразднен 4 марта. На следующий день местным властям направили инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием выборных офицеров. Через две недели после ре-

<sup>41</sup> В феврале 1917 г. было всего 3,5 тыс. полицейских, которые были вооружены устаревшими японскими винтовками, да несколько казачьих рот, почему-то без нагаек. См.: *Мартынов Е. И.* Царская армия в февральском перевороте. Л.: Штаб РККА, Научно-уставной отдел, 1927. С. 207.

<sup>42</sup> «Казачи бездействуют. Они лишь шагом проходят сквозь толпу, некоторые смеются. Толпа в восторге, кричит: Ура! На ура казаки кивают головами, кланяются. Полиция негодует. Так же безобразно почти в это же время вел себя взвод казаков на Васильевском Острове, не желая разгонять толпу, шедшую к Николаевскому мосту. Пехота рассеяла ее. Так же бездействовали казаки вечером на углу Невского и Литейного, где был митинг. Они лишь осторожно проезжали сквозь толпу. Толпа была в восторге». См.: *Стридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское Изд-во, 1962. С. 86.

<sup>43</sup> *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Берлин: Изд-во Ольги Дьяковой и Ко., 1921. С. 116.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

волюции Россия осталась без полицейских институтов<sup>44</sup>. Старая система обеспечения правопорядка была ликвидирована, новая не возникла.

27 февраля толпы разгромили тюрьмы, освободили и политических заключенных, и уголовников. Начавшиеся в столице погромы тюрем продолжились в губерниях. Их легализовала всеобщая амнистия. Только в Петрограде число выпущенных из тюрьмы составило примерно 10 тыс. человек<sup>45</sup>. На свободе оказались десятки тысяч уголовников. Последствия произошедшего для правопорядка в стране нетрудно себе представить<sup>46</sup>.

В разгул преступности внесла свою лепту дезорганизованная, неконтролируемая, но вооруженная армия. По улицам столицы бродили толпы солдат, дезертировавших с оружием. Из воспоминаний известного петроградского адвоката Н. Карабчевского: «Кто-то, кого-то расстреливал в Шувалове; где-то пьяные солдаты проткнули штыком мирно возвращавшегося домой присяжного поверенного; кого-то бросили живым в прорубь и он утонул... Убийства, то здесь, то там, совершались ежедневно, и при свете дня, и в ночную пору, и уже никого не удивляли, оставаясь безнаказанными».

В Петрограде наряду с общегородской милицией создавались заводские отряды, не подчиняющиеся городскому руководству, независимые от центра районные отряды милиции. Потеряв на-

---

<sup>44</sup> *Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005. С. 426, 427.

<sup>45</sup> *Никитин Б. В.* Роковые годы. М.: Издательский дом «Правовое просвещение», 2000. С. 5.

<sup>46</sup> «То обстоятельство, что Министерство Внутренних дел – другими словами, все управление, вся полиция, – осталось совершенно неорганизованным, сыграло очень большую роль в общем процессе разложения России. В первое время была какая-то странная вера, что все как-то само собою образуется и пойдет правильным, организованным путем. Подобно тому как идеализировали революцию (“великая”, “бескровная”), идеализировали и население. Имели, напр., наивность думать, что огромная столица, со своими подонками, со всегда готовыми к выступлению порочными и преступными элементами, может существовать без полиции, или же с такими безобразными и нелепыми суррогатами, как импровизированная, щедро оплачиваемая милиция, в которую записывались профессиональные воры и беглые арестанты. Всероссийский поход против городских и жандармов очень быстро привел к своему естественному последствию. Аппарат, хоть кое-как, хоть слабо, но все же работавший... Отсутствие хорошо организованной полицейской силы и безусловно преданной правительству силы военной парализовали его». См.: *Набоков В. Д.* Временное Правительство // Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. М.: «Тerra»: Политиздат, 1991. С. 39, 62.



дежду на защиту со стороны государственных органов правопорядка, жители пытались сами обеспечить охрану домов. В этих условиях говорить о соблюдении каких-либо гарантий справедливого суда не приходилось. Массовым стал самосуд – убийство подозреваемых на месте задержания.

«До конца февраля – начала марта 1918 г. Наркомат внутренних дел последовательно проводил курс на ликвидацию сохранившихся штатных органов милиции и замену их негосударственными вооруженными формированиями. Так, на ходатайство Пензенского губернского исполкома от 22 февраля 1918 г. увеличить финансирование штатной милиции НКВД РСФСР ответил категорическим отказом, специально подчеркнув, что «институт милиции продолжает существовать лишь временно, до введения общей обязательной повинности по несению охранных», и предложил «работать в направлении предстоящей ликвидации штатной милиции»<sup>47</sup>.

К лету 1918 г. новая власть стала осознавать, что в стране, лишенной системы, обеспечивающей правопорядок, наладить нормальную жизнь невозможно. Съезд представителей губернских советов, проходивший в Москве в конце июля – начале августа 1918 г. одобрил резолюцию, в которой говорилось: «Признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классово-борьбы как в городе, так и в деревне и ощущая общую нужду на местах в постоянном аппарате для поддержания революционного порядка... съезд признает необходимым организацию советской рабоче-крестьянской милиции»<sup>48</sup>. Но создание работающей милиции в условиях начинавшейся гражданской войны и политических препятствий привлечению специалистов, работавших в полиции старого режима, – задача трудно разрешимая. Мешала не только нехватка профессионалов, но и уничтожение при погромах картотеки, утрата агентуры. Между концом февраля 1917-го и осенью 1918 г. власть была неспособна восстановить правопорядок.

<sup>47</sup> Мальгин А. Я., Мулукаев Р. С. Предисловие // Милиция России. Документы и материалы. 1917–1999. Т. 1. Саратов, 2001. С. 4.

<sup>48</sup> Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 20. С. 11. Цит. по: Мальгин А. Я., Мулукаев Р. С. Предисловие // Милиция России. Документы и материалы. 1917–1999. Т. 1. Саратов, 2001. С. 5.

### § 3. Безвластие

Власть между февралем 1917 и осенью 1918 годов полупризрачна, эфемерна. Орган власти, сохранявший в конце февраля – начале марта 1917 г. легальное основание влиять на развитие событий, – Государственная Дума. Но Дума была избрана на сословной основе. Политические ориентации большинства депутатов не совпадали с настроениями петроградской улицы. Войска шли к зданию Думы, чтобы выразить ей поддержку. Сюда приводили задержанных чиновников старого режима. Но руководство Думы управлять развитием событий было не способно. Из мемуаров Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко: «27 февраля, то есть в первый день переворота, неизвестно по чьему распоряжению, солдаты Петроградского гарнизона начали производить аресты, и одним из первых приведенных в Думу арестованных сановников старого режима был Председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов. Он был приведен ко мне группой солдат, мне совершенно неизвестных, кажется Преображенского полка, если память не изменяет мне, и когда я, пораженный этим произволом, для которого не сделано было никакого распоряжения, пригласил И. Г. Щегловитова пожаловать ко мне в кабинет, солдаты наотрез отказались выдать его мне, объяснив, что они отведут его к Керенскому или в Совет Рабочих Депутатов. Когда я попробовал проявить свой авторитет и строго приказал немедленно подчиниться моему распоряжению, то солдаты сомкнулись вокруг своего пленника и с самым вызывающим, дерзким видом показали мне на свои винтовки, после чего, без всяких обиняков, Щегловитов был уведен неизвестно куда»<sup>49</sup>.

Безвластие, отсутствие надежной опоры толкало Временное правительство к союзу с Петроградским советом, в большой степени отражавшим настроение улицы. Цена была высока. Принятые под давлением Совета решения демонтировали институты государственности не только в центре, но и на местах, там, где по инерции они еще могли работать.

---

<sup>49</sup> Родзянко М. В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: «Терра», Политиздат, 1991. С. 66.

Временное правительство распустило полицию, отправило в отставку губернаторов<sup>50</sup>. Хаос и безвластие уже были реальностью в Петрограде и Москве. Затем они распространялись по всей России. Советы становились механизмом, парализующим попытки обеспечить порядок<sup>51</sup>. Однако, как показали июньские события 1917 г., в критических ситуациях и Петроградский совет не смог найти ни одного полка, готового его защищать<sup>52</sup>.

Между февралем 1917 г. и осенью 1918 г. говорить о наличии государственной власти не приходится. Стояли здания, привычно ассоциирующиеся с властью, в высоких кабинетах сидели чиновники, но в их подчинении не было структур, обеспечивающих контроль за положением в стране, охрану границ, сбор налогов. У них не было инструментов принуждения, позволяющих добиваться исполнения законов, распоряжений.

В первую очередь безвластие проявлялось в районах, населенных национальными меньшинствами: 6 декабря 1917 г. (по новому стилю) о независимости объявила Финляндия, 11 декабря – Литва, 12 января 1918 г. – Латвия, 22 января – Украина, 24 февраля – Эстония, 22 апреля – Закавказье, 3 ноября – Польша.

Процесс дезинтеграции государства не ограничился национальными окраинами. Дело было даже не в лозунге: «Вся власть Советам!», дающем основание советам разных уровней, вплоть до волостных, вести себя как независимое правительство. У Пет-

<sup>50</sup> Когда премьер-министра князя Львова попросили назначить новых губернаторов и уездных представителей власти вместо снятых правительством, он ответил: «Это – вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны решаться не из центра, а самим населением...». См.: *Милюков П. Н. История второй русской революции*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 61.

<sup>51</sup> Р. Пайпс следующим образом описывает события тех дней: «Корнилов, в очередной раз приняв решение восстановить порядок, приказал вывести из казарм войска и выставить артиллерию. На этот раз его осадил Исполком, утверждавший, что толпу можно успокоить средствами словесного убеждения. Из Исполкома позвонили в Генеральный штаб с просьбой отменить приказания Корнилова. Затем Корнилов встретился с представителями Исполкома. Последние приняли на себя ответственность за восстановление порядка, и Корнилов отменил отданные ранее приказы и велел войскам не выходить из казарм». См.: *Пайпс Р. Русская революция*. В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. С. 92.

<sup>52</sup> «День 4-го июля была та дата, когда Совет мог воочию убедиться, что у него уже нет ни одного солдата: в Петрограде не было войск, а была солдатская толпа, и она не подчинялась». См. *Никитин Б. В. Роковые годы*. М.: Издательский дом «Правовое просвещение», 2000. С. 42.

рограда, позже у Москвы не было аппарата, позволявшего контролировать ситуацию на местах. В губерниях не обращали внимания на поступающие из центра директивы, объявляли о своем праве принимать решения по любому вопросу.

Вот как положение на Украине, формально контролируемой Москвой, описывал представитель немецких властей: «Внутреннее положение Украины более всего напоминает состояние Мексики после падения Хуэрты. В стране нет никакой нейтральной власти, захватывающей более или менее значительную территорию. Вся страна разделена на целый ряд отдельных областей, ограничивающихся пределами уезда, города, а иногда даже отдельными селами и деревнями. Власть в таких областях принадлежит различным партиям, а также и отдельным политическим авантюристам, разбойникам и диктаторам»<sup>53</sup>.

Лозунги национальной независимости при безвластии на окраинах империи помогали заручиться поддержкой со стороны населения. Между тем границы новых образований с Россией, друг с другом не были определены<sup>54</sup>. Когда нет центральной власти, особенно острой оказывается ситуация в районах межэтнических конфликтов.

А. Деникин так описывал сложившуюся в то время ситуацию на Северном Кавказе: «Еще в конце декабря чеченцы с фанатическим воодушевлением крупными силами обрушились на соседей. Грабили, разоряли и жгли дотла богатые цветущие селения, экономии и хутора Хасавюртовского округа, казачьи станицы, железнодорожные станции, жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы. Ингуши, наиболее сплоченные и выставившие

<sup>53</sup> Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в Марте 1918 года // Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. М.: «Терра»: Политиздат, 1991. С. 288.

<sup>54</sup> «Украина “аннексировала” уже Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, часть Таврической губернии; Дон вел тяжбу с Украиной о границах, и из-за пустого в сущности вопроса Екатерининской железной дороги обе “высокие стороны” придвигали к “пограничным” пунктам гарнизоны; самоопределившиеся “горские народы” огнем и оружием начали уже разрешать спорные исторические вопросы с Тереком; Тифлис накладывал руку на огромные общегосударственные средства Кавказского фронта». См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 86. См. также: Гольденвейзер А. А. Из Киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: «Терра», Политиздат, 1991. С. 180.

сильный и отлично вооруженный отряд, грабили всех: казаков, осетин, большевиков, с которыми, впрочем, были в союзе, держали в постоянном страхе Владикавказ, который в январе захватили в свои руки и подвергли сильному разгрому»<sup>55</sup>. Он же о ситуации в Закавказье писал: «25 марта при помощи армянского полка, возвращавшегося из Персии через Баку, армяно-большевики захватили власть в городе. Переворот сопровождался неслыханными зверствами. В городе вырезан был целый мусульманский квартал...»<sup>56</sup>. Затем новый поворот событий: «В городе повторились трагические сцены конца марта, но в обратном отражении: в течение трех дней татары производили страшную резню армян, причем правительство Армении определяло число погибших соотечественников в 25–30 тыс. человек»<sup>57</sup>.

Даже в тех случаях, когда губернии не объявляли о своей независимости, их власти нередко вводили таможенные барьеры, ограничивали вывоз продуктов питания и тем самым обостряли положение с продовольствием в сопредельных областях России<sup>58</sup>.

<sup>55</sup> Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 94.

<sup>56</sup> Там же. С. 143.

<sup>57</sup> Там же. С. 144.

<sup>58</sup> «Дон, Кубань и Терёк окружили себя таможенными рогатками и пропускали через них беспрепятственно только грузы, предназначенные на довольствие армии и ее надобности, и все проходящие через их районы транзитом. Все же, не предназначавшееся непосредственно для армии, Правительства Дона, Кубани и Терека соглашались пропускать через свои границы только на товарообмен. На этой почве возникало много трений и недоразумений. Получались иногда самые невероятные положения. Кубань была полна хлебом и другими продовольственными продуктами, а население прилегавшей к ней Черноморской губернии в некоторые периоды буквально голодало: бывали случаи, когда нам приходилось посылать поезда с продовольствием с Кубани в Черноморскую губернию в сопровождении военной охраны, чтобы продовольствие не было задержано таможенной заставой». См.: *Лукомский А. С.* Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: «Тerra», Политиздат, 1991. С. 150–151.

## § 4. Собственность

При безвластии понятие собственности теряет смысл. На вопрос «кто владеет?» ответ один: «тот, за кем сила». Массовые грабежи – характерная черта периода безвластия.

Для крестьян в то время важнейшим вопросом оставались права на землю. Для подавляющего большинства крестьян идеалом было уравнительное землепользование с регулярными переделами земли и запрещением наемного труда<sup>59</sup>. Об этом убедительно свидетельствуют события 1905–1907 гг. В те годы воля крестьян выражалась в петициях, голосовании, самозахвате помещичьих земель. В 1917 г. грабежи и поджоги помещичьих усадеб, раздел земли по дворам стали массовой практикой<sup>60</sup>.

С июля 1917 г. земельную политику определяли социалисты-революционеры. Они быстро поняли, что идеи социализации

---

<sup>59</sup> Представление российских крестьян об идеальном способе землеустройства трудно понять, проанализировав содержание наказов местных отделений Всероссийского Крестьянского союза, делегатов его съездов в 1905 г. 100% этих документов требовали передачи всей земли крестьянам и отмены частной собственности на землю. В подавляющем большинстве из них предполагалось, что крестьянские общины должны обеспечивать уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или числом работников в каждой семье. См.: *Дубровский С.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: МГУ, 1956. С. 112; *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия. 1905–1907 – 1917–1922. М.: «Весь мир», 1997. С. 205–221.

<sup>60</sup> «Был Д. Д. Арцыбашев. Приехал из Тульской губ., где все разграбили. Говорит, что разорение Тульск[ой] губ. полное; уничтожена вся культурная [сельско] хозяйственная работа – плодовые сады, племен[ные] питомн[ики] семян[ные] хоз[яйства]. Восстановить – годы. Все деревни переполнены обломками от грабежа усадеб. В грабеже участвуют подростки, и мы имеем в этом отношении очень тяжелые последствия». См.: *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921 (Октябрь 1917 – январь 1920). Киев: Наукова Думка, 1994. С. 50. «Дезертиры (не желающие воевать и стремившиеся сделать все, чтобы только не попасть на фронт) привнесли в деревню элемент буйной, непредсказуемой дивантности. Как бы это ни показалось странным для русской истории, человек с ружьем, человек в солдатской шинели (о котором только ленивый не говорил как о цементирующей основе общества) разрушал исконные представления о нравственности, правопорядке, внутренней самодисциплине. Ставка делалась исключительно на силу и фактор оружия. Исчезал страх перед возможным наказанием за содеянное (полиция к этому времени была уже разогнана, а милиция не представляла реальной силы, способной противостоять вооруженному разгулу). Именно солдаты первыми принялись грабить помещичьи усадьбы, совершать нападения на монастыри, травить и вытаптывать покосы, рубить вековые парки и пр.» См.: *Телицын В. Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М.: РГГУ, 2003. С. 71.

земли и ее уравнительного распределения в государственном масштабе хороши для агитации и митингов, но не реализуемы на практике. Такое перераспределение земли потребовало бы переселения 25 млн человек из малоземельных губерний в многоземельные, породило бы острейшие проблемы в отношениях между переселенцами и местными крестьянами. Подобное мероприятие, не осуществимое даже при сильной и эффективной власти, тем более не могло быть реализовано при слабом, эфемерном государстве<sup>61</sup>.

По данным министерства земледелия, в апреле 1917 г. было зарегистрировано 205 случаев аграрных беспорядков, в мае – 558, в июне – 1122<sup>62</sup>. Крупное культурное сельское хозяйство, использующее современную по стандартам того времени агротехнику, в России было уничтожено<sup>63</sup>.

Большевики, взявшие на вооружение эсеровскую программу социализации земли, констатировали свершившийся факт и просто забыли все то, что в Декрете о земле расходилось с жизненными реалиями. Уравнительное землепользование в государственном масштабе всерьез никто не обсуждал. Развитие событий шло без учета инструкций и указаний сверху. Крестьяне захватывали земли помещиков, многоземельных крестьян, делили их между собой. Волостные советы вели себя как хозяева земли, считали ее своей собственностью. В большинстве случаев уравнительное распределение земли ограничивалось перераспределением в рамках сельской общины или небольшой группы селений<sup>64</sup>.

Результаты перераспределения земли разошлись с крестьянскими ожиданиями. Земли удалось прирезать не много. Вопрос о том, не досталось ли соседу больше земли, порождал в деревнях неутрахающие раздоры. Солдаты возвращались с фронта. Приез-

<sup>61</sup> Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. С. 179.

<sup>62</sup> Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1952. С. 680.

<sup>63</sup> Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конф. М.; Тамбов: Издательско-полиграфический центр ТГТУ, 1996. С. 16.

<sup>64</sup> Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. С. 194–195.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

жали односельчане, работавшие до революции в городе. Сыновья женились, рождались дети. Это приводило к новым переделам. Переделы в общинах дореволюционного времени по сравнению с происходящим в 1917–1922 гг. можно рассматривать как верх упорядоченности отношений землевладения. Постоянные переделы подрывали стимулы к внесению удобрений, улучшению почвы, повышению урожайности.

Заместитель начальника управления землеустройства Центрозема Н. В. Гендзехадзе в 1919 г. говорил: «Тенденция уравнительных перераспределений и переделов, исключая всякую возможность улучшения в сельском хозяйстве и поднятия его производительности, пускает глубокие и прочные корни. В некоторых местах уже в конце 1918 г. и в начале 1919 г. приступили к новым поравнениям сообразно происходящим за это время изменениям в наличном составе населения»<sup>65</sup>. Как отмечал один из делегатов 1-го Всероссийского съезда губернских земельных отделов: «Землю крестьяне... делили каждый год, делили, переделывали, делили по едокам, по рукам и по скоту, делили, как кому вздумается»<sup>66</sup>. Один из руководителей Наркомзема так описывает ситуацию с правами на землю: «Нигде в России не проведено еще правильного распределения земли между землепользователями, нигде еще землепользователи не знают, на какой срок, какая земля и в каком размере находится в их пользовании. Не имея за собою этих оснований, никто из граждан из-за чисто хозяйственных соображений не может приступить к коренному улучшению своего хозяйства. Нельзя настаивать, чтобы крестьяне начали улучшать свое хозяйство, если они не уверены, насколько им дана земля и когда эту землю от них попросят. Не зная этого, крестьяне не могут с чисто хозяйственной точки зрения определить, какие улучшения им выгодно вкладывать в земли и какие нет, чтобы они успели окупиться за время пользования землей. А в резуль-

<sup>65</sup> Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне 1917–1920. М.: Мысль, 1980. С. 29–30.

<sup>66</sup> Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 62.



тате такого недоумения – резкий упадок сельскохозяйственной культуры»<sup>67</sup>.

Начиная с 1919 г. советские органы пытались запретить переделы<sup>68</sup>. Но решить проблему удалось лишь после упрочения власти большевиков.

---

<sup>67</sup> РГАЭ (быв. ЦГАНХ) СССР. Ф. 478. Оп. 1. Д. 12. Л. 43. Цит. по: *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. С. 47–48.

<sup>68</sup> *Юрков И. А.* Экономическая политика партии в деревне 1917–1920. М.: Мысль, 1980. С. 30.

### § 5. Кризис продовольственного снабжения

Россия вступила в Первую мировую войну со сбалансированным бюджетом, крупным золотым запасом, устойчивой валютой. Однако военные расходы было невозможно обеспечить за счет обычных доходов бюджета.

Отсюда эмиссионное финансирование государственных расходов, инфляция. Ситуация в России в этом отношении не была уникальной. По сходному пути шли и другие втянутые в войну страны. Однако масштабы эмиссионного финансирования в России даже по меркам военного времени были большими. За два с половиной года после начала войны объем бумажных денег, находившихся в обращении, увеличился почти в шесть раз. За то же время во Франции он вырос вдвое, в Германии – втрое<sup>69</sup>.

Расстройство государственного аппарата, последовавшее за февральскими событиями 1917 г., сказалось на налоговых поступлениях – они резко снизились<sup>70</sup>. Доля эмиссии в финансировании государственных расходов росла, рубль обесценивался. Если в 1914–1916 гг. выпуск бумажных денег покрывал 21,6% расходов бюджета, то в 1917 г. доля этого источника в финансировании государственных расходов возросла до 65,5%<sup>71</sup>. Между февральской и октябрьской революциями цены выросли более чем в три раза. После октябрьского переворота темп инфляции ускорился.

Утрата контроля над территорией, появление множества местных правительств усилила денежную чехарду<sup>72</sup>. Параллельно друг

<sup>69</sup> Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 146.

<sup>70</sup> Профессор М. Н. Соболев на «московском совещании общественных деятелей» 8–10 августа 1917 г. так рисовал складывающуюся ситуацию со сбором налогов: «По данным, которые я в качестве комиссара финансовых учреждений затребовал от харьковского казначейства, оказывается, что за четыре месяца революции вся податная машина почти остановилась. Поступления налогов заметно сократились. Не только государственное казначейство видит перед собою почти пустоту, но и местные финансы находятся в величайшем затруднении». Профессор И. Кулишер в сентябре также говорит о сокращении налоговых поступлений, росте недоимок, отказе сельских обществ от раскладки податей. См.: Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927 гг.). Избранные статьи. М.: Начала – Пресс, 1996. С. 59.

<sup>71</sup> Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1952. С. 681.

<sup>72</sup> Каценеленбаум З. С. Денежное обращение России 1914–1924. М.; Л.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1924. С. 76–79; Погребецкий А. И. Денежное обращение

с другом ходили царские деньги, керенки, советские деньги, деньги региональных правительств. Их курсы колебались в зависимости от перипетий гражданской войны. Силы, противостоящие большевикам, нередко запрещали хождение советских знаков на контролируемой территории<sup>73</sup>. Большевики, когда военная удача им сопутствовала, делали то же с деньгами враждебных правительств. Неуверенность населения в надежности денег предопределила кризис в отношениях между городом и деревней.

Российская деревня начала XX в. представляла собой во многом замкнутый, самодостаточный мир. Хлебом, мясом, овощами она обеспечивала себя сама. Городские товары, к которым деревня привыкла, приобретали за счет доходов от сельского хозяйства, подсобных промыслов. Но эти закупки для деревни не были критичными, существовали налоговая администрация, с которой приходилось делиться доходами, государство, призывающее молодых крестьян в армию. Но деревня воспринимала внешний мир отстраненно, не хотела, чтобы он вмешивался в ее жизнь.

На первых порах крушение старого порядка было для деревни безболезненно: налогов больше не требовали, сыновей в армию не забирали, усадьбу помещика никто не охранял, ее можно разграбить и сжечь, землю поделить.

Расстройство городской промышленности, рост цен на ее товары, сокращение поставок того, к чему село привыкло, порождало проблемы. Но в руках у крестьян оставалась самая надежная в период кризиса валюта — хлеб, на который можно обменять любые фабричные товары. Ехать в город не надо — те, кому нужен хлеб, придут сами.

Положение городов, особенно крупных, сложнее. Жизнь в них без регулярного притока продуктов питания невозможна. Деревня обеспечить потребности города в продовольствии не торопилась. Эти проблемы обозначились еще при царском режиме.

---

и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин: Книжное Дело, 1924.

<sup>73</sup> Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: «Терра», Политиздат, 1991. С. 156. О политике по отношению к деньгам противника во время войны см.: Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. М.: Русский путь, 1998. С. 181–199.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

Страна вступила в войну без значительных запасов зерна<sup>74</sup> – их хватало лишь для мобилизационного периода. Предполагалось, что в дальнейшем снабжение армии будет обеспечено обычными закупками продовольствия.

В 1909–1913 гг. примерно 75% производимого в стране зерна использовалось в сельскохозяйственном производстве. На потребление городского населения шло 6%, армии – 1%, на нужды промышленности – 2%. Важной статьёй хлебного баланса был экспорт: внешнеторговые поставки составляли 15% урожая. До войны Россия была крупнейшим в мире экспортером зерна. В 1913 г. его вывоз составил 11 млн тонн. С началом военных действий экспорт должен был сократиться. Власти предполагали, что это создаст ресурсы, достаточные чтобы обеспечить армию продовольствием. В 1915 г. стало ясно, что это иллюзия.

Проблема была не в утрате части территорий или мобилизации крестьян на фронт. При характерном для России этих лет малоземелье военный призыв не привел к заметному снижению продуктивности сельского хозяйства. Важнее было иное. Прекращение обмена бумажных денег на золото, их обесценение, инфляция побуждали деревню придерживать зерно, ждать более выгодных цен на него. Состояние государственного бюджета было тяжелым. Средств на приобретение хлеба по рыночным ценам не хватало.

Государственные заготовки зерна составили в 1914–1915 гг. 305 млн пуд., в 1915–1916 гг. – 502 млн пуд., в 1916–1917 гг. – 540 млн пуд.<sup>75</sup> Кульминация усилий правительства по мобилизации зерновых ресурсов – введение в конце 1916 г. продовольственной разверстки – обязательных поставок зерна государству по фиксированным ценам, объемы которых распределялись по губерниям, уездам и волостям<sup>76</sup>. Воплотить на практике эту программу царский режим не сумел. Губернские продовольственные органы отказывались принимать обязательства по заготовке зер-

<sup>74</sup> Казаков Е. Д. Государственные продовольственные резервы СССР. Исторические очерки. М.: Хлебоиздат, 1956. С. 103.

<sup>75</sup> Там же. С. 105.

<sup>76</sup> 29 ноября 1916 года министр земледелия Риттих подписывает постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». См.: Ясный Н. Опыт регулирования снабжения хлебом. Пг., 1917. С. 133.

на в размерах, необходимых для обеспечения снабжения армии и гражданских нужд. Задания по хлебозаготовкам, доведенные до 21 производящей губернии, составили 506,5 млн пудов зерна. Губернские совещания разверстали по уездам 450,1 млн пудов, уездные – сократили эту величину до 321,2 млн пудов<sup>77</sup>. Заставить деревню сдавать зерно в необходимых объемах царское правительство не могло. К жестоким репрессиям против крестьян оно было не готово. Стал ли недостаток продовольствия в Петрограде причиной февральских беспорядков, вопрос спорный. Но из официальной переписки видно, что положение со снабжением армии, крупных городов накануне Февральской революции было напряженным. К февралю 1917 г запасов зерна, которыми правительство могло бы маневрировать, не было. После революции перед новой властью проблема продовольственного обеспечения городов встала во весь рост. Она могла выбрать один из двух альтернативных вариантов поведения.

Первый вариант: отказаться от регулирования продовольственных цен, разверстки, реквизиций, обеспечить потребности армии, крупных городов путем закупки сельскохозяйственной продукции по рыночным ценам. Успех такой политики не был гарантирован. Деревня при свободных ценах могла придерживать зерно, дожидаясь более привлекательных условий торговли. Социально-политическая напряженность властям в случае выбора такого курса была гарантирована. Рост цен на продовольствие в городах, в первую очередь в столицах, отразится на положении тех, кто участвовал в революционных переменах. Пойти на это, когда организованной вооруженной силы у власти нет, а развитие событий определяется поддержкой столичной уличной толпы, рискованно.

Второй вариант, который и избрало Временное правительство – продолжение политики царского режима: контроль закупочных цен, принудительные закупки продовольствия в деревне<sup>78</sup>. Чтобы

<sup>77</sup> Известия по продовольственному делу № 1 (32), Пг., 1917.

<sup>78</sup> «Февральская революция передала власть в руки буржуазии. Актом Временного Правительства от 25 марта 1917 г. о передаче хлеба в распоряжение государства (о хлебной монополии) торгово-промышленные группы, оказавшиеся у власти, довели основную идею хлебной разверстки до ее, логического конца». См.: Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

реализовать эту стратегию, необходим государственный аппарат, способный распределять обязательства между губерниями, уездами и волостями, контролировать исполнение заданий, транспортировку грузов, их распределение. Аппарат, готовый применить силу к тем, кто задания не выполняет<sup>79</sup>. Это возможно, если у власти есть вооруженные силы, готовые выполнить ее распоряжения.

Временное правительство грозило репрессиями и реквизициями. Это мало помогло делу. Губернские органы власти, ответственные за продовольственные закупки, не обращали внимания на требования центральных, уездные – губернских. Формирование нового аппарата растягивалось на месяцы. В августе на заседании Временного правительства министр продовольствия А. Пешехонов сказал: «Продовольственное положение критическое вследствие отказа населения продавать хлеб»<sup>80</sup>.

В августе Временное правительство, обещавшее, что никогда не пойдет на увеличение закупочных цен, повысило их вдвое. Это дало краткосрочный эффект. В августе – сентябре заготовки увеличились, но затем снова упали. Деревня ждала более высоких цен. Выступая на Временном совете республики, Н. Прокопович говорил: «Под влиянием этого отчаянного положения... Временное правительство вынуждено было прибегнуть к крайней мере – к удвоению цен. Перед нами стояла дилемма: или пытаться получить хлеб добровольно, путем этого удвоения, или же непосредственно перейти к репрессивным мерам – применению воинской силы, и с помощью этой силы взять хлеб у населения... И если теперь, по удвоенным ценам, мы все-таки не получим того хлеба, который нам будет нужен, конечно мы вынуждены будем

---

Продовольствию за 1918-19 год. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1919. С. X.

<sup>79</sup> Чиновники Министерства продовольствия жалуются на то, что волостные комитеты стали тормозом заготовок хлеба. Даже собранный и оплаченный министерством хлеб по приказанию волостных комитетов возвращался обратно. См.: ГАРФ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 67. Л. 37. «...Уже купленный представителями нижегородских властей хлеб мог задерживаться местными продовольственными организациями. Так случилось с зерном, приобретенным в Казанской и Рязанской губерниях. Вывозить его пришлось частью тайком, а частью путем командировки туда особых уполномоченных с вооруженной воинской командой». См. Нижегородский листок. 1917. 24 октября. № 251. С. 3.

<sup>80</sup> Новое время. № 14859, 22 августа 1917.

прибегнуть к этой воинской силе. Я это говорю совершенно определенно»<sup>81</sup>. В угрозу применения силы мало кто верил.

Ухудшение продовольственного положения подорвало доверие к Временному правительству. В сентябре 1917 г. в Петрограде ежедневная порция не превышала 1 фунта черного или полубелого хлеба, часто из прогнившей муки. За четыре дня до октябрьского переворота в городе норма выдачи хлеба была понижена до ½ фунта в день на едока<sup>82</sup>. После октябрьского переворота в кабинете А. Керенского нашли лист бумаги, на котором его рукой написано: «Хлеба на ½ суток!»<sup>83</sup>.

---

<sup>81</sup> Орлов Н. Девять месяцев продовольственной работы Советской власти. М., 1918. С. 9.

<sup>82</sup> Бадаев А. Е. Продовольственная работа в Петрограде // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 гг. / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 40.

<sup>83</sup> Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 184.

## § 6. Поход за хлебом с пулеметами

Начав захват власти, большевики не слишком задавались вопросом, как обеспечить снабжение столицы продовольствием, но обещали эту проблему решить. До октябрьских событий они не говорили, что собираются силой отбирать хлеб у крестьян. В выступлениях В. Ленина того времени речь идет об изъятии продовольствия у спекулянтов, торговцев, помещиков. Накануне октябрьских событий он пишет: «Чтобы дать народам хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство»<sup>84</sup>.

Урожай 1917 г. был неплохим. Государство к осени 1917 г. пусть неэффективно, но контролировало основные губернии, производящие зерно. Продовольственный аппарат царского правительства после февральских событий хотя и был дезорганизован, но по инерции продолжал работать. Незадолго до октябрьского переворота министр продовольствия Временного правительства М. Прокопович обещал заготовить в следующем сельскохозяйственном году более 1 млрд пудов зерна.

Если учесть, что большевикам были чужды сантименты руководителей Временного правительства, не позволявшие применять для изъятия продовольствия репрессии, можно было предположить, что, захватив власть, они сумеют силой взять зерно. Этого не произошло. Они не смогли наладить снабжение продовольствием крупных городов, в том числе – Петрограда и Москвы. К лету 1918 г. ситуация с продовольствием в столице стала катастрофической. Система централизованного продовольственного снабжения перестала работать (см. рис. 1).

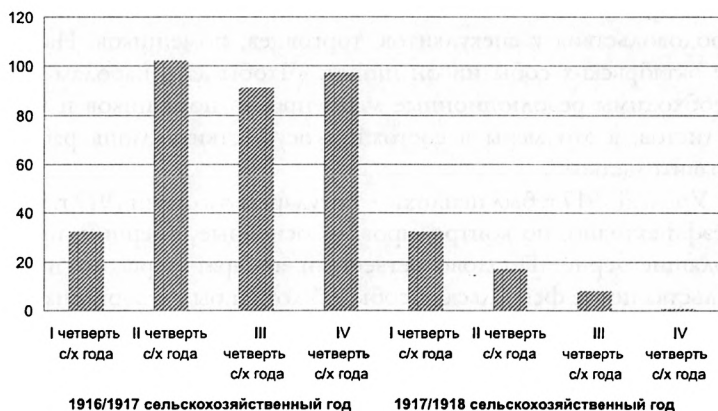
Это произошло по ряду причин. Главная из них – отсутствие у большевистского режима механизмов принуждения, позволяющих изымать продовольствие, обеспечивать его транспортировку в столицу. Слабость государства невозможно компенсировать жестокостью власти. Другая причина – крах продовольственно-

---

<sup>84</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Изд-во политической лит-ры, 1969. С. 4.



го аппарата старого режима. Временное правительство сделало немало, чтобы дезорганизовать систему управления империей. Но оно не ставило своей задачей ее разрушить. Для Ленина и его единомышленников разрушение государства было одним из символов веры.



**Рис. 1.** Фактические заготовки зерна в 1916–1918 гг., млн пудов

Источник: Свицерский А. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 130.

Служащие ведомств, ответственных за продовольственное снабжение, без энтузиазма относились к сотрудничеству с большевиками. А. Шлихтер, назначенный в ноябре 1917 г. исполняющим обязанности наркома продовольствия, так описывает первое посещение вверенного ему ведомства: «Живо помню свое первое прибытие в Аничков дворец. Это было 21 ноября 1917 г. Не знаю, было ли известно чиновникам министерства, что Советская власть решила немедленно взять в свои руки продовольственное дело, но мое появление с членом коллегии, сопровождавшим меня в назначенный кабинет, вызвало ироническое любопытство, с которым меня встречали в вестибюле, на лестнице, в коридоре

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

группы служащих. Сколько насмешки сквозило в глазах тех, мимо кого мне пришлось пройти»<sup>85</sup>.

Мобилизацию продовольствия для снабжения городов в 1917–1918 г. осложняло уничтожение крупного сельскохозяйственного производства. Столыпинская реформа открыла дорогу развитию товарного, ориентированного на рынок крестьянского хозяйства. Однако основным поставщиком товарного хлеба до февраля 1917 г. были помещичьи и капиталистические хозяйства<sup>86</sup>.

В России в начале века на долю помещичьих хозяйств приходилось 12% валового сбора и 21,6% товарного хлеба; доля богатых крестьян составляла 38% валового сбора и 50% товарного хлеба, доля бедняков и середняков – 50% валового сбора и лишь 23,4% товарного хлеба. Товарность мелких крестьянских хозяйств была низкой (14,7%). Удельный вес товарной продукции в валовой продукции сельского хозяйства составлял 30%, в земледелии – 25%<sup>87</sup>.

Уничтожение крупных хозяйств, поставлявших товарный хлеб в города, изменило ситуацию на продовольственном рынке. В начале лета 1917 г. можно было рассуждать о том, что города накормят, отняв хлеб у помещиков. К осени, когда усадьбы были сожжены, амбары разграблены, подобные дискуссии стали беспредметными. Большевики, взявшие власть, начавшие работу по заготовке продовольствия, вынуждены были понять реальную ситуацию: «В уезде полная анархия. В помещичьих экономи-

<sup>85</sup> Шлихтер А. Г. Воспоминания о хлебе // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 годах / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 16.

<sup>86</sup> Основными владельцами хлебных запасов были помещики и кулаки... помещики и кулаки производили 71,6 процента товарного хлеба (931,6 миллиона пудов), бедняцкие и середняцкие хозяйства – всего лишь 28,4 процента. В 1916 году помещики дали примерно 400 миллионов пудов хлеба, в том числе 194 миллиона пудов товарного... Кроме того, у помещиков имелись крупные запасы хлеба от урожая прошлых лет. Огромные запасы хлеба были у кулаков – более половины товарных излишков урожая 1917 года. Запасами хлеба располагали также торговцы, мукомолы и банки. См.: Давыдов М. И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 4, 5.

<sup>87</sup> Рябова Т. Ф., Куделя А. Д. Развитие рынка зерна в России. 1896–1996. М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1997. С. 6.

ях все разрушено крестьянами. Почти весь хлеб расхищен или уничтожен»<sup>88</sup>.

После захвата власти большевиками у тех, кто отвечал за продовольственное снабжение Петрограда, иллюзий не осталось: при дезорганизованном государственном аппарате в ближайшие месяцы взять продовольствие в деревне невозможно. Большевики начали проводить инвентаризацию и конфискацию того, что можно найти на частных складах в Петрограде, его окрестностях, прилегающих к городу железнодорожных путях. В. Ленин предлагал, прежде всего, искать продовольствие в столице<sup>89</sup>. А. Шлихтер, исполняющий обязанности наркома продовольствия, пишет: «Естественность и целесообразность первоочередности распределения готовых продовольственных запасов перед новыми заготовками продовольствия в тех условиях были совершенно очевидны»<sup>90</sup>.

А. Бадаев вспоминал: «В январе 1918 г. мы провели первый массовый учет и реквизицию продуктовых запасов, находящихся на складах частных торговых фирм... в течение нескольких дней все находящиеся в городе склады были осмотрены. На складах обнаружили огромные запасы топлива, всевозможных товаров и продуктов. Хотя хлеба не было, но были рыба, мясо, жиры и т. п.». После исчерпания запасов на складах в Петрограде большевики в конце февраля 1918 г. начали реквизиции на железных дорогах в радиусе примерно 50 верст от Петрограда»<sup>91</sup>. Мобилизованные ресурсы были быстро исчерпаны. К январю 1918 г. руководство страны понимало: если не организовать массовые реквизиции хлеба в деревне, обеспечить снабжение Москвы, Петрограда, других крупных городов невозможно. Однако брать хлеб приходи-

<sup>88</sup> *Фектер А. В борьбе за хлеб // X годовщина Октября (1917–1927): Сб. статей и воспоминаний. Тула: Издание тульского истпарт, 1927. С. 30.*

<sup>89</sup> *Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич Ленин и Военно-Морской Флот // Военно-исторический журнал. 1964. № 4. С. 5.*

<sup>90</sup> *Шлихтер А. Г. Воспоминания о хлебе // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 гг. / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 26.*

<sup>91</sup> *Бадаев А. Е. Продовольственная работа в Петрограде // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 гг. / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 42.*

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

лось не у помещиков, а у крестьян, в стране, где больше 85% населения живет в деревне. И деревня хорошо вооружена.

Одним из обсуждавшихся способов решения проблемы была организация продуктообмена, безденежной торговли. Предполагалось, что он позволит получить необходимое городу продовольствие в обмен на пользующиеся спросом в деревне городские товары – ткани, обувь<sup>92</sup>. Городская промышленность в кризисе, но государство, ее национализировавшее, могло распоряжаться производственными возможностями. В руках у властей были запасы товаров, заготовленных на нужды армии, пользующиеся в деревне спросом<sup>93</sup>.

Попытки наладить продуктообмен города и деревни в 1917–1918 гг. провалились<sup>94</sup>. Чтобы организовать безденежную торговлю, нужен торговый аппарат, позволяющий найти крестьянина или крестьянское сообщество, с которым можно договориться об условиях обмена. Структуры частной торговли были национализированы, новые, государственные или кооперативные, не успели

<sup>92</sup> В документе, направленном в Совпартком 21 марта 1918 г. наркомом продовольствия А. Цюрупой, говорится о необходимости послать «в хлебобродные места крупные запасы товаров крестьянского потребления и требовать за них немедленной отдачи хлеба, одним словом – организовать в государственном масштабе товарообмен». См.: *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 66–67.

<sup>93</sup> «Мы стали выбрасывать из армейских складов запасы (как казалось) ненужного обмундирования, железных изделий и значительного количества военной мануфактуры. 2-го апреля 1918 г. постановлением Совнаркома было предоставлено в распоряжение Наркомпрода 1.162.000.000 руб. на закупку товаров». См. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 65–66.

<sup>94</sup> «По предварительным подсчетам, предполагалось получить путем обмена в течение апреля и мая 1918 г. до 120 млн пудов хлеба. Эти расчеты, пишет один из видных руководителей продовольственной политики, были "жестко искажены действительностью..."» См.: *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. С. 201. На V съезде Советов в июле 1918 г. нарком продовольствия А. Цюрупа говорил: «Мы убедились, что та мера, на которую мы возлагали так много надежд, а именно товарообмен, не могла оказаться особенно полезной. В нашей практике было много случаев, когда крестьяне, видя, что товара нет, завывали: «без товара мы не отдадим», но, когда привозили товар, хлеб все равно мы не получали, а товар они распределяли между собой». См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 142.

наладить работу<sup>95</sup>. Все это на фоне дезорганизации системы коммуникаций, трудностей обеспечения железнодорожных перевозок. Ресурсы, которые отправляли в производящие зерно губернии, обменять на хлеб не удалось.

Коммунистическое руководство в то время всерьез не обсуждало вопрос о возврате к свободе торговли, либерализацию цен, возможность восстановления частных торгово-закупочных предприятий. Такие решения противоречили дореволюционной риторике большевиков. Но дело было даже не в этом. На протяжении первых месяцев пребывания у власти большевики легко отказались от многого, о чем говорили раньше, использовали в борьбе за власть. Но в преимуществах централизованного управления экономикой руководство большевистской партии, как и подавляющее большинство специалистов, выработывавших экономическую политику Временного правительства, было убеждено. Германский опыт управления хозяйством в условиях войны был популярен.

В картину управляемой государством экономики свобода торговли продовольствием не вписывались. К тому же при расстройстве государственных финансов, параличе налоговой системы свободная торговля приводит к высоким темпам инфляции. Наиболее тяжелые последствия она имеет для низкодоходных групп населения крупнейших городов – Москвы и Петрограда. От поддержки этих групп зависит пусть эфемерная, но существующая власть большевиков.

Сохранение прокоммунистических настроений, преобладающих в январе 1918 г. в Петрограде, Москве, – залог успеха в борьбе с конкурентами – эсерами, анархистами. Отказ от либерализации цен позволил большевикам разогнать всенародно избранное Учредительное Собрание. Лидер партии социалистов-революционеров, председатель Учредительного Собрания В. Чернов пишет: «Ленин, отличный практик-стратег, не смущался тем, что и под ливнем самых соблазнительных декретов

<sup>95</sup> *Германов Л. (М. Фрумкин). Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 65.*

страна устояла и ответила ему вотумом недоверия, послав в Учредительное Собрание абсолютное большинство социалистов-революционеров. Из удачного октябрьского опыта он знал, что всего существеннее – иметь большинство в решающий момент в решающем участке войны. И подтянув для верности в Петроград еще своих надежных латышей, он составлял диспозицию уличного столкновения... Но в обеих столицах приказов овладевшей властью диктаторствующей партии беспрекословно слушалось громадное большинство тыловых гарнизонов, а по численности голосовавших на выборах она вышла на первое место. Физическая сила была не за нас. Открыв для нас двери Таврического дворца, власть имела возможность превратить его в простую мышеловку. Никаких иллюзий на этот счет у нас не было. Петербург не с нами»<sup>96</sup>.

Питерские рабочие в это время не представляли, что несколько месяцев спустя будут требовать свободы торговли. Они верили, что хлеб есть, его можно отнять у богачеев и спекулянтов. При таких настроениях в столицах переход к режиму свободной торговли сделал бы свержение власти большевиков неизбежным. В июле 1918 г. большевики чудом не уступили власть левым эсерам, выступление которых было связано с ратификацией Брестского мира, вопросом, мало волновавшим большую часть населения России. Нетрудно представить, как развернулись бы события, если бы политические оппоненты новой власти могли использовать то оружие, которое применяли большевики по отношению к Временному правительству – левую, перераспределительную риторику, проклятия в адрес предательского антинародного режима. Вопрос был лишь о том, сколько недель понадобится, чтобы власть большевиков рухнула, и кто придет им на смену – левые эсеры или анархисты.

В такой ситуации ответ на вопрос, как обеспечить снабжение городов продовольствием, был очевиден: отправлять в деревню вооруженные отряды, конфисковывать у крестьян зерно. Чтобы идеологически оправдать такую политику, крестьян, которые

<sup>96</sup> Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 356, 357.

отказываются отдавать зерно по ценам ниже рыночных<sup>97</sup>, стали называть кулаками<sup>98</sup>. Сути дела это не меняло. Речь шла о конфликте власти, опирающейся на городские низы, с крестьянским большинством, об объявлении гражданской войны<sup>99</sup>.

Большевики, верящие в теорию классовой борьбы, потратили немало сил, чтобы расколоть крестьянство. Они пытались опираться на его бедную часть, были готовы в обмен на содействие в реквизициях продовольствия делиться с нею конфискованными ресурсами, создавали комитеты бедноты, пытались сделать их своей опорой в деревне.

Такая политика не позволяла использовать продуктообмен как вспомогательный механизм мобилизации продовольствия, дополняющий реквизиции. Прямой обмен городских товаров на зерно с крестьянскими хозяйствами, имеющими запас хлеба, готовыми его поставлять, был запрещен<sup>100</sup>. Поступающие из города

<sup>97</sup> В первый год применения продразверстки установленные государством цены на хлеб расходились с рыночными на 25–50%. В последующие годы эти цены будут различаться уже в десятки раз, то есть речь пойдет о прямой конфискации зерна. См.: *Халатов А. Б.* Система заготовок и распределения в период военного коммунизма // *Внутренняя торговля Союза ССР за Х лет.* М.: Изд-во Наркомторга СССР и РСФСР, 1928. С. 34.

<sup>98</sup> «Как и где взять хлеб в ближайшие дни? Товарищи рабочие и голодающие крестьяне, вы знаете, где находится хлеб. Почти все хлебные излишки – у деревенских кулаков... Кулаки не хотят дать хлеба голодным и не дадут его, на какие бы уступки им ни шло государство. Хлеб надо взять силой у кулаков». См.: *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия. М.: Коммунистический Университет им. Я. М. Свердлова, 1925. С. 116, 117.

<sup>99</sup> «Идя не с легким сердцем на “хлебную войну”, – власть опиралась на рабочих и голодающее крестьянство севера и центра. На кого стала бы она опираться, дав свободу спекуляции? Не сменилась ли бы тогда эта хлебная война против кулацкого и идущего за кулаками спекулятивного крестьянства, войной против голодающих? Ужели власть, вышедшая из пролетарских недр, начала бы отправлять карательные экспедиции для защиты спекулянтов и ставить пикеты у тех продуктовых магазинов, куда получали бы доступ только буржуа!». См.: *Орлов Н.* Девять месяцев продовольственной работы Советской власти. М., 1918. С. 361. В Ленин поддерживал «превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом». См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Изд-во политической лит-ры, 1962. С. 85. Некоторые исследователи считают, что по числу действующих лиц и значимости вероятного исхода размах большевистской войны против крестьянства на внутреннем фронте во много раз превосходил размах военных действий на фронтах гражданской войны с белыми. См.: *Бровкин В.* На внутреннем фронте: большевики и зеленые: Докл. 20-му Национальному симпозиуму American Association for the Advancement of Slavic Studies. 1988. Ноябрь. С. 1.

<sup>100</sup> В изданном 2 апреля декрете о товарообмене было сказано об обязательности «привлечения деревенской бедноты к организации товарообмена и обязательность передачи товаров, выдаваемых для обмена на хлеб, в распоряжение волостных или

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

товары направлялись деревенской бедноте. Один из участников кампании конфискации продовольствия в деревне писал: «Наше снабжение или “распределение” носит скорее характер премии не за сдачу хлеба, а за оказание политической помощи при извлечении хлеба»<sup>101</sup>. Не удивительно, что зажиточным крестьянам было безразлично, поступят ли городские товары по каналам государственного товарооборота в деревню. Их позиция была проста: пусть лучше не достанется никому, чем попадет в руки голодранцев, помогающих отбирать у нас зерно.

Деревня в это время оставалась сплоченным организмом. Внешний мир она воспринимала как враждебную силу, пытавшуюся вмешаться в ее жизнь. Единство в противостоянии этому – укоренившаяся норма поведения. Кулак, если использовать это слово так, как его понимали в российской деревне начала XX века, не обязательно богатый крестьянин. Это человек, противопоставляющий себя общине. Его поведение расходилось с принятыми социальными нормами. Ближайший синоним этого слова, чаще употреблявшийся крестьянами, – мироед, человек, который ест мир, общину, подрывает ее устои<sup>102</sup>. В глазах деревни те, кто был готов сотрудничать с большевиками и их продотрядами, – мироеды. Таких находилось не много.

Ликвидация во время аграрных беспорядков 1917 г. части хуторов, включение их земель в перераспределение, раздел помещичьих земель сделали российскую деревню более однородной в имущественном и социальном отношении. К концу 1918 г. боль-

---

районных объединений для дальнейшего распределения среди нуждающегося населения». См.: Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народно-Комиссариата по Продовольствию за 1918–19 год. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонова, 1919. С. V. Декрет и специальная инструкция по товарообмену утвержденная Народным комиссариатом продовольствия исключала «отпуск товаров за сданный хлеб отдельным хозяевам. Предметы первой необходимости отпускались только волостным или другим местным органам для распределения среди нуждающегося населения, «дабы побудить неимущих воздействовать на имеющих хлеб, понуждая к его сдаче». См.: *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 67.

<sup>101</sup> *Германов Л.* (М. Фрумкин). Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 68.

<sup>102</sup> *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. С. 278.



шевики вынуждены были признать, что расколоть деревню, создать базу поддержки проводимой продовольственной политики, не удалось. Комитеты бедноты были ликвидированы.

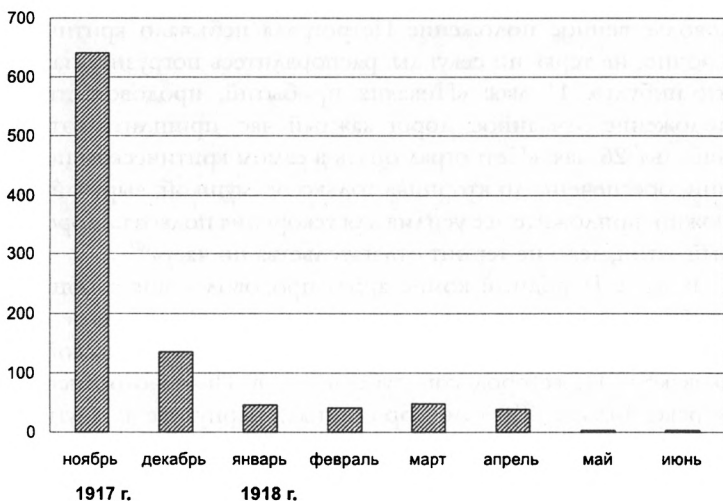
В начале 1918 г. вооруженному и голодающему городу, пытающемуся взять хлеб силой, противостояла вооруженная, не желающая отдавать зерно деревня. У коммунистов, подверженных революционной эйфории, были иллюзии, что агитация, апелляция к бедствиям голодающего города, революционному долгу позволят убедить крестьян сдавать хлеб добровольно. При соприкосновении с реальностью эти иллюзии развеялись<sup>103</sup>. То, что хлеб можно взять лишь вооруженной силой, для большевиков стало аксиомой. Началось то, что позже В. Ленин назвал «борьбой за хлеб»<sup>104</sup>. К отправке продовольственных отрядов в деревню приступили в январе 1918 г. Деревня прятала зерно, нередко бралась за оружие. Но крупные крестьянские восстания в это время были еще редкостью. Чаще дело ограничивалось локальными стычками, стрельбой и жертвами с обеих сторон.

Хлебозаготовительная кампания первой половины 1918 г. окончилась провалом. Среднемесячные заготовки хлеба при Временном правительстве составили 738 тыс. тонн<sup>105</sup>. После октября они не превышают 50 тыс. тонн (см. рис. 2).

<sup>103</sup> Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по Продовольствию за 1918–19 год. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1919. С. 6, 7.

<sup>104</sup> В докладе о текущем моменте 27 июня он писал: «И вот, когда мы подошли к этой задаче, когда Советская власть ясно поставила эти вопросы, когда она сказала: товарищи рабочие, организуйтесь, объединяйте продовольственные силы, боритесь с каждым случаем, когда такие отряды оказываются не на высоте призвания, организуйтесь более крепко и исправляйте свои недочеты, объединяйте вокруг себя деревенскую бедноту. Кулаки знают, что приходит их последний час, когда противник выступает не только с проповедью, со словами и фразами, а с организацией деревенской бедноты. – Если мы ее организуем, то одержим победу над кулаками. Кулаки знают, что тут приходит момент самой решительной, самой последней, самой отчаянной борьбы за социализм. Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это – борьба за социализм. Если рабочие научатся решать самостоятельно такие задачи, – на помощь им никто не придет, – если они научатся объединять вокруг себя деревенскую бедноту, тогда будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Из-во политической лит-ры, 1969. С. 448–449.

<sup>105</sup> Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Изд-во «Лексикон», 1987. С. 39.



**Рис. 2.** Среднемесячные заготовки хлеба после октябрьского переворота, тыс. тонн

Источник: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987, с. 39.

В июле 1918 г. заготовки продовольствия остановились. Это привело к катастрофическому ухудшению продовольственного снабжения городов. Были дни, когда в Петроград и Москву не доставляли ни одного вагона продовольствия. Запасов не было. Нормы выдачи хлеба по карточкам падали, росло число дней, когда хлеб не выдавали вовсе.

Телеграмма В. Ленину 8 мая 1918 г.: «Продовольственное положение Петрограда стало абсолютно критическим... придите на помощь в спешном порядке, выручайте хоть небольшим количеством хлеба, на днях ожидаем прибытий, отвечайте немедленно. Повторяем, положение никогда еще не было столь трудным»<sup>106</sup>.

<sup>106</sup> РГАЭ (быв. ЦГАНХ СССР). Ф. 1943. Оп. 1. Д. 296. Л. 46. Цит. по: *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 54.

В тот же день: «Телеграфируем Вам сегодня второй раз. Продовольственное положение Петрограда небывало критическое. Срочно, не теряя ни секунды, распорядитесь погрузить нам хоть что-нибудь». 11 мая: «Никаких прибытий, продовольственное положение отчаянное, дорог каждый час, пришлите хоть что-нибудь». 26 мая: «Петроград опять в самом критическом положении, обеспечены до вторника только осьмушкой, выручайте чем можно, приложите все усилия для ускорения подвоза... дорог каждый вагон, дело не терпит отлагательства ни часу»<sup>107</sup>.

В мае в Народный комиссариат продовольствия сообщили о крайнем обострении продовольственного положения в Твери, Царицыне, Костроме, Смоленске, Боровске, Ярославской, Московской, Нижегородской губерниях, в Иваново-Вознесенске, Курске, Вязьме, Талдоме, Бронницах, Серпухове и других местах<sup>108</sup>. К марту в Петрограде выдавали 150 грамм хлеба на человека. В конце апреля выдачу сократили до 50 граммов<sup>109</sup>. Нормы централизованного снабжения в Петрограде в те месяцы были ниже тех, по которым выдавался хлеб в Ленинграде во время блокады (после сокращения нормы снабжения хлебом с 1 октября 1941 г. рабочие получали по 400 г, а остальное население – по 200 г хлеба в день<sup>110</sup>).

Для большевистского руководства принципиальное значение имела продовольственная ситуация в Петрограде и Москве, но проблемы не ограничивались столичными городами. Л. Троцкий в это время говорил: «Хотя и худо в Петрограде, худо в Москве, однако есть много мест в России, где еще с завистью взирают на эти города. У меня имеется несколько телеграмм, которые получают Народным Комиссаром продовольствия из мелких городов и местечек. Там население в буквальном и точном смысле находится на краю полного голода и истощения. Из Выксы,

<sup>107</sup> ГАРФ (быв. ЦГАОР СССР). Ф. 130. Оп. 2. Д. 705. Л. 225, 243, 314. Цит. по: Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 55.

<sup>108</sup> Известия Народного комиссариата продовольствия. 1918. № 2–3. С. 32.

<sup>109</sup> Пайтс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. С. 509.

<sup>110</sup> Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник документов и материалов. В 2 т. Т. 1. Л.: Госполитиздат, 1944. С. 119.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

Нижегородской губ., от 31-го мая телеграфируют: “Склады Выксы пусты, работа идет с большими перерывами и остановками, отсутствует 30% рабочих не ради протеста, а действительно от голода. Были случаи – подымали падающих от истощения”. Из Сергиева-Посада: “Дайте хлеба, иначе погибаем”... Из Брянска от 30-го мая: “На Мальцовских и Брянских заводах огромная смертность, особенно детская; в уезде голодный тиф”»<sup>111</sup>.

Не умереть с голода позволяло мешочничество – поездки горожан в деревню для обмена вещей на продовольствие. Трудно оценить его долю в снабжении хлебом населения крупных городов. Большинство исследователей сходятся в том, что в это время она составляла больше половины<sup>112</sup>. Большевицские власти рассматривали мешочничество как подрыв продовольственной диктатуры, выставляли на железных дорогах заградительные отряды. Зерно, которое везли из деревни, конфисковывали. Это делало мешочничество занятием тяжелым, иногда опасным. Но прокормить без него городскую семью было невозможно.

Весной 1918 г. именно слабость власти, отсутствие у нее дисциплинированных армейских частей помогла крупным городам выжить. Мешочники нередко делились хлебом с вооруженными отрядами, которые охраняли эшелоны, разгоняли заградительные отряды, пробивали дорогу в город<sup>113</sup>.

<sup>111</sup> *Троцкий Л.* На борьбу с голодом. Доклад, прочитанный на народном собрании в Сокольниках 9 июня 1918 г. // *Материалы и документы по истории Красной армии. Т. 1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 74.*

<sup>112</sup> «В феврале 1918 года правительство ввело за “мешочничество” высшую меру наказания». См.: *Новая жизнь. 1918. 20 февраля. № 29 (243). С. 1.* Однако и после этого доля мешочников в снабжении населения 12 потребляющих губерний составила более 60%. См.: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 28.

<sup>113</sup> Из материалов совещания, посвященного продовольственному положению в это время: «Тамбовская губ. Козлов: На станцию прибыл целый поезд мешечников. Заградительные отряды разоружены и разогнаны. Четверо из отряда ранены. На стороне мешечников вооруженные винтовками, ручными гранатами фиктивные матросы и банды из темных элементов». «Орловская губ. Ст. Маховая: На сторону мешечников стали матросы. Перестрелка. Ранены два мешечника, один солдат. Брянск: средняя обращаемость мешечников до 5000 человек в день»... «Вятская губ. Поезда буквально забиты мешечниками... ж.-д. милиция бездействует... в Сарапуле мешечники осаждают хлебные места»... «В Сарапульском уезде подтверждаются значительные запасы хлеба. Мешечники во множестве. Вооруженные организации вывозят хлеб самочинно, нарушают закон хлебной монополии и твердые

В Петрограде и Москве летом 1918 г. прошла волна митингов, на которых рабочие требовали ликвидировать заградительные отряды, разрешить свободный подвоз продовольствия в город<sup>114</sup>. Такие требования звучали на крупнейших питерских заводах, которые еще недавно считались бастионами большевиков, – на Обуховском, Путиловском<sup>115</sup>. Обуховский завод власти решили закрыть.

Рабочие организации Питера и Москвы договорились о координации усилий<sup>116</sup>. Экономические лозунги были дополнены политическими, их антибольшевистская направленность очевидна<sup>117</sup>.

Важно понять, в чем причина провала попыток большевиков в это время реквизировать зерно в деревне. Последнее, в чем можно их заподозрить, это в неготовности применять жесткие меры, чтобы взять хлеб силой. Крупные крестьянские восстания, исключающие возможность реквизиций на значительных территориях, начнутся позже. Хотя территория, которая формально контролировалась центральным правительством, сократилась по сравнению с 1916 г., но была больше той, на которой будут проводиться относительно успешные реквизиции в 1918/1919 сельскохозяйственном году<sup>118</sup>. Таких катастрофических результатов заготовительной кампании, как в 1917/1918 с/х году, больше не будет (см. рис. 3).

---

цены». См.: Орлов Н. Система продовольственных заготовок. (К оценке работ заготовительных экспедиций А. Г. Шлихтера). Тамбов: Школа Печатников Полиграфического производства, 1920. С. 4.

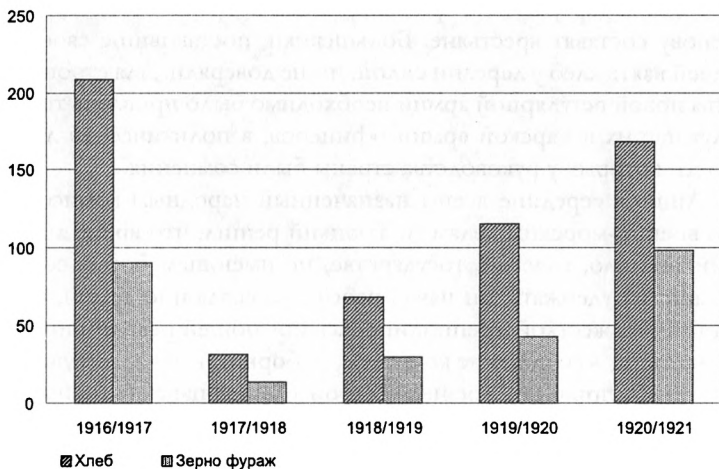
<sup>114</sup> См., напр.: Резолюция Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда о продовольственном кризисе от 15 мая 1918 г., Резолюция общего собрания рабочих и служащих Обуховского завода о политических и экономических мерах борьбы с голодом от 17 июня 1918 г., Резолюция общезаводского собрания протеста рабочих-путиловцев против политики Совнаркома от 6 августа 1918 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 99–103; 113–114; 156–158.

<sup>115</sup> На Путиловском заводе рабочие требовали отменить запрет свободной торговли хлебом, сходные резолюции были приняты на Обуховском заводе. См.: НВ. 1918. 9 мая. № 91 (115). С. 3, 10 мая. № 92(116). С. 3.

<sup>116</sup> Борисова Л. В. Военный коммунизм: насилие, как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 59.

<sup>117</sup> «В таких условиях рабочий класс обречен...» Архивы ВЧК–ФСБ о рабочем протесте 1918 г. // Исторический архив. 2003. № 5. С. 151–171.

<sup>118</sup> Сельскохозяйственный год в это время начинался 1 августа.



**Рис. 3.** Государственные заготовки хлеба и фуражного зерна в 1916/1917 – 1920/1921 сельскохозяйственных годах, млн пудов

Источник: *Свидерский А.* Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 132.

Сказалось отсутствие у новой власти дисциплинированной армии с единым командованием<sup>119</sup>. Старая армия разбежалась, новая еще не была создана. В руководстве страны шли споры о том, нужна ли армия с профессиональным командным составом, жесткой дисциплиной и комплектованием рядового состава по призыву или можно ограничиться добровольными частями, формируемыми из рабочих<sup>120</sup>.

<sup>119</sup> «Несмотря на то что по официальной версии Красная Армия возникла в феврале 1918 года, в течение примерно шести месяцев она существовала только на бумаге. Помимо латышей, которых перебрасывали из одной горячей точки в другую, на стороне большевиков сражалось несколько рассредоточенных отрядов по 700–1000 человек под командованием выборных офицеров; они не были формально организованы в армию, субординация отсутствовала, скоординировать их действия для выполнения стратегической задачи было невозможно». См.: *Паїнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005. С. 37–38.

<sup>120</sup> *Паїнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005. С. 37–38.

Главным аргументом против призывной армии было то, что ее основу составят крестьяне. Большевики, поставившие своей задачей взять хлеб у деревни силой, им не доверяли. Для строительства новой регулярной армии необходимо было привлечь тысячи служивших в царской армии офицеров, в политической лояльности которых у руководства страны были сомнения.

Лишь в середине весны назначенный народным комиссаром по военно-морским делам Л. Троцкий решил, что время дискуссий прошло, власть в государстве, не имеющем боеспособной армии, не удержать, он начал работу по созданию армии, основанной на жесткой дисциплине, исключавшей революционные вольности, – солдатские комитеты, выборность начальствующего состава<sup>121</sup>, привлек к военному строительству царских офицеров. ВЦИК принял 29 мая 1918 г. декрет «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию». В июне 1918 г. трижды объявлялась частичная мобилизация. 10 июля 1918 г. 5-й Всероссийский съезд Советов принял постановление «Об организации Красной Армии». 29 июля 1918 г. был опубликован Декрет о всеобщей воинской повинности мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет.

К октябрю-ноябрю 1918 г. Красная Армия выросла до 1,5 млн человек<sup>122</sup>. Осенью 1918 г. те, кто сражался против большевиков, обратили внимание на изменение поведения войск противника, на то, что его части стали более дисциплинированными, стойкими в бою<sup>123</sup>.

<sup>121</sup> «Старая армия выдвинула выборные солдатские комитеты и выборный командный состав, фактически подчиненный комитетам. Эта мера имела, разумеется, не военный, а революционно-политический характер. С точки зрения управления войсками в бою и подготовки войск для боя она была недопустимой, чудовишной, убийственной. Управлять войсками через посредство выборных комитетов и через подчиненных комитетам выборных и в любой момент сменяемых командиров не было и не могло быть никакой возможности. Но армия и не хотела сражаться». См.: *Троцкий Л.* Путь Красной Армии // *Материалы и документы по истории Красной армии.* Т. 1. Как вооружалась революция. 1918 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 15.

<sup>122</sup> *Каменев С. С.* Записки о гражданской войне и военном строительстве. М.: Воениздат, 1963. С. 77.

<sup>123</sup> «К осени 1918 года стало замечаться среди большевистских войск проявление большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мерами. Большевистские части научились драться с большим упорством и стали проявлять большую наступательную энергию». У. Г. Чемберлен в самый разгар гражданской войны в

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

Хотя перед Красной Армией была поставлена задача подержать оружием изъятие продовольствия в деревне<sup>124</sup>, развитие событий заставило власти бросить ее на фронты гражданской войны. Туда же были переброшены части продармии, которая создавалась специально для силовой поддержки реквизиций зерна. Она была подчинена Л. Троцкому<sup>125</sup>. Однако само наличие армии, выполняющей, а не обсуждающей приказы, изменило положение, объемы изымаемого у крестьян зерна стали расти.

Провал хлебозаготовок весной – летом 1918 г. был вызван также тем, что на местах не было дееспособного аппарата, готового выполнять поступающие из центра указания. В. Ленин в 1917 г. любил цитировать слова К. Маркса о том, что задача рабочего класса не ограничиваться простым захватом «готовой государственной машины», а разбить и сломать ее<sup>126</sup>. Эту задачу большевики выполнили.

Из опыта аграрных обществ известно, что нельзя организовать удовлетворительно функционирующую систему изъятия ресурсов из деревни без упорядоченной, подкрепленной традицией системы разверстки крестьянских обязательств по группам плательщиков. При отсутствии на местах дееспособного аппарата поведение

---

России справедливо заметил, что успех якобинцев в деле создания мощной регулярной революционной армии на месте развалившейся королевской очень схож со «столь же удивительным превращением дезорганизованной армии, которая перед заключением Брест-Литовского мира представляла собой беспорядочную толпу потенциальных дезертиров, в сильную боеспособную Красную Армию, отбросившую чехо-словаков от Волги и изгнавшую французов с Украины». См.: *Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: Терра, Политиздат, 1991. С. 109; Chamberlin W. H. Bolshevik Russia and Jacobin France // The Dial. Vol. 67. 1919, July 12. P. 14–25.*

<sup>124</sup> Ленин предлагал объявить в стране на июль – август военное положение, сосредоточив в это время 9/10 работы Военного комиссариата на одной цели: мобилизации армии для систематических и активных действий по сбору и свозу хлеба и топлива, «Не добившись этого, – писал он, – нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований, нельзя обеспечить и возможности вести успешную оборонительную войну». См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Изд-во политической лит-ры, 1962. С. 390–391.* Л. Троцкий, приступая к созданию Красной Армии, говорил, что ее важнейшей задачей в в ближайшие два три месяца будет «борьба с голодом». См.: *Новая жизнь. 1918. 9 июня. № 112(327). С. 3.*

<sup>125</sup> *Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 144.*

<sup>126</sup> *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Изд-во политической лит-ры, 1962. С. 37.*



продовольственных отрядов описывается моделью «кочующего бандита»<sup>127</sup>: если нет устоявшейся системы контроля над территорией, приходит тот, кто способен силой отнять у крестьян урожай, не заботясь о том, достаточно ли останется у них ресурсов, чтобы дожить до следующего урожая, хватит ли им семян для посева. В следующий раз грабители будут разорять другую деревню.

Даже то, что удавалось отобрать у крестьян, непросто было доставить в столицы. Продовольствие было нужно самим продотрядам, местным органам, с которыми они взаимодействуют<sup>128</sup>. Сказывалось расстройство системы коммуникаций, железнодорожных сообщений. Проблемы с транспортом в стране возникли еще до 1917 г. Сокращение поставок техники для железных дорог привело к износу оборудования. Уменьшилось число паровозов и вагонов, пригодных к использованию. После февральских событий 1917 г. на это наложилась новая проблема – расстройство системы централизованного управления движением.

Железная дорога – интегрированная структура, нормальная работа которой возможна лишь при отлаженном механизме принятия решений. Когда государственный аппарат разваливается, на местах нет порядка, власти разного уровня дают противоречивые указания о том, что и куда надо везти, железнодорожный транспорт работает из рук вон плохо. В 1917 г. грузооборот железных дорог по сравнению с 1916 г. уменьшился на 2,5 млрд пудов, в 1918 г. – на 4 млрд пудов<sup>129</sup>.

Лишь при выделении военных контингентов для охраны составов можно было надеяться, что грузы удастся доставить по назначению<sup>130</sup>. Губпродкомы не желали слышать о нуждах соседних

<sup>127</sup> Этот термин ввел в научный оборот известный американский экономист профессор М. Олсон. См.: *Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Harvard University Press, 1965; *Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*, Yale University Press, 1982.

<sup>128</sup> *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 51.

<sup>129</sup> *Виноградов В. В.* Хлебные маршруты // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 гг. / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 94.

<sup>130</sup> Хлебный маршрут из Сибири, прибывший в Петроград в январе 1919 г., сопровождала вооруженная охрана, состоявшая из 30 красногвардейцев и 30 солдат с двумя пулеметами. См.: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 46.

губерний. Каждый считал себя вправе задерживать транзитные грузоперевозки; конфисковывать в свою пользу товар, предназначенный для отправки в другие губернии<sup>131</sup>.

Продовольственный работник Тульской губернии так описывает реалии времени: «Рабочие требовали хлеба, а хлеба не было... Продовольственная диктатура по губернии лишь только организовывалась. Поэтому решили частично пробиваться посредством отцепок – реквизиции целых вагонов у проходящих поездов... Выгрузка и перевозка проходила независимо от времени дня или ночи, было все равно, лишь только достать и дать хлеба необходимое количество... Прихожу к помощнику начальника – дежурному по станции, который уже выдал свободный проход через Тулу (фамилию его позабыл, на вид высокий, худощавый); сообщает – я сделать теперь ничего не могу. В ответ на это заявление я сказал, что если поезд не будет остановлен – будешь расстрелян... В январе 1918 г. собирали в отъезд товарища Бундурина в Новосильский уезд для проведения задания продовольственной диктатуры. В последних числах февраля, точно сказать не могу, его убивают с некоторыми отрядами и вместе с хлебом привозят их тела, убитые преступными руками врагов рабочего класса. После убийства товарища Бундурина по-старому продолжалась реквизиция-отцепка от проходящих поездов»<sup>132</sup>. Эти строки позволяют понять, почему, несмотря на грозные указания В. Ленина, в Москву и Петроград в июне – июле 1918 г. продовольствие не поступало.

В июле коммунистическое руководство поняло, что частичный отказ от политики хлебозаготовок неизбежен. В. Ленин, вопреки возражениям руководства народного комиссариата продовольствия<sup>133</sup>, соглашается на время отказаться от монополии хлебной

<sup>131</sup> Соколов С. А. Революция и хлеб. Из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1967. С. 37.

<sup>132</sup> Шурдуков Н. Ф. Воспоминания продработника // X годовщина Октября (1917–1927). Сборник статей и воспоминаний. Тула: Издание тульского истпарта, 1927. С. 74–76.

<sup>133</sup> «Колесания по этому вопросу вполне понятны. “Полуторапудничество”, как тогда называли льготный провоз хлеба, было нарушением государственной хлебной монополии. Цюрупа и другие члены коллегии Компрода, а также местные продовольственные организации были противниками этой меры, опасаясь, что льготный провоз дезорганизует работу проаппарата, затруднит борьбу с мешочничеством,

торговли, частично разрешить мешочничество<sup>134</sup>. Он предложил: «Установить временно – скажем, на 1 месяц – льготный провоз по 11/2 пуда хлеба в голодные местности для рабочих, при условии особого свидетельства и особого контроля»<sup>135</sup>. Совнарком принял решение о повышении закупочных цен, то есть сделал то же, что сделало годом раньше Временное правительство<sup>136</sup>.

6 августа 1918 г. Совнарком издал декрет «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций», постановил, что 50% заготовленного хлеба направляются рабочим организациям, сформировавшим продовольственные отряды<sup>137</sup>. Профессиональным объединениям, фабзавкомам, уездным и городским Советам предоставлялось право организовывать продовольственные отряды из рабочих и бедных крестьян для реквизиции хлеба. Половина хлеба, заготовленного этими отрядами, отправлялась организации, их пославшей<sup>138</sup>. В деревню хлынул поток вооруженных

---

легализует спекуляцию. Ведь вместе с рабочими за хлебом неизбежно бросится и лавина спекулянтов. Все это видел и понимал Ленин. Он сумел убедить Цюрупу, что в такое трудное время, когда продовольственный кризис достиг высшей точки, лучше пойти на некоторые уступки свободной торговле хлебом ради того, чтобы оказать помощь голодающим рабочим и их семьям. Ленин подчеркнул временный, вынужденный характер этой меры, советуя “налечь изо всех сил” на заготовки хлеба». См.: *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 98. См. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Изд-во политической лит-ры, 1965. С. 176.

<sup>134</sup> 16 июля Совет Обороны утвердил декрет о разрешении рабочим, возвращающимся из отпуска, провозить с собой два пуда хлеба, муки или другого продовольствия. См.: *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 152.

<sup>135</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Изд-во политической лит-ры, 1963. С. 32.

<sup>136</sup> *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 104.

<sup>137</sup> «Приходится отметить единодушное свидетельство всех Губпродкомов о том, что без Продармии они не могли бы собрать и того количества, которое собрали. Во всех докладах отмечается, что добровольная ссыпка хлеба не дала почти никаких результатов, и только в тех местностях, где были отдельные продотряды, удалось учесть и собрать излишки хлеба... Губпродкомы указывают, что теперь с достаточной ясностью определилась полная невозможность осуществлять в будущем хлебную монополию без продармейских частей, спаянных прочной и строгой военной организацией». См.: Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по Продовольствию за 1918–19 год. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1919. С. 6.

<sup>138</sup> Декреты Советской власти. Т. 2. М.: Б/и, 1964. С. 169.

горожан. При такой системе меняются стимулы участия в продовольственных отрядах. Речь шла не об опасной работе в пользу абстрактного бенефициара («голодный Питер», «гибнущая революция»), а об обеспечении пропитанием своей семьи, семей товарищей. Число желающих вступить в продотряды стремительно росло.

Одну деревню грабили несколько раз<sup>139</sup>. Из производящих губерний шел поток писем в центр, суть которых – просьбы остановить посылку продотрядов, отозвать направленные<sup>140</sup>. Сделать это оказалось непросто<sup>141</sup>. В ноябре 1918 г. было принято решение об отказе от выделения организации, направившей продотряды, части изъятого зерна.

На протяжении 1918 г. большая часть России вышла из-под контроля советской власти. В удаленных от центра богатых хлебом районах суть дела была в нежелании допустить вывоз продовольствия в потребляющие зерно губернии.

Чернов вспоминал, как «сибиряки» понемногу начинали «проявлять» себя: «Границы Сибири закрываются для беженцев из прифронтовой полосы: пусть они переполняют города, где правят “учредители”. Грузы с продовольствием, заказанным последними у сибирских кооперативов, задерживаются: Сибирь не

<sup>139</sup> *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 88.

<sup>140</sup> В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и А. Д. Цюрупе из Саратова 24 сентября 1918 г. сообщалось: «Создавшееся положение с огромным наплывом мешочников, представителей различных организации настолько катастрофическое, что дальнейшее продолжение работы и планомерной государственной заготовки совершенно невозможно». Совещание продовольственных коллегий Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, состоявшееся 5 ноября 1918 года, направило В. И. Ленину и в Наркомпрод телеграмму, в которой говорилось «о необходимости отзыва заготовительных отрядов, вносящих дезорганизацию в работу продовольственных органов на местах». См.: *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 128, 129, 131.

<sup>141</sup> 2 ноября 1918 г. Наркомпрод дал Военпродбюро следующее указание: «Ввиду поступающих сообщений из различных мест о продолжающемся, несмотря на означенное распоряжение, формировании отрядов и отправке их в производящие губернии принять со своей стороны все зависящие меры к прекращению отправки отрядов, могущей иметь своим последствием при условии чрезмерности ее развития нарушение правильного хода работ местных продовольственных органов и всего государственного плана заготовки и снабжения». См.: *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 130–131.

должна вывозить, все это нужно “ей самой”. С территорией Учредительного Собрания начинается настоящая таможенная война. “Учредительские” войска захватили в Казани золотой фонд; отныне у сибирского правительства разгораются на него глаза и зубы и начинается шантажная тактика; пока этот фонд не будет передан в “безопасную” Сибирь, ни о чем сибиряки не желают и разговаривать. Наконец, и этого мало: сибирские отряды начинают “оккупировать” и “присоединять” к Сибири целые города и округа (Челябинск, частью Екатеринбург) из территории Учредительного Собрания...»<sup>142</sup>.

При таких настроениях Сибирь и Поволжье с радостью встретили восстание Чехословацкого корпуса. Оно отрезало эти регионы от Москвы, сделало невозможными столичные притязания на зерно губерний.

Брестский мир, немецкая оккупация Украины закрыли большевикам дорогу к этому богатому хлебом региону. Поддерживаемый Германией генерал Краснов в 1918 году контролировал традиционную область войска Донского, часть прилегавших к ней территорий. Кубань провозгласила независимость. Центральное Черноземье было охвачено крестьянскими восстаниями.

Казалось бы, в этих условиях хлебозаготовки организовать труднее, чем в 1917/1918 сельскохозяйственном году. Но, как видно из приведенного выше графика, изъятия продовольствия из деревни с осени 1918 г. возрастают. Объяснить это нетрудно. До осени 1918 г. в стране не было функционирующего государства. Затем ситуация изменилась. Территория, контролируемая центральными властями, сократилась, но о России уже можно было говорить как о действующем государстве, ведущем тяжелую войну.

Продовольственное снабжение приобрело более упорядоченный характер. В начале 1919 г. вводится продрозверстка, система распределенных по губерниям, уездам, волостям заданий по хлебозаготовке. Формально был прокламирован принцип, по которому у крестьян изымают излишки, запасы зерна, превышающие

<sup>142</sup> Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 387.

15,52 пудов на одного едока и 7 пудов на единицу скота<sup>143</sup>. Но, как откровенно писали участники продовольственной работы, это был пропагандистский лозунг, не применимый на практике. Если так организовать дело, можно получить интересный статистический материал, но не хлеб, направляемый в города<sup>144</sup>.

С начала 1919 г. было признано, что продовольственная разверстка строится не на основе оценки ресурсов, которые можно изъять из деревни, а исходя из потребностей армии и городов<sup>145</sup>. Укоренился принцип круговой поруки – коллективной ответственности сельского сообщества за выполнение заданий по заготовкам продовольствия. Те, кто отвечал за продовольственное дело, поняли, что вмешиваться в распределение обязанностей по

<sup>143</sup> Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 28.

<sup>144</sup> «Прекрасный сам по себе и наиболее справедливый метод извлечения излишков предполагает необходимость предварительного учета не по средним статистическим данным о посевной площади, урожайности, высеве и потреблении, а по конкретному учету сбора хлебов и исчисления излишков по конкретным хозяйствам. Только при таком условии, при условии конкретного учета излишков в каждом хозяйстве имел бы смысл в глазах крестьянского населения и самый метод извлечения хлеба по принципу излишков. Но не надо много думать для того, чтобы понять, что практическое осуществление учета излишков по конкретным хозяйствам дало бы нам прекрасный экономический материал для весьма и весьма ценных выводов о земледельческом хозяйстве деревни, но не дало бы нам хлеба тогда, когда он нужен... Но, с другой стороны, та же жизнь и те же интересы революции требовали наполнения государственных ссыпных пунктов сейчас, неотложно, ибо только таким путем возможно было осуществлять сметные предположения государства по продовольственному вопросу, только при осуществлении продовольственных смет можно было вести гражданскую войну за революцию». См.: Орлов Н. Система продовольственных заготовок. (К оценке работ заготовительных экспедиций А. Г. Шлихтера). Тамбов: Школа Печатников Полиграфического производства, 1920. С. I, III.

<sup>145</sup> В письме ЦК РКП (б) всем губкомам партии от 04.09.1920 указывалось: «Разверстка, данная на волесть, уже является сама по себе определением излишка». Был изменен и метод подсчета хлебных излишков. Вместо запрещенного в это время подворного учета применялся способ определения посевных площадей и средних урожаев по каждому селению. См.: Давыдов М. И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 136, 137. На проходившем в конце 1918 – начале 1919 года Всероссийском совещании по продовольствию «тов. Шлихтер, суммируя опыт заготовок, констатируя невозможность путем товарообмена извлечь излишки хлеба для полнейшего использования центрального заготовительного аппарата», рекомендовал метод принудительной хлебной повинности, которая «представляет в настоящее время единственное средство, обеспечивающее максимальное извлечение хлеба». См.: Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по продовольствию за 1919–20 год. М.: Третья типография полиграфического отдела М.С.Н.Х. При Наркомпроде, 1920. С. 13–14.

сдаче зерна в рамках общины смысла нет. Важно довести задание до авторитетных представителей крестьянского сообщества, добиться их выполнения, не вмешиваться в то, как обязательства будут распределены по дворам<sup>146</sup>.

---

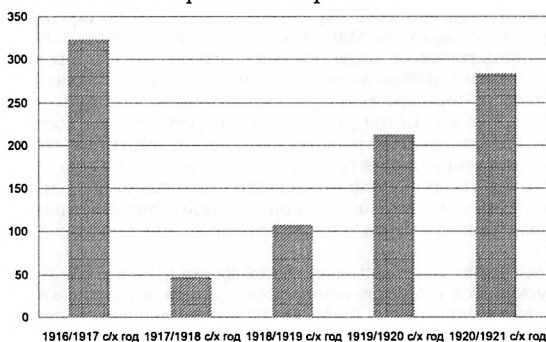
<sup>146</sup> В июле 1918 года А. Шлихтер на совещании, проведенном в Вятской губернии, предложил приблизительно определить «количество лишнего хлеба в уезде и общую сумму излишков разверстать при помощи уездного Совета крестьянских депутатов. Совет отобрал хлебные волости, а далее разверстка внутри волости определялась между селениями. Сельское же общество каждого села уже само должно было разверстать свою долю по отдельным домохозяйствам». См.: *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. С. 177; *Орлов Н.* Система продовольственных заготовок. (К оценке работ заготовительных экспедиций А.Г. Шлихтера). Тамбов: Школа Печатников Полиграфического производства, 1920. С. 12. «Советы сами стремились переложить расклад разверстки на общество, используя традиционные качества общины: во-первых, общинный разверсточный механизм, и, во-вторых, коллективную ответственность при исполнении фискальных функций. Как отмечалось в отчете Череповецкого губземотдела в октябре 1920 г., община «ныне, как и прежде, продолжает служить основой для круговой поруки в фискальных целях». См.: *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. С. 178. (Приводит данные, найденные в РГАЭ (быв. ЦГАНХ СССР). Ф. 478. Оп. 6. Д. 2010. Л. 99 об).

## § 7. Хлеб и гражданская война

В период между февралем 1917 г. и осенью 1918 г. в районах, контролируемых противостоящими друг другу силами, не было ни армии, ни органов правопорядка, ни системы административного контроля над территорией. Границы не охранялись, налоги не собирались.

С осени 1918 г. восстановление элементов государственности, в первую очередь регулярной армии, изменило ситуацию. Именно с этого времени и начинается гражданская война, противостояние армий, численность которых измеряется сотнями тысяч человек. Перипетии войны, факторы, определившие ее исход, — не предмет данной работы. Речь идет о другом, о том, как воссоздание государственности накладывается на ситуацию со снабжением городов продовольствием — ключевую экономико-политическую проблему тех лет.

Влияние различных факторов на продовольственную ситуацию было противоречивым. Усиление государства, его возможности принудительно изымать зерно у крестьян соединялось с углубляющимся экономическим кризисом. Отсюда парадоксальное сочетание выросших по сравнению с 1917/1918 сельскохозяйственным годом заготовок зерна (см. рис. 4) и сохраняющегося продовольственного кризиса в городах.



**Рис. 4.** Годовые заготовки зерна

в 1916/1917 – 1920/1921 сельскохозяйственных годах, млн пудов

Источник: Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 18.



Уже весной 1919 г. большевики убедились, что присутствие в хлебопроизводящих губерниях крупных организованных воинских формирований приводит к увеличению объема зерновых реквизиций<sup>147</sup>. Быстро растет численность продармии<sup>148</sup>. Тот факт, что части регулярной армии можно перебросить для подавления крестьянских восстаний, меняет ситуацию в деревне. Крестьяне по-прежнему уклоняются от призыва, создают «зеленые» отряды, прячут зерно, нападают на продотряды, но не могут, как в 1918 г., вооруженной силой перекрывать каналы изъятия зерна. Споры о том, почему большевики победили в гражданской войне, будут продолжаться долго. Нас интересуют причины, позволившие большевикам расширить территорию, на которой они могли проводить реквизиции зерна<sup>149</sup>.

На территориях, где не было крупных сражений гражданской войны, богатых хлебом и де-факто не контролируемых Москвой, где не было продразверстки, местные власти иногда активно проводили политику свободной торговли. Они не регулировали

<sup>147</sup> «Само собой разумеется, что эти сговоры, эти миролюбивые соглашения были бы совершенно неосуществимыми, если бы моя экспедиция не располагала вооруженной силой продовольственного отряда, имевшейся в ее распоряжении. О наличии такой силы знали крестьяне, с которыми мы вступали в договорные соглашения. Они не только знали помимо нас, но знали и потому, что мы не считали нужным скрывать перед крестьянами право пролетарского государства добывать хлеб путем организованного насилия в том случае, если крестьянство совершенно отказывается от поддержки рабочих хлебом хотя бы в тех размерах, какие устанавливались нашим миролюбивым соглашением. Было бы наивностью думать, что хлеб на государственные сыпные пункты можно было бы добывать не только тогда, еще в 1918 году, но и теперь, спустя три года нашей революции, без принудительного характера разверстки, без реальной угрозы перед крестьянином столкнуться с вооруженной силой в том случае, если он будет упорствовать в выполнении возлагаемых на него государством обязанностей». См.: *Орлов Н.* Система продовольственных заготовок. (К оценке работ заготовительных экспедиций А. Г. Шлихтера). Тамбов: Школа печатников полиграфического производства, 1920. С. V.

<sup>148</sup> Вопрос о численности продовольственной армии в 1918–1920 гг. и по сей день спорный. Имеющиеся в распоряжении исследования и источники не позволяют дать на него однозначный ответ. В большинстве случаев оценки колеблются вокруг цифры в 40 тыс. человек. См., напр.: *Стрижков Ю. К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 21.

<sup>149</sup> Некоторые исследователи считают, что именно резкое расширение контролируемой Московской территории во время 1919/1920 сельскохозяйственного года и спасло режим от катастрофы. См., напр.: *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. С. 143–167.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

цены на продукты питания, отказывались от реквизиции продовольствия, пытались облегчить товарооборот между городом и деревней. Пример – Башкирская республика в 1919–1920 гг. Ее руководство поощряло свободу торговли, сохранило крупные и средние земельные хозяйства хуторского типа, куплю-продажу земли. В июле – ноябре 1919 г. цены на пшеничную муку здесь были примерно в 20 раз ниже, чем в Москве<sup>150</sup>.

Отказ от реквизиции был возможен, если не требовалось снабжать продовольствием армию. Продовольственные реквизиции, проводимые большевиками, стали важнейшим фактором крестьянской поддержки белого движения<sup>151</sup>. В. Ленин пишет, что под влиянием проводимой политики изъятия «излишков» продовольствия «крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину»<sup>152</sup>. Но в месяцы, ставшие кульминацией гражданской войны (февраль 1919 – ноябрь 1919 г), силы, противостоящие большевикам, также не могли обойтись без изъятия продовольствия у крестьян в контролируемых белой армией районах<sup>153</sup>.

Крестьяне знали, что вместе с частями белой армии нередко приходит помещик, предъявляющий свои права на землю. Аграрные программы Колчака, Деникина, Врангеля были уме-

<sup>150</sup> Хазиев Р. А. Вольное производство и торговля на Урале периода Гражданской войны: функционирование негосударственного сектора экономики. // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: РОССПЭН, 2002. С. 490.

<sup>151</sup> Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М.: Воениздат, 1958. С. 57, 58; Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1959. С. 173.

<sup>152</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 40. М.: Изд-во политической лит-ры, 1963. С. 17.

<sup>153</sup> В своем рапорте, посвященном причинам развала армии, генерал Врангель пишет: «Беспорывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличилось еще и допущенной Командующими Армией мерой “самоснабжения” частей. Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу. Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабёж и спекуляцию... Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте – отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки...». См.: Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: Терра, Политиздат, 1991. С. 135.

ренными<sup>154</sup>. Но кто в это время в деревне читал подобные бумаги? Крестьяне в жизни видели другое<sup>155</sup>. П. Миллюков в конце 1919 г. писал: «Деникину б[ыло] необходимо захватить каменноугольный и хлебный регион. Все доставалось легко: оставалось т[олько] расширять зону, не встречая сопротивления. Он мог дойти до Москвы. Остановка движения – тогда, когда начин[алось] Махновское движение, построенное исключ[ительно] на перемене настроения крестьянства»<sup>156</sup>.

Большевики умело использовали желание крестьян закрепить за собой помещичьи земли, их недоверие к царским генералам и белому движению. Лозунг «Земля крестьянам!» стал тем политическим инструментом, позволившим большевистскому правительству склонить не доверявшее ему крестьянство к сотрудничеству. Лидеры крестьянского движения из двух зол – возвращения помещиков и угрозы большевистских реквизиций – выбрали, как им казалось, меньшее.

Результатом побед Красной Армии в конце 1919 г. стало расширение контролируемой большевистскими властями территории. Теперь она включала основные хлебопроизводящие регионы: Украину, Центральное Черноземье, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь. Власть Москвы перестала быть номинальной. Было восстановлено то, что теперь называют «вертикалью власти», контроль за ситуацией на местах. Поступавшие из столицы указания

<sup>154</sup> В докладе генерала Деникина по аграрному вопросу предполагалось, что в каждой местности «должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным». См. Декларация г. Деникина по аграрному вопросу. (23 марта – 5 апреля 1919 г.) // *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия. М.: Коммунистический Университет им. Я. М. Свердлова, 1925. С. 508. В Земельном законе Врангеля также предполагалось, что «за прежними владельцами часть их земли может быть сохранена, но размер этой части в каждой отдельном случае определяется на местах местными земельными учреждениями». См. Земельный закон Врангеля // *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.). М.: Коммунистический Университет им. Я. М. Свердлова, 1925. С. 633.

<sup>155</sup> «Неудовольствия и возмущения крестьян происходили вследствие участвовавших случаев бесплатных реквизиций, грабежей и поддержки войсками помещиков, вымещавших на крестьянах свои потери и убытки». См.: *Лукомский А. С.* Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М.: «Терра», Политиздат, 1991. С. 132.

<sup>156</sup> *Миллюков П. Н.* Дневник П. Н. Миллюкова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. С. 484.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

стали исполнять. Это позволило приблизить масштабы хлебозаготовок к уровню 1916/1917 сельскохозяйственного года<sup>157</sup>.

Но и при возросших объемах реквизиций ситуация в крупных городах, особенно столицах, продолжала оставаться тяжелой. 1 октября 1920 г. Г. Зиновьев телеграфирует В. Ленину: «Продовольственное положение в Петрокоммуне небывало катастрофическое. Нет ни зерна. У армии взяли займы все, что было можно. Несколько раз были уже перебои... Послезавтра всему городу нельзя будет выдать ничего»<sup>158</sup>. Л. Троцкий, Л. Серебряков 19 ноября сообщают: «Положение Донбасса крайне тяжелое. Рабочие голодают, одежды нет. Несмотря на революционно-советское настроение масс, стачки вспыхивают там и здесь. Приходится удивляться тому, что рабочие вообще работают»<sup>159</sup>.

Красная Армия стала инструментом, обеспечивавшим победу в гражданской войне. Но ее содержание вынуждает власти увеличить объемы хлебозаготовок. А кризис сельскохозяйственного производства продолжал углубляться. Сказывались технологические факторы, износ сельскохозяйственного инвентаря, поступление которого в деревню в эти годы практически прекратилось. Но важнее было иное. Жестко проводившаяся окрепшим государством продовольственная разверстка понуждала крестьян к сокращению посевов, к тому, чтобы не заботиться об урожайности. Этому противостояла традиция, надежда, что весь этот грабеж скоро закончится. Но когда зерно год за годом отнимают, делают это всё более жестко и организованно, происходящее сказывается на объеме сельскохозяйственного производства<sup>160</sup>.

<sup>157</sup> Правда, оценивая эти работы, нельзя забывать, что развитие событий в области продовольственного снабжения в феврале – октябре 1917 г. представлялось властям как катастрофа. См.: Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917–1921. М.: Наука, 1973. С. 31.

<sup>158</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 23. Л. 12. Цит. по: *Борисова Л. В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 78.

<sup>159</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 99. Л. 31. Цит. по: *Борисова Л. В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 78.

<sup>160</sup> О снижении объема посевных площадей и урожайности зерна в 1917–1920 гг. см.: *Борисов В. И., Чернобаев А. А.* Хлеб, война, революция. М.: Арх.-информ. агентство; Луганск: Луг. с.-х. ин-т, 1997; *Варга Е.* Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. М.: Гос. издат., 1922; *Маслов С. С.* Россия

Крестьянскому хозяйству необходим резерв зерна, позволяющий выжить в случае неурожая. Те, кто изымали зерно у села, с этим не считались. На языке властей резервы назывались «хлебными излишками». Последствия такого изъятия проявились во время не слишком урожайного 1920/1921 сельскохозяйственного года. У крестьян нередко не было семян для посева<sup>161</sup>.

Сокращались посевные площади, падал урожай зерновых. Доступная статистика не позволяет точно оценить масштабы сельскохозяйственного производства, но общая картина происходящего ясна (см. табл. 1).

Таблица 1

Год	Посевная площадь, млн десятин
1913	87,4
1916	79,2
1920	62,3
1921	54,9
1922	49,2

Источник: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987.

Сокращение объемов производства продовольствия на фоне увеличения заготовок приводит к снижению доли мясочничества в объеме продуктов питания, поступающего в города. По данным Центрального статистического управления, в июле 1919 г. семьи рабочих, привилегированная часть населения, получали по карточкам 35,7% потребляемого ими

---

после четырех лет революции: Общие социально-политические перемены. – Интеллигенция. – Крестьянство – Рабочие. – Армия. – Учащиеся. – Коммунистическая партия. Т. 2. Париж: Рус. печать, 1922; Попов П. И. Производство хлеба в РСФСР и федерирующих с нею республиках. М.: Гос. изд., 1921. С. 31, 49, 51.

<sup>161</sup> Число жертв от голода в Поволжье точно оценить на базе имеющихся документов крайне сложно. Оценки, которые приводят исследователи, колеблются в диапазоне от 1 до 4 млн человек. См.: Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. С. 38.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

хлеба, муки и крупы. В мае 1920 г. доля централизованных источников в потреблении этих продуктов возросла до 58,5%<sup>162</sup>. По оценкам С. Струмилина, в 1918 году заготовки Наркомпрода составили 108 млн пудов, самостоятельные закупки населением городов – 327 млн пудов. В 1919 году соответственно – 212 млн пудов и 244 млн пудов. В 1920 году – 347 млн пудов и 125 млн пудов<sup>163</sup>. Усиление власти, повышение действенности заградительных отрядов ограничивали поток продовольствия, поступающего в города по каналам мешочничества. К осени 1919 г. цены на хлеб в Москве примерно в 30 раз выше, чем в Поволжье<sup>164</sup>.

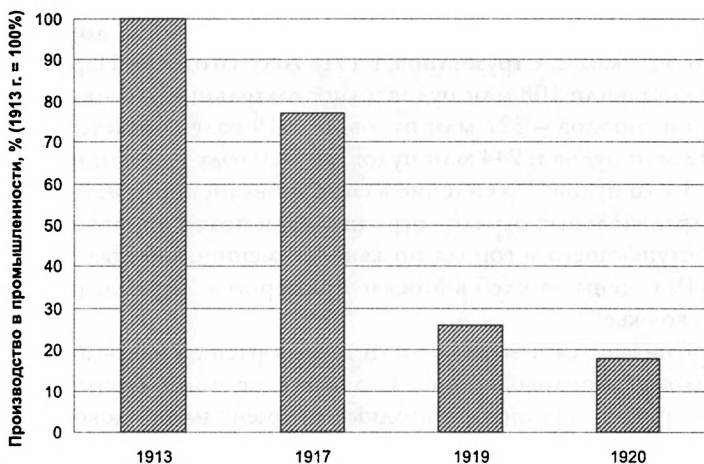
Снижаются и возможности города расплачиваться за необходимое продовольствие. Городская промышленность стоит (см. рис. 5). Ресурсы, пригодные к обмену на продовольственные товары, накопленные до революции для снабжения армии, исчерпаны. Городские товары личного потребления, представляющие интерес для деревни, подошли к концу<sup>165</sup>.

<sup>162</sup> *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 288–289.

<sup>163</sup> *Струмилин С. Г.* На плановом фронте. 1920–1930 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 33

<sup>164</sup> *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. С. 160.

<sup>165</sup> К сказанному следует добавить по поводу существующего в некоторых кругах мнения относительно будто бы имевшего место чуть ли не обогащения русской деревни за счет городского населения, обменивавшего свое достояние на продовольственные продукты – что это обогащение чистейшая иллюзия. Богатство деревни заключается не в серебряной ложке, рояле, трюмо, граммофоне и разных городских побрякушках, а в рабочем скоте, в с.-хозяйственных орудиях, телеге, сбруе, шине и – подкове, гвоздях, дегте, керосине и т. п. предметах крестьянского обихода, в которых деревня ощущает ныне острый недостаток. В деревне теперь развилась чесотка из-за отсутствия мыла, деревня третью зиму провела при лучине, деревне не во что одеться из-за отсутствия тканей, в деревне нет ни чая, ни сахара, ни соли – при таких обстоятельствах говорить об обогащении деревни как будто не приходится. См.: *Ракетов А.* Очерк экономического и финансового положения современной России. Ревель: Изд-во Акц. общ. «Варрак», 1921. С. 59



**Рис. 5.** Промышленное производство в Российской империи и РСФСР в 1913–1920 гг., % (1913 г. – 100)

Источник: *Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. С. 472.

Снабжение городов продовольствием и топливом ограничивается кризисом транспортной системы. Количество исправных паровозов с 16–17 тыс. в довоенный период сократилось к июлю 1920 г. до 7,6 тыс., парк исправных товарных вагонов – с 450 тыс. до 300 тыс.<sup>166</sup>. Положение в угольной промышленности делает невозможным нормальное снабжение транспорта топливом. Нередко зерно, изъятое у крестьян, не удавалось доставить в город из-за паралича транспортной системы.

<sup>166</sup> *Виноградов В. В.* Хлебные маршруты // Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–1922 гг. / Сост. А. С. Изюмов. М.: Советская Россия, 1972. С. 94.

## § 8. Постреволюционная стабилизация

К концу гражданской войны и деревня, и город недовольны своим положением. Деревня – потому что из нее все в больших масштабах безвозмездно изымается продовольствие, рушатся крестьянские хозяйства. Город – потому что по карточкам продовольствия выдают мало, цены на рынке запредельно высокие<sup>167</sup>. Из-за недостатка топлива, дезорганизации хозяйственных связей стоят заводы, у людей нет работы. Ни деревня, ни город не готовы поддерживать власть, не сумевшую разрешить противоречия между городом и деревней после краха старого режима.

Пока гражданская война продолжалась, можно было убеждать людей в том, что эти проблемы временные: когда война закончится, жизнь наладится. В 1919–1920 гг. именно это – стержень пропаганды большевиков.

К В. Ленину как историческому персонажу можно относиться по-разному. Но вряд ли кто-либо скажет, что он ничего не понимал в борьбе за власть. Его слова, сказанные весной 1921 г.: «... мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые...»<sup>168</sup> свидетельствуют о трезвой оценке опасности, с которой в это время столкнулся большевистский режим.

Только отказ от ключевых элементов проводившейся экономической политики – продразверстки, монополии хлебной тор-

---

<sup>167</sup> Контраст между завышенными ожиданиями и реальным развитием событий создал для новой власти серьезную угрозу и в городе, и в деревне. 24 февраля 1921 г. Ленин, выступая на собрании партийного актива г. Москвы, говорил о том, что кулацкие восстания «происходят как раз в тех районах, из которых мы берем хлеб». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. М.: Изд-во политической лит-ры, 1963. С. 349. «Начиная с 1918 г. на предприятиях легкой промышленности заработная плата помимо денежной части выплачивалась натурой, продукцией данного предприятия. И хотя с самого начала отраслевые профсоюзы в отличие от заводских комитетов высказывались против таких выдач, но подобная практика получала все большее распространение. Натурализация оплаты была выгодна как органам ВСНХ, так в еще большей степени рабочим, менявшим мыло, спички, сигареты и т. п. товары первой необходимости на продукты. Поэтому на прекращение таких выдач рабочие отвечали решительными действиями, вплоть до захвата продукции». Борисова Л. В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 77.

<sup>168</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Изд-во политической лит-ры, 1963. С. 24.



говли, твердых цен, административного ограничения торгового оборота – позволил большевикам переломить ситуацию, сохранить власть.

Восстановление нормальной жизни происходит не сразу. В 1921–1922 гг. неблагоприятные погодные условия, наложившиеся на многолетнюю практику реквизиции зерна, привели к массовому голоду<sup>169</sup>. Лишь урожай 1922 г., обусловленный воссозданием стимулов к сельскохозяйственному производству, хорошей погодой, позволил нормализовать продовольственную ситуацию в стране.

Восстановление рыночного оборота требовало устойчивых денег. Финансовая и денежная системы страны были расстроены. Высокая инфляция, перешедшая в 1921 г. в гиперинфляцию, осложнила решение этой задачи. Меры, направленные на стабилизацию государственного бюджета, создание новой системы мобилизации доходов позволили создать условия для проведения денежной реформы, ввести в оборот золотой червонец.

В 1922 г. были приняты меры, направленные на упорядочение земельных отношений, прекращение переделов земли<sup>170</sup>. Не все крестьяне встретили их с энтузиазмом. Проблемы, порождавшие постоянные переделы земли в 1917–1921 гг., не исчезли<sup>171</sup>. Но окрепшая власть могла навязать деревне свою волю.

<sup>169</sup> Fisher H. H. *Famine in Soviet Russia, 1919–1922*. N.Y.: Macmillan, 1927; Serbyn R. *The Famine of 1921–1923: A Model for 1932–1933?* // Serbyn R., Krawchenko B. (eds.) *Famine in Ukraine, 1932–1933*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986.

<sup>170</sup> Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 73.

<sup>171</sup> Из крестьянских писем того времени: «В конце декабря месяца прошлого 1921 года был Всероссийский съезд Советов, участником которого мне пришлось быть и даже присутствовать в комиссии по разработке Законопроекта по Земельному вопросу, который был принят съездом единогласно и где ни слова не говорилось о признании какого-то ни было права собственности на землю. Но вот через полтора месяца вновь в Москве собирается съезд под громогласным названием Съезд землеустроителей, который под убаюкиванием товарища Месяцева\*\* засыпает в Москве и выносит постановление о признании частной собственности на землю\*\*\*, который постановляет не проводить никакого коренного землеустройства, а прикрепить то, что у кого есть, причем крестьянские наделные купчие никаким переделам не подлежат)... «Всего больше беднейшее крестьянство ожидало социализации как библейской небесной манны. Вместо манны не дала бы революция бедняку одни только раны. На съезде землеустроителей большинство съезда во главе с Месяцевым и профессором Рудным отрицают уравнительность, а стоят за немедленное

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

К концу 1922 г. кризис, порожденный крахом институтов царского режима, был преодолен, государство в новых границах восстановлено. Оно имело армию, функционирующие органы правопорядка, систему власти, позволяющую контролировать территорию, мобилизовать государственные доходы, удовлетворительный бюджетный баланс, устойчивую валюту. Кризис продовольственного снабжения городов ушел в прошлое. Вместе с ним был разрешен и острый конфликт между городом и деревней. В 1922/1923 хозяйственном году были созданы предпосылки для динамичного экономического роста, темпы которого удивляли многих исследователей советской экономики<sup>172</sup>.

В конце 1922 г. большевистская власть, подводя итог шестилетнему периоду хаоса, завершила оформление новой государственности, создала Союз Советских Социалистических Республик.

Вслед за нормализацией положения в сельском хозяйстве с началом промышленного роста выросли доходы населения. Ушли в прошлое карточки, товарный дефицит, гиперинфляция. Появилась устойчивая валюта. Страна, вышедшая из гражданской войны, постепенно восстанавливала свои позиции на международной арене, ее судьба перестала определяться решениями других держав.

Разительный контраст этого с ужасом, пережитым в предшествующие годы, часть общества связывала с новой властью. Это обеспечивало ей если не любовь и поддержку, то, по меньшей мере, лояльность населения. Многие из тех, кто был недоволен изменениями, происшедшими после 1917 г., эмигрировали или были убиты на полях гражданской войны. Крестьяне, составляющие подавляющее большинство населения страны, добились воплощения своих чаяний: крупные помещичьи хозяйства были ликвидированы, земля поделена, продразверстка отменена.

---

закрепление за всеми селениями и обществами того количества земли, которое к данному времени находится в их пользовании». См. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 73, 75–76.

<sup>172</sup> Граман В. Г. Хозяйственное положение СССР. (Статистико-экономический очерк). М.: ВСНХ Изд-во «Вся Россия» при «Торгово-промышленной газете», 1924. С. 6.

Окрепшая большевистская власть вновь объявит войну разоруженной деревне лишь в 1928–1929 гг. Она ее выиграет, проведет новое закрепощение крестьянства. Результаты этого будут иметь серьезные последствия для долгосрочных перспектив развития нашей страны. Они станут причиной глубокого экономического кризиса, в котором СССР окажется в конце восьмидесятых годов, именно они приведут к его распаду в 1991 г.<sup>173</sup>

Старый, существовавший на протяжении 300 лет после Смутного времени порядок рухнул за три дня. Чтобы создать новый, потребовалось несколько лет. Эти годы вместили в себя гражданскую войну, голод, упадок сельскохозяйственного производства, расстройство транспорта, остановку промышленности, сокращение численности населения крупных городов<sup>174</sup>, гиперинфляцию, утрату денежных сбережений<sup>175</sup>, рост преступности.

Крушение в течение нескольких дней режима, опирающегося на давние традиции, вызывает у свидетелей ощущение нереальности. Такое происходило в Смутное время, в февральские дни 1917 г. в Петрограде. Чтобы восстановить функционирующее государство, нормальную хозяйственную жизнь, в начале XVII в. потребовалось 8 лет, в начале XX в. – 6 лет. Это были тяжелые годы для России.

Советский Союз просуществовал 69 лет. В начале августа 1991 г., как и в феврале 1917 г., мало кто мог себе представить, что органы власти сверхдержавы, обладающей крупнейшей в мире армией, жесткой тайной полицией, мощным пропагандистским аппаратом, могут рухнуть в течение нескольких дней, последовавших за 19 августа 1991 г.

<sup>173</sup> Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 131–205.

<sup>174</sup> Например, с 1917 по 1920 г. численность населения Петербурга сократилось на 51,5%, Москвы на 44,5%. См.: Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России. Ревель: Изд-во Акц. общ. «Варрак», 1921. С. 48.

<sup>175</sup> Ошибочно думать, что до революции 1917 г. сбережения имели только городские состоятельные слои общества. После столыпинской реформы объемы крестьянских сбережений быстро росли. «К началу 1914 года в сберегательных кассах на депозитных счетах находилось 1,55 млрд рублей. За период с июля 1914 года до октября 1917-го эта сумма выросла еще на 5 млрд рублей, причем, по данным авторитетных источников, 60–70% этой суммы было положено в банк крестьянами». См.: Назаров И. В. // Новая жизнь. 1918. 24 марта. № 50 (265). С. 1.

## Глава II. Русская революция: жизнь без государства

Россия 1917 г. и Советский Союз 1991 г. по своей экономико-социальной структуре, урбанизации, образованию населения, структуре занятости – разные страны. Но они, как и Франция 1789 г. и Россия 1605 г. – централизованные государства, в которых власть выполняет важные для организации жизни общества функции. Безвластие, деинституализация общества в годы смут и революций порождают сходные проблемы, имеющие общие причины. Какие из них встали перед Россией при крахе Советского Союза, каков был набор вариантов их решения – предмет следующей главы.

**ΓΛΑΦΑ ΙΙΙ**  
**Κραx CCCC**

Есть много работ, в которых обсуждаются причины краха Советского Союза. Свою версию автор изложил в книге «Гибель империи – уроки для современной России».

Здесь речь пойдет об ином – о последствиях крушения советского государства. Как и в случае с русской революцией начала XX века, этому событию предшествовали обстоятельства, которые должны были вызвать тревогу руководства СССР: обострение ситуации на потребительском рынке, дефицит зерна, исчерпание валютных резервов, неплатежеспособность страны, невозможность для СССР получить коммерческие кредиты, межнациональные конфликты.

Но утром 18 августа 1991 года никто не предполагал, что через три дня премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ, руководитель ВПК окажутся за тюремной решеткой, министр внутренних дел и руководитель управления делами правящей партии покончат жизнь самоубийством. Что к утру 22 августа действующей власти в СССР вдруг не будет, как её не было в России 28 февраля 1917 года.

У кого 22 августа 1991 года в руках оказалась власть? У Президента РФ Б. Ельцина, который имеет массовую поддержку в России, но у которого нет оснований претендовать на контроль над тремя военными округами, расположенными на территории Украины? У Съезда народных депутатов России, который по Конституции имел право принять к рассмотрению и решить любой вопрос по собственному усмотрению, но не пользовался поддержкой, сопоставимой с поддержкой Ельцина? У союзных властей, которые дискредитировали себя провалившимся путем? Их приказу применить силу не подчинился бы ни один полк.

## § 1. Безвластие

22 августа 1991 года ликование в Москве было массовым. Люди радовались, что коммунистический режим пал. Сегодня в обществе ностальгия по советскому прошлому. В те дни люди надеялись, что с крахом «развитого социализма» закончатся годы несвободы, дефицита, всевластия партийной номенклатуры. На Лубянской площади в центре Москвы собралась толпа. Она отличалась от той, что двумя днями раньше пришла защищать Белый дом. 20 августа 1991 года надежды, что удастся избежать кровавой бойни, подобной той, которая произошла двумя годами ранее на площади Тянь Ань Мэнь в Пекине, было мало. Тем не менее после объявления пугачистами военного положения и комендантского часа десятки тысяч людей пришли к Белому дому, чтобы умереть или победить.

22 августа на Лубянской площади царило иное настроение, с другими настроениями. Люди пришли не умирать за свободу, а праздновать свержение ненавистного режима. В условиях рухнувшей власти, при отсутствии дееспособных силовых структур такая толпа опасна. Подобные толпы в феврале 1917 года громили Охранное отделение, жгли Министерство внутренних дел, Судебную палату, убивали городских.

В тот день угроза того, что подобное повторится, была реальной. Когда десятки, возможно, сотни тысяч людей собрались на площади, в зданиях КГБ раздавали гранаты, готовили к бою счетверенные пулеметы. Те, кто там находился, историю событий 27–28 февраля в Петрограде знали. При удачной провокации кровавая каша была гарантирована.

Один из участников событий, А. Яковлев, описывает происходившее так: «В бурные дни августа 1991 года я выступал на митинге на Лубянке. Психологически это были необыкновенные дни. Толпа на Лубянке была огромная. Что бы я ни сказал, толпа ревела, гремела аплодисментами. Кожей ощутил, что наступает критическая минута. Задай я только вопрос, вроде того, а почему, мол, друзья мои, никто не аплодирует в здании за моей спиной и, мол, любопытно, что они там делают, – случилось бы непоправи-

мое. И как только эта мысль пришла в голову, спина похолодела, я понял, что взвинченных и готовых к любому действию людей надо уводить с площади, и как можно скорее. Быстро спустился вниз и пошел в сторону Манежной площади. Меня подняли на руки, я барахтался – наверное, до этого только мать держала меня на руках да еще медицинские сестры в госпитале во время войны – и так несли до поворота на Тверскую. Милиция была в растерянности, увидев массу людей, заполнившую улицу. Меня проводили до здания Моссовета. До сих пор уверен, что, не уведи я людей с площади именно в тот момент, трагедия была бы неминуема. Толпа ринулась бы громять здание КГБ»<sup>1</sup>.

Угрозу массового насилия удалось отвести. Служащим ЦК КПСС пришлось покинуть свои кабинеты, но их никто не избивал и, тем более, не убивал. Разительный контраст происходившего с тем, что случилось после краха царского режима. Сказалось стремление тех, кого слушалась толпа, не допустить кровавого исхода, избежать развития событий по сценарию 1917–1922 годов.

В дни пугча, опираясь на исторический опыт, можно было предполагать, что при крахе территориально-интегрированной советской империи большая кровь неизбежна. Почему развитие событий пошло по иному пути – вопрос, отвечая на который можно выдвигать более или менее убедительные гипотезы. Думаю, что важными факторами были уровень образования, степень урбанизации, то, что крах режима не наложился на большую войну, когда основными участниками событий становятся массы вооруженных людей. Сказалось и иное. Два ключевых участника процесса принятия решений, Б. Ельцин и М. Горбачев, не хотели насилия. Но, если после краха старого режима выбираешь линию на ограничение насилия, надо трезво оценивать последствия такого решения.

Первое, что произошло после крушения коммунистического режима, стержнем которого были КПСС и КГБ, – объявление бывших союзных республик о своей независимости. В этом нет ничего неожиданного. Такое право предоставляла им советская Конституция. В своё время лозунг о праве наций на самоопреде-

---

<sup>1</sup> Яковлев А. Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. В 2 кн. Кн. первая. М.: Вagrius, 2001. С. 132, 133.



ление, вплоть до отделения, помог большевикам выиграть гражданскую войну, удержать власть. Это был лозунг, не более того. В. Ленин понимал, что пока у него нет боеспособной армии, именно об этом и надо говорить. Когда будет армия, о праве наций можно забыть. Неготовность руководства белого движения принять ту же логику, пожертвовать целостностью империи во имя успеха в гражданской войне стала, по мнению многих историков, одной из причин их поражения<sup>2</sup>.

24 августа 1991 года провозгласила свою независимость Украина, тогда же Россия признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии. 27 августа заявила о суверенитете Молдавия, 30 августа – Азербайджан, затем Армения, Узбекистан и Киргизия<sup>3</sup>. Горбачев и руководители союзных республик заявили, что в создавшейся ситуации продолжение работы союзных органов власти невозможно.

Съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске<sup>4</sup>. У него не было иного выхода. За ним не было ни силы, ни легитимности, как не было их за Государственной Думой после отречения Николая II. Возникла ситуация, которую человеку, прожившему жизнь в стабильном обществе, понять трудно. Начиненная ядерным оружием территориально интегрированная империя развалилась в считанные дни. В ней не стало работающих государственных институтов.

И, прежде всего, – развал союзной армии. При крахе политических империй именно она оказывается наиболее уязвимым

<sup>2</sup> «Обещание Польши о невмешательстве сослужило бесценную службу Красной Армии, которой перед этим пришлось выставить против нее третий по величине контингент войск: оно позволило Москве перебросить с Западного фронта 43 000 человек на борьбу с Деникиным. [...] Впоследствии Пилсудский хвалился через своего представителя, что намеренное бездействие его войск при Мозыре решило, по всей вероятности, исход гражданской войны». См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. М.: Мысль, 1991. С. 178–179. См. также: *Пайнс Р. Русская революция*. В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005. С. 120.

<sup>3</sup> Известия. 26 августа – 2 сентября 1991. № 202–204, 207–209.

<sup>4</sup> «2 сентября от имени президента СССР и лидеров десяти союзных республик (Азербайджана, Армении, Бело-руссии, Казахстана, Киргизии, России, Узбекистана, Украины, Таджикистана и Туркмении) президент Казахстана Назарбаев огласил заявление: распустить Союз и на паритетных началах сформировать структуры переходного периода. От съезда требовалось одно: подтвердить конституционный акт, определяющий структуру переходных органов союзной власти – и мирно самораспуститься». См.: *Соколов М. Союз развалился республик свободных... // Коммерсант. 09.09.1991. № 36.*

институтом. Это хорошо известно по опыту разложения австро-венгерской армии в 1918 году. То, что правительство Австро-Венгрии дало оружие в руки миллионам крестьян разных национальностей, не всегда лояльных власти, отправило их на годы в окопы, не убедив в необходимости войны, сделало сохранение империи неразрешимой задачей. Поражение, крушение старого порядка, территориальная дезинтеграция – взаимосвязанные процессы. Картина анархии, порождаемой крахом территориально интегрированных империй, известная нам по книгам и фильмам о гражданской войне в России, отнюдь не российская специфика. Вот как описывает один из современников реалии, связанные с крахом австро-венгерской империи: «Зеленые компании (банды дезертиров) превратились в банды грабителей. Села, замки и станции брали штурмом и грабили, железнодорожные пути уничтожали, поезда держали в очереди, чтобы их ограбить. Полиция и вооруженные силы присоединялись к грабителям или были бессильны противостоять им. Вновь обретенная свобода вставала в дыму сожженных домов и сел»<sup>5</sup>. То, что армия Австро-Венгрии полиэтническая, а ее части, не являющиеся австрийскими и венгерскими, не готовы сражаться за империю, стало важнейшим аргументом в пользу решения о капитуляции.

Вернемся к августу 1991 года. После провала путча председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук пригласил командующих трех расположенных на Украине военных округов и объявил, что отныне они должны подчиняться приказам украинских властей<sup>6</sup>. Однако Министерство обороны СССР было по-прежнему уверено, что они должны выполнять его приказы. По-

<sup>5</sup> *Glaise-Horstenau E. The Collapse of the Austro-Hungarian Empire. L.; Toronto: J.M. Dent and Sont Ltd, New York: E.P. Dutton and Co. Inc., 1930. P. 270, 280, 281, 312.*

<sup>6</sup> «Обстановка, в которой предстоит формирование Вооруженных Сил Украины, пестрая, хаотичная и крайне политизированная. На недавней встрече с Л. Кравчуком командующие всех трех военных округов и Черно-морского флота с пониманием отнеслись к постановлению Верховного Совета республики о переподчинении военных формирований, расположенных на территории Украины, парламенту. Но одно дело юрисдикция, и совсем другое – прямое или совместное управление. Постоянная комиссия Верховного Совета Украины по во-просам обороны и государственной безопасности завалена телеграммами как от отдельных офицеров, так и от полков и дивизий с просьбой подвести их под присягу на верность независимой Украине, стать стержнем ее новых Вооруженных Сил. Появились случаи самовольного возвращения на Украину военнослужащих из частей, расположенных в дру-

добное происходило и во многих других союзных республиках, объявивших о своей независимости<sup>7</sup>. Чьи приказы в таком случае будут выполнять военные? Ответ очевиден – ничьи. У них найдутся аргументы, позволяющие объяснить, что приказ вообще выполнить нельзя.

Острой стала проблема этнического состава Вооруженных Сил. Республики, провозгласившие независимость, взявшие курс на формирование своих армий, одна за другой принимали решения о том, что их призывники должны служить в собственной стране. Но превращение Вооруженных Сил в более или менее моноэтнические формирования не происходит в течение недели или месяца. Множество русских, узбеков, казахов служило на Украине, много украинцев – в России. Это были и солдаты, и офицеры.

Для кадровых военных такое положение создавало непростые проблемы. В стране, где они служили, которая вдруг стала независимой, у них было жилье или шансы его получить. Но как к тебе, чужому, теперь здесь будут относиться? Какие шансы продолжить карьеру? В республике, откуда ты родом, жилья нет, и когда будет – неизвестно. Перспективы карьеры неясны, что делать – непонятно. Когда люди в военной форме сталкиваются с подобными вопросами, им не до выполнения приказов новых гражданских начальников.

События в Чечне в ноябре 1991 года наглядно подтвердили отсутствие на территории СССР боеспособных частей. Это живо напомнило реалии весны 1917 – осени 1918 года<sup>8</sup>. 5 ноября 1991 года газета «Известия» сообщила, что президент Чеченской Респу-

---

гих республиках». См.: Цикора С. Украина создает свою армию // Известия. № 211, 04.09.1991.

<sup>7</sup> «Конечно, поспешность понятна. Идет суверенизация союзных республик. Практически каждая из них пре-тендует на свою долю Вооруженных Сил. Украина, Казахстан, еще вчера голосовавшие за превращение своей территории в безъядерную зону, сегодня решением политического руководства республик запрещают какую-либо передислокацию войск и боевой техники за пределы своих границ, а значит, собираются утвердить и свое право на стратегические наступательные силы и ядерные арсеналы. На Украине усиливаются попытки «приватизировать» явочным порядком три военных округа со всей их боевой инфраструктурой, а также основные силы Черноморского флота. Похожие законопроекты готовятся в Азербайджане Грузии, Армении, Молдове...». См.: Очиров В. Можно приватизировать все, кроме армии // Известия. № 248. 17.10.1991.

<sup>8</sup> Хроника вооруженного конфликта. Предыстория. 1990–1994 / Сост. А. В. Черкасов и О. П. Орлов. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi/LTOG-TOC.HTM>

блики Д. Дудаев издал указ о государственном суверенитете республики. Парламент Чеченской республики принял постановление о создании национальной гвардии. Части российского ОМОНа заняли здание телевидения в Грозном, но 5 ноября во второй половине дня отряды национальной гвардии Чечни вынудили омоновцев покинуть здание. 8 ноября 1991 года Б. Ельцин подписал Указ «О введении в Чечено-Ингушетию чрезвычайного положения». Его реализация провалилась. Приземлившиеся на аэродроме в Ханкале самолеты со спецназом были блокированы сторонниками чеченской независимости. 10 ноября 1991 года исполком ОКЧН<sup>9</sup> принял решение порвать отношения с Россией и превратить Москву в «зону бедствия». 11 ноября сессия Верховного Совета РСФСР отказалась утвердить Указ Президента РФ «О введении в Чечено-Ингушетию чрезвычайного положения». Круг замкнулся.

В те дни офицеры и генералы в интервью журналистам заявляли, что не готовы выполнять приказы, с содержанием которых не согласны<sup>10</sup>. Общую атмосферу в армии того времени иллюстрируют два тезиса из выступлений участников армейского собрания в январе 1992 года: «армию не удастся втянуть в политические игры» и «терпение людей в погонах имеет предел»<sup>11</sup>. Прочитав их, нетрудно понять, что армии у государства нет. Есть вооруженные люди, озбоченные своими проблемами. Их поведением трудно управлять.

Происходившее в то время в правоохранительных органах документировать труднее. Вынужден опираться на собственные оценки. Правоохранительная система стандартно реагирует на крах старого режима – она перестает работать.

Сотрудников спецслужб с новыми властями не связывала традиция лояльности. Никто не знал, какими будут результаты политической борьбы. В такой ситуации органы, сформированные на

---

<sup>9</sup> ОКЧН – Общенациональный конгресс чеченского народа.

<sup>10</sup> «В постановлении Всеокружного офицерского собрания, которое состоялось в ноябре в Риге, есть и такие слова: “Мы, военные люди, всегда рассматривали приказ как закон. Приказ же о нашем выводе, расформировании, реорганизации без гарантированного социального обеспечения будет расцениваться как преступный”. Это оставит нам “моральное право не выполнять его”...» См.: Бурбыга Н. Комментарий военного корреспондента «Известий» // Известия. № 277. 21.11.1991.

<sup>11</sup> Бурбыга Н., Литовкин В. Офицерское собрание настаивает на единстве вооруженных сил // Известия. № 15. 18.01.1992.

базе бывшего КГБ, перестали делиться с властью осмысленной информацией. Органы внутренних дел формально продолжали выполнять указания гражданского руководства, но милиция с улиц исчезла. Это следствие системного кризиса власти.

Отсутствием в стране армии и органов правопорядка дело не ограничилось. У страны нет охраняемых границ, нет таможи. Украинские власти после краха августовского путча переподчинили себе пограничные войска, дислоцированные на территории Украины<sup>12</sup>. То же сделали Литва, Эстония, Латвия, где расположены крупнейшие балтийские порты. Чтобы обустроить границу с Украиной и балтийскими странами, создать дееспособную пограничную и таможенную службы, были нужны многие месяцы.

Если нет боеспособной армии, действующих правоохранительных служб, пограничного контроля, центр перестает контролировать ситуацию на местах. Не только союзные республики заявили о своей независимости, но и автономные республики в составе Российской Федерации требовали суверенных прав, принимали конституции, противоречащие Конституции РСФСР, объявляли себя независимыми государствами, ассоциированными с Российской Федерацией<sup>13</sup>.

Решения, противоречащие российскому законодательству, выносили и власти российских регионов, не являющихся автономными республиками. Наиболее распространенным стал запрет на вывоз продовольствия. Сходство происходившего с тем, что было описано в предшествующей главе, очевидно и не случайно.

Страна столкнулась с проблемой, характерной для периодов деинституционализации. Институты старого режима рушатся за один день. На создание новых требуются месяцы и годы. Приходилось принимать как данность, что устойчивой денежной системы в стране нет и в ближайшее время не будет.

<sup>12</sup> «Из реальных соединений Украина на сегодня имеет лишь пограничные войска, переведенные под ее юрис-дикцию постановлением Верховного совета Украины». См.: Цикора С. Украина создает вооруженные силы // Известия. № 253. 23.10.1991.

<sup>13</sup> Парламент Республики Татарстан 24 октября 1991 г. проголосовал за Постановление «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан», в котором Кабинету министров предлагалось рассмотреть все последствия объявления независимости и провести референдум граждан по вопросу о государственном статусе РТ. См.: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990–1995. Казань, 1996.

### § 2. Разойтись миром

Сегодня вновь стали модными дискуссии о том, можно ли было сохранить Советский Союз после августовского путча 1991 года. Этому посвящено немало работ<sup>14</sup>. Факты, жесткие экономические реалии того времени убеждают, что пытаться сохранить Советский Союз было можно, но сохранить было нельзя. Слишком противоречивыми были интересы стран, объявивших свою независимость после фактического развала Советского Союза. Слишком острыми и неотложными были проблемы, вставшие перед Россией. Они не оставляли возможности поиска в течение многих месяцев консенсуса бывших союзных республик по вопросам экономической политики<sup>15</sup>.

<sup>14</sup> «Путч окончательно убедил республики, что опаснее всего было бы оставаться в одной лодке с Москвой, раздираемой противоречиями и не способной ни на что решиться. Украина, которая на мартовском референдуме проголосовала за сохранение Союза, а на декабрьском – за независимость, яснее всего показала, что после путча мы оказались в другой стране. Можно предположить, что некоторые шансы сохранить Союз возникли бы, если бы Горбачев признал свое бессилие после путча и нашел какую-то форму передачи всесоюзной власти Ельцину. Но это предположение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку такая попытка не была предпринята. Случилось то, что случилось, и последней заслугой Горбачева перед страной стал его мирный уход с поста президента СССР». См.: *Лацис О.* Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 393; см. также: Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995.

<sup>15</sup> Из стенограммы встречи глав правительств СНГ 24 декабря 1991 г. «К. И. Масик (первый вице-премьер Украины. – Е.Г.): Поэтому я настоятельно обращаюсь, Егор Тимурович заявил мне о том, что Россия не может несколько отодвинуть процесс либерализации цен и ее объявляют со 2-го числа, я настоятельно обращаюсь к своим коллегам с просьбой рекомендовать главам наших правительств в Минске отодвинуть хотя бы на две недели, что позволит, во-первых, провести нам эти решения через парламенты, потому что все ценообразование у нас решает парламент республики, мы не имеем права, правительство, делать шагов, и любое, чтобы я сказал «да» или «нет», без парламента я не имею права голоса на это. И принять меры, связанные с поиском своих путей для республики решения аспектов защиты населения. То есть то, что мы говорили, я просил при разговоре с премьером дать республикам люфт в тех товарах, которые являются сегодня наиболее актуальными и важными, жизнеобеспечивающими ту или другую республику(...). Г. Г. Арутюнян (премьер-министр Армении. – Е.Г.): У нас такое мнение, что давайте себе отдадим отчет в следующем. Предприятия прячут товары. И ущерб, тем более что знают насчет повышения цен, ущерб будет катастрофический. На рынок, я не знаю, у нас, например, в республике ничего не идет. У нас тоже масса нерешенных вопросов.

Мы считаем, что чем раньше – тем лучше. Другое дело, что нужно сидеть и договариваться, решать все эти вопросы с наличностью и т.д. Это быстренько мы должны сделать.

Важнейшим решением, принятым Россией осенью 1991 года, было то, что она не может и не хочет силой сохранять контроль над постсоветским пространством. Российское руководство прагматично повторяло ленинский тезис о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, пыталось при этом сформировать институты государственности самой России, сохранить ее целостность. Все это напоминает то, что делали большевики в 1918 году.

При выборе такой стратегии возникают непростые вопросы. Один из них – о границах новых государственных образований, бывших ранее республиками СССР. В условиях тоталитарного режима вопрос о границах между союзными республиками не имел значения. Их можно было не фиксировать. Пограничной стражи на внутренних границах республик не было. Нередко границы регламентировались соглашениями, заключаемыми на уровне сельских советов. После краха империи вопрос о демаркации границ приобрел особое значение.

В тот год за границами России оказалось больше 20 млн россиян, никогда не предполагавших, что они станут чужими там, где прожили многие годы. Проблема 3 млн немцев, из привилегированной элиты превратившихся в национальное меньшинство в Чехословакии, не стала причиной Второй мировой войны, но была одним из поводов к ней. На постсоветском пространстве речь шла не о 3 млн.

Российское руководство в конце 1991 года могло разыграть политическую карту, связанную с проблемами русскоязычных меньшинств в бывших союзных республиках, несправедливостью границ, установленных союзным руководством. Популярность на этом заработать было не трудно. Симптомы возможности разви-

---

У меня лично такое впечатление, что уже не та пора, чтобы играть, так сказать, на популистские, ссылаться на парламенты и т. д. Все это понятно. Но давайте отдадим себе отчет – нет отгрузок, ничего друг другу не продают, все останавливается. Ежедневный ущерб – это огромный ущерб, который наносится экономике и т. д. Я боюсь, что до 15-го мы просто не вытянем, погибнем все.

Е. Т. Гайдар: Я могу только согласиться с позицией Армении в этом вопросе. Для России больше нет возможности, маневры исчерпаны. Мы сделали все». См.: Стенограмма рабочей встречи глав правительств Содружества Независимых Государств 24 декабря 1991. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5386. 24.12.1991. Л. 54, 55, 59, 60.

тия событий по такому сценарию в конце августа 1991 года были. Пресс-секретарь Б. Ельцина П. Вощанов 26 августа 1991 года заявил о возможности пересмотра границ России и тех республик (исключая Литву, Латвию и Эстонию), которые не подпишут Союзный договор. Это вызвало болезненную реакцию у руководителей Казахстана и Украины. Они восприняли это заявление как шантаж. В Киеве митинговали. Обычно сдержанный Н. Назарбаев телеграфировал Б. Ельцину, что «в Казахстане начал набирать силу общественный протест, его последствия непредсказуемы»<sup>16</sup>.

Почему на заявление П. Вощанова так отреагировали в Киеве и Алма-Ате, понять не трудно. «Раздражение Кравчука и Назарбаева объясняется тем, что кроме шантажа они усмотрели в демарше Ельцина и грубое вероломство. Всего за десять дней до пограничного демарша, 17 августа, в Алма-Ате Ельцин осудил планы группы “Союз” пересмотреть российско-казахстанскую границу и – что касается Украины – на веки вечные отрекся от претензий на Крым»<sup>17</sup>. Так недолго было начать разговор об обмене ядерными ударами. «Московские новости» писали: «Из источника, заслуживающего абсолютного доверия, “МН” стало известно, что на прошлой неделе в кулуарах российского правительства обсуждался вопрос о возможности обмена ядерными ударами между независимой Украиной и РСФСР». Б. Н. Ельцин опроверг это сообщение: «Абсурд совершенный. Технически – я рассмотрел этот вопрос с военными – это абсолютно невозможно». В «Независимой газете» был опубликован комментарий первого вице-премьера Украины К. Масика: «Если дошло до того, что запугивают превентивным ядерным ударом Украину, страдающую от Чернобыля, то можно ли это назвать отношениями между цивилизованными странами? Нас хотят напугать, сделать послушными, какими мы были 73 года, когда подписывали все, что нам подсовывали». «Независимая газета» вынесла это на первую полосу под заголовком «Ельцин обсуждал с военными возможность ядерного удара по Украине...»<sup>18</sup>.

---

<sup>16</sup> Соколов М. Судьба Союза: «N+0» или «9-9» // Коммерсант. 02.09.1991. № 35.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Кондрашов С. Утки с ядерными боеголовками // Известия. № 254. 24.10.1991.



Все это напоминало развитие событий по югославскому сценарию, который тогда разворачивался: агрессивная риторика лидеров республик, столь выгодная во внутренней политике, ответная риторика соседей, а дальше – кровь, война. Чудо, что этого не случилось на территории бывшего СССР.

Почему так произошло? Думаю, что сказались личные убеждения Б. Ельцина, который не хотел войны, наличие на территории распавшейся сверхдержавы ядерного оружия, в том числе тактического. Понимание того, что игры с переделами границ несут угрозу стране и миру, было немаловажным в процессе принятия решений.

Суть того, о чем договорились 8 декабря в Беловежской пуще, а потом 21 декабря в Алма-Ате, проста: мы признаем факт распада Советского Союза, не предъявляем друг другу территориальных претензий, ядерное оружие будет вывезено на территорию России. Остальное – детали.

### § 3. Угроза голода

На все проблемы, связанные с распадом Советского Союза, наложилась еще одна – в стране был катастрофический дефицит продовольствия, в первую очередь зерна. Это было ясно и до августовского путча<sup>19</sup>. После его провала проблемы дефицита зерна обострились. Это можно понять. Система заготовок продовольствия, сформировавшаяся в конце 20-х – начале 30-х годов, была основана не на заинтересованности производителей, а на принуждении – на жестких репрессивных мерах к тем, кто не выполнил задание по заготовкам. Чтобы так заготавливать зерно, нужен действенный механизм принуждения. После 21 августа 1991 года такого механизма не стало, что и сказалось на падении заготовок. По ключевому для жизни страны вопросу российские власти оказались примерно в том же положении, что и Временное правительство после февральских событий 1917 года.

Председателю Совета Министров РСФСР сообщали: «По состоянию на 2 сентября т. г. колхозами и совхозами продано 16,3 млн тонн зерна или на 11 млн тонн меньше, чем в 1990 году»<sup>20</sup>. Первый заместитель министра хлебопродуктов А. Куделя

<sup>19</sup> «В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, животноводства – концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуются около 8 млн тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с. г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта. Уже сегодня крайне тревожное положение с обеспеченностью мукой. При необходимых нормативных ее запасах в 30 дней в Азербайджанской ССР и Армянской ССР они составляют 6 дней, Грузинской ССР – 7, Таджикской ССР – 8, ССР Молдова и Киргизской ССР – 9 дней. Менее чем на 10 суток запасы муки в г. Москве, Ивановской, Тульской, Нижегородской, Тюменской, Свердловской, Читинской, Камчатской и некоторых других областях. Не решают хлебную проблему поступления зерна по импорту. В январе – марте с. г. завезено импортного зерна только 3,7 млн тонн при намечавшихся поставках 12,4 млн тонн. Неоднократные поручения руководства страны по усилению отгрузки товарного зерна из Казахской ССР, а также ускорению поставок его по импорту ошутимого влияния на изменение ситуации не оказали». См.: Акулинин В. (Отдел агропромышленных отраслей) тов. Павлову В. С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, животноводства – концентрированными кормами. 18.03.1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.

<sup>20</sup> Чешинский Л. С. (министр заготовок РСФСР) и Кулик Г. В. (министр сельского хозяйства РСФСР) Сялаву И. С. (Председателю Совета Министров РСФСР). Архив ЦБ. Д. 4802. 10.09.1991. Л. 112.

писал: «9 октября с. г. руководство Министерства обратилось в Прокуратуру РСФСР об оказании органами прокуратуры помощи в применении мер ответственности за невыполнение обязательств по продаже зерна в ресурсы государства. К сожалению, на сегодня лишь прокуратуры 3 территорий, отозвались на нашу просьбу»<sup>21</sup>.

Напрашивается выход – закупить зерно за границей. Именно это собирались сделать сформированные после августовских событий власти. Постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР указывает: «принять срочные меры по закупкам в сентябре – декабре 1991 года за границей продовольственных товаров и сырья для их производства в соответствии с заданиями, установленными на текущий год»<sup>22</sup>.

Но валютные резервы исчерпаны. На коммерческих условиях в долг не дают. Из Морфлота в Экспортхлеб телеграфировали: «Пароходство принципе готово приступить перевозкам зерна из Канады для РСФСР [...] Однако главным препятствием перевозкам остается задолженность по фрахту за перевезенное начала года зерно для РСФСР сумме 26 млн инв рублей, которая до сих пор пароходству не оплачена, на данный момент нет ответа кто, когда, каким образом ее погасит»<sup>23</sup>. Председатель комитета по хлебопродуктам сообщал правительству: «Вынуждены обратиться к Вам также в связи с критической ситуацией, сложившейся в результате задержки в оплате фрахта иностранным и советским судовладельцам. В течение 1991 года платежи за доставку зерна в страну осуществлялись с большими задержками, что приводило к отказам судовладельцев от дальнейшего сотрудничества, арестам судов и, соответственно, к дополнительным расходам советской стороны, связанным с судебными издержками, и по-

<sup>21</sup> Постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31 августа 1991 г. № 4 «О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием».

<sup>22</sup> Куделя А. Д. Аграрному комитету Верховного Совета РСФСР. О предварительных итогах выполнения распоряжения Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина и Председателя Совета Министров РСФСР И. С. Силаева от 8.07.1991 г. № 1554-1 «О дополнительных мерах по формированию Государственных хлебных и других ресурсов в 1991 году». ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9152. 19.12.1991. Л. 242.

<sup>23</sup> Миськов (Морфлот) Климову (Экспортхлеб). Телеграмма. ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9136. 22.11.1991. Л. 91.

вышению ставок фрахта. После выделения решением ВЭС Российской Федерации 31,0 млн долл. США общая задолженность по фрахту на 10.02.92 г. составила 172,2 млн долл. США...»<sup>24</sup>.

Если нет армии, работающих правоохранительных органов, границ и контроля за ситуацией на местах, нет дееспособной судебной системы, устойчивого денежного обращения, валютных резервов, ключевым вопросом для любого разумного человека, причастного к принятию решений, становится не то, как обустроить счастливую жизнь, а как предотвратить гуманитарную катастрофу. Опросы общественного мнения осенью 1991 года показывали, что большая часть общества ожидала дальнейшего ухудшения ситуации в стране (см. табл. 1).

Таблица 1

Вопрос: «Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, они позади или еще впереди», в % к числу опрошенных

Варианты ответов	Август 1991	Сентябрь 1991	Ноябрь 1991
Переживаем сейчас	25	21	21
Они уже позади	6	6	3
Они еще впереди	56	63	69
Затруднились ответить	12	10	7

Источник: Шпилько С. П., Хахулина . I. А., Курпьянова З. В., Бодрова В. В и др. Оценка населением социально-экономической ситуации в стране (по результатам социологических опросов 1991 г.). Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 5.

Наиболее пессимистично было настроено население России. Здесь доля считавших, что самые трудные времена впереди, достигала 79% опрошенных.

На вопрос: «Каково Ваше отношение к переменам, происходящим сейчас в стране?» в середине октября 1991 года более половины опрошенных ответили, что «нужны более быстрые, решительные изменения», и только каждый четвертый – «действовать нужно более осторожно, осмотрительно». Остальные затруднились ответить.

<sup>24</sup> Чепинский Л. С. (Председатель комитета по хлебопродуктам) Гайдару Е. Т. (зам. Председателя Правительства РФ). Архив ЦБ. Д. 5088. 27.11.1991. Л. 169.

Таблица 2

Вопрос: «Поддерживаете Вы или не поддерживаете следующие меры российского руководства», в % к числу опрошенных:

Меры российского руководства	Поддерживают	Не поддерживают	Затруднились ответить
Ускоренная приватизация (передача в частные руки) жилья	64	17	19
Ускоренная приватизация (передача в частные руки) государственных предприятий	44	34	22
Разрешение свободной купли и продажи земли	54	30	16
Переход к свободным рыночным ценам (либерализация цен)	26	56	18

Источник: Шпилько С. П., Хахулина - И. А., Курпьянова З. В., Бодрова В. В. и др. Оценка населением социально-экономической ситуации в стране (по результатам социологических опросов 1991 г.). Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 8.

К решению вопроса о либерализации цен руководство России подошло в своеобразной ситуации, важнейшие черты которой состояли в следующем:

- отрицание значительной частью населения идеи введения свободных цен,
- недоверие к любым мерам по социальной защите и поддержанию жизненного уровня,
- ожидание голода,
- рост недовольства.

Опрос, проведенный в ноябре 1991 года, показал, что более половины россиян не поддерживает переход к свободным рыночным ценам, лишь четверть одобряет эту меру. Только 9% граждан – участников опроса ждут улучшения положения. Характерные чер-

ты потребительского поведения населения – ажиотажный спрос, бегство от денег<sup>25</sup>.

К. Маркс писал, что история повторяется дважды: один раз как трагедия, другой как фарс. К сожалению, он был не прав: она может повторяться и как трагедия. Ситуация со снабжением городов продовольствием в 1991 году напоминает трагические реалии 1917 года. Из Новгорода сообщали: «Фонды муки на второе полугодие выделены на 6500 тонн меньше фактического расхода прошлого года. Все это вынудило ввести повсеместно нормированный (карточный) отпуск хлеба населению, из расчета 400 граммов на душу населения»<sup>26</sup>. Ю. Лужков в ноябре 1991 года докладывал: «Правительство Москвы доводит до Вашего сведения, что снабжение населения продовольственными товарами продолжает оставаться критическим... Из-за недостаточности ресурсов в объеме 40 тыс. тонн и прекращения отгрузки масла животного с Украины, Эстонии, Латвии и Молдовы торговля им осуществляется периодически, остатки масла животного отсутствуют. По союзному контракту закуплено по импорту 20 тыс. тонн масла животного. Необходимо весь закупленный объем направить в Москву... В январе 1992 г. Москва может остаться без продовольствия»<sup>27</sup>. Информация из Читинской области: «Выделено муки по 260 г на человека. Это ниже нормы военного времени, ситуация с обеспечением хлебом критическая»<sup>28</sup>.

Разница между 1917 и 1991 годами была в духе времени. В 1917 году в мире доминировало представление, что усиление влияния государства на экономическую жизнь – благо. Базой таких убеждений были социальные проблемы, порожденные нача-

---

<sup>25</sup> Штилько С. П., Хахулина Л. А., Куприянова З. В., Бодрова В. В. и др. Оценка населением социально-экономической ситуации в стране (по результатам социологических опросов 1991 г.). Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 5, 7, 8, 17, 48, 51, 54.

<sup>26</sup> Гражданкин Н. И. (Председатель исполкома Новгородского областного Совета народных депутатов) Кулику Г. В. (зам. Председателя Совета Министров РСФСР). ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9134. 10.09.1991. Л. 239.

<sup>27</sup> Лужков Ю. М. (премьер правительства Москвы) Бурбулису Г.Э. (первый зам. Председателя Правительства РСФСР). ГАРФ. Ф. 410 Оп. 1. Д. 4818. 22.11.1991. Л. 197–198.

<sup>28</sup> Тихоньких В. (председатель Балейского районного Совета народных депутатов) Ельцину Б. Н. (Президент РСФСР) и Силаеву И. С. (Председатель Совета Министров РСФСР). ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9134. 09.08.1991. Л. 320.

лом современного экономического роста, индустриализацией. В благотворность прямого государственного регулирования в начале XX века верили все: эксперты, высокопоставленные чиновники, политики. Без учета этого трудно понять, почему царское правительство, Временное правительство, правительство большевиков с разной степенью эффективности и жестокости проводили продовольственную политику, в основе которой лежало принудительное изъятие зерна у крестьян по ценам, не соответствующим условиям рынка.

На этом интеллектуальном фоне идея В. Ленина о походе в деревню за хлебом с пулеметами не представлялась чем-то экзотическим. Он лишь доводил до логического завершения то, о чем думали квалифицированные специалисты того времени по продовольственному делу.

Осенью 1991 года, когда Россия столкнулась со схожими проблемами продовольственного снабжения городов, с угрозой голода, интеллектуальная атмосфера в мире была иной. Убеждение в благотворности государственного регулирования экономики перестало быть символом веры. В России убеждение в том, что государственные органы способны эффективно решать проблемы, встающие перед страной в условиях кризиса, была подорвана 70-летним всевластием государства. Идея, что, столкнувшись с дефицитом зерна, можно добыть его, посылая вооруженные отряды в богатые хлебом регионы, правительство всерьез не обсуждало. Хлеб крупным городам был необходим. Конфисковать его невозможно. Валюты, чтобы его купить за рубежом, нет<sup>29</sup>. Остается одно: получить продовольствие, заплатив цену, которая будет приемлема для его производителей. Собственно, в этом суть ли-

<sup>29</sup> Например, в Пояснительной записке к проекту Главных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на II полугодие 1991 г. сообщалось: «В 1991 году продолжается резкое ухудшение валютного положения страны. Непрерывный рост внешнего долга СССР, внутренние экономические и политические трудности приводят к усиливающемуся недоверию наших внешнеэкономических партнеров к платежеспособности СССР. Это недоверие проявляется в ухудшении условий займов, предоставляемых западными кредиторами, в сокращении этими кредиторами лимитов задолженности на СССР». См.: Герашенко В. В. премьер-министру Павлову В. С. Проект Постановления Верховного Совета СССР «О главных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на II полугодие 1991 года». 08.05.1991 г. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 4005. Л. 102.

берализации цен, путь, подобный тому, которым пошел В. Ленин в 1921 году, когда столкнулся с угрозой потери власти.

Как и тогда, сама по себе либерализация цен в 1991 году не давала гарантий решения проблемы снабжения городов продовольствием. Ключевым был вопрос: будет ли село продавать городу зерно за ненадежные, обесценивающиеся рубли? Именно от этого зависело, повторится ли катастрофический сценарий событий времен русской революции начала XX века.

Осенью 1991 года российские власти приняли решение не посылать продотряды в деревню, а формировать свободный рынок продовольствия, не имея гарантий, что денежное предложение удастся удержать под контролем, инфляция не достигнет уровня, при котором производители зерна откажутся продавать хлеб городу.

В октябре 1991 года мы предполагали, что можно отложить либерализацию цен до середины 1992 года, а к тому времени создать рычаги контроля над денежным обращением в России. Через несколько дней после начала работы в правительстве, ознакомившись с картиной продовольственного снабжения крупных российских городов, был вынужден признать, что отсрочка либерализации до июля 1992 года невозможна<sup>30</sup>. В этом случае к лету 1992 года мы окажемся примерно там же, где были большевики летом 1918-го. Оставалась единственно возможная линия в экономической политике, дающая шансы на предотвращение катастрофы, — либерализация цен, сокращение подконтрольных государству расходов, скорейшее отделение денежной системы России от денежных систем других постсоветских государств. Речь шла о развитии событий в ядерной державе, стабильность которой во многом зависела от того, что будет происходить с продовольственным снабжением городов. Решение было одним из самых рискованных в мировой истории.

<sup>30</sup> «Как показывают расчеты, для обеспечения бесперебойного снабжения республики хлебом и животноводства комбикормами до нового урожая в государственных ресурсах недостает 29 млн тонн зерна. На 1 января без семян в ресурсах будет 4 млн тонн при месячной потребности 4,3 млн тонн зерна (на эту дату в прошлом году было 17 млн тонн)». См.: Чешинский Л. С. (Председатель комитета) Гайдару Е. Т. (первый зам. Председателя Правительства РСФСР). ГАРФ. Ф. 527. Оп. 7. Д. 9135. 25.11.1991. Л. 371.



Годы спустя, когда пришлось обсуждать эту ситуацию на экономическом семинаре, которым руководил один из основателей Чикагской экономической школы профессор А. Харбергер (там были его ученики, работавшие министрами финансов, председателями центральных банков многих стран мира), на вопрос, что, на взгляд столь опытных людей, в этой ситуации надо было делать, министр финансов одной крупной страны ответил: «Застрелиться. Остальные решения хуже».

Застрелиться можно. К сожалению, это не решит проблем. Кому-то придется решать те же проблемы, чтобы избежать катастрофы. Ни в одной работе, посвященной экономической теории, не написано, как действовать в подобной ситуации.

Материалы первого заседания российского правительства, сформированного в ноябре 1991 года, наглядно показывают, что в те дни никто не знал, как решить неразрешимую задачу. Отсюда колебания относительно того, когда и как либерализовать цены, как это сочетать с обеспечением контроля над денежным обращением. Было лишь понятно, что страна оказалась в экстремальной ситуации. Заместитель премьера РФ А. Шохин на заседании правительства 15 ноября 1991 года говорил: «Опыт других стран, осуществляющих такие реформы, показывает, что если нам удалось бы примерно на две трети удержать уровень жизни в зависимости от роста цен, то это было бы идеальным вариантом»<sup>31</sup>.

Отставив идею посылки продотрядов в деревню, правительство могло принять лишь одно решение: ввести рыночные цены на продовольствие. Как показал опыт 1917–1921 годов, если свободной торговле не мешать, то даже при дезорганизации денежного обращения есть шансы, что снабжение городов будет удовлетворительным. Получится ли это на практике – знать не мог никто, но другого выхода не было. Надежда, что рынок заработает, была мотивом принятия решения о либерализации цен 2 января 1992 года.

То, что это решение будет непопулярным, понимали практически все. Это подтвердил опрос, проведенный ВЦИОМ в январе –

<sup>31</sup> Стенограмма заседания правительства РСФСР 15 ноября 1991 г. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5383. 15.11.1991. Л. 15–17.

феврале 1992 года (см. табл. 3). Но это решение спасло страну. Отметим, что союзное руководство, столкнувшись с экономическим кризисом, обладая армией, КГБ, возглавляя многомиллионную партию, не решилось пойти на либерализацию цен. Оно предпочло закрыть глаза и надеяться, что ситуация разрешится сама собой.

Таблица 3

Вопрос: «Поддерживаете ли Вы мероприятия правительства России по переходу к свободным рыночным ценам (либерализацию цен)», % к числу ответивших

Варианты ответов	Январь–февраль 1992
Скорее да	18,3
Скорее нет	61,2
Затрудняюсь ответить	20,4

Источник: Исследование: Омнибус ВЦИОМ 1991–14 (Сельская Новь – 2). 24.01.1992 – 20.02.1992.

Либерализация цен в условиях финансового кризиса, при наличии у населения массы денежных сбережений, накопленных в условиях фиксированных цен и тотального дефицита, приводит к резкому повышению уровня цен. Естественно, такая мера не может быть популярной. Но будет ли массовым насильственным протест? Как это скажется на ситуации в стране, где нет работающих силовых структур? Ответа и на этот вопрос не знал никто.

Российское общество оказалось более зрелым, чем многие полагали. Повышение цен, последовавшее за их либерализацией, мало кому понравилось. Однако люди, понимавшие, что угроза голода реальна, отнеслись к этому без восторга, но с пониманием. Массовых проявлений протеста, тем более – насильственных, на протяжении первых месяцев после либерализации цен не было<sup>32</sup>.

<sup>32</sup> За истекшие сутки групповых нарушений общественного порядка и других чрезвычайных происшествий, связанных с либерализацией цен, не зарегистрировано. См.: Первый заместитель министра внутренних дел Ерин В. Ф. об обстановке в РФ в связи с либерализацией цен в Аппарат Президента РФ, Верховный Совет РФ (Шумейко В.Ф.), Правительство РФ. 07.01.1992 г. Личный архив Е. Т. Гайдара; «По сообщениям, полученным из республик, краев и областей России, групповых нарушений общественного порядка в связи с либерализацией цен не зарегистрировано». См.: Ерин В. Ф. (первый зам. министра внутренних дел) об обстановке в РФ в связи

Насыщение потребительского рынка товарами произошло не сразу. Когда принимались ключевые решения, связанные с либерализации цен, не было уверенности, что они приведут к наполнению рынка, был риск, что в условиях слабого рубля люди могут отказаться продавать продовольствие и при свободных ценах. Именно поэтому правительство ввело ежедневную отчетность о состоянии потребительского рынка.

Накануне либерализации цен провел беседу с ведущими российскими предпринимателями. Они объясняли мне: если товаров нет, отпустите вы цены или нет, товары на прилавках не появятся. Полагал, что это не так. И действительно, либерализация цен привела к насыщению рынка товарами. Из результатов выборочных обследований обстановки на местах: «В связи с ростом цен в некоторых городах замедлилась реализация мяса, мясопродуктов, масла, молока. Так, если 8 января с. г. в г. Екатеринбурге было трудно купить масло животное по цене 140 рублей за кг, то 15 января оно лежало в магазинах по цене 193 рубля. Аналогичная ситуация с маслом животным в г. Омске (соответственно 96 руб. и 177 руб. за кг), Благовещенске (25 руб. и 151 руб.), Йошкар-Оле (140 руб. и 164 руб.); с мясом в г. Новгороде (59 руб. и 109 руб.). [...] По сообщению работников торговли, в г. Саратове из-за высокого уровня цен резко замедлилась реализация масла животного по цене 148 рублей за килограмм (в магазине № 64 Ленинского района за 4 дня был продан всего 1 кг масла, в магазине № 32 Октябрьского района за 12 дней – 10 кг), кур – от 27 до 44 рублей, мяса – от 50 до 57 рублей, колбасы – от 92 руб. 70 коп. и выше»<sup>33</sup>.

По данным проведенного 8–14 января 1992 года во всех столицах республик в составе Российской Федерации, административных центрах краев и областей наблюдения за конъюнктурой торговли, масло растительное отсутствовало в продаже в день обследования в 72% из них, мясо – в 67%, сахар, масло животное

---

с либерализацией цен в Правительство РФ. №1/27 от 08.01.1992 г. Личный архив Е.Т. Гайдара.

<sup>33</sup> Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). О результатах выборочных обследований обстановки на местах по некоторым острым вопросам. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 21.01.1992. Л. 1.

– в 54–55%; цельномолочная продукция реализовывалась при наличии очередей – в 62%, хлеб продавался с перебоями – в 47%. Более стабильным было снабжение населения картофелем и овощами (в 64–65% городов они имелись в свободной продаже)<sup>34</sup>.

Таблица 4

*Число столиц республик в составе РФ, административных центров, краев и областей, где товар можно было бы купить 8–14 января 1992 года*

Товар	Все- го	в том числе:		
		свободно без очереди	при наличии очередей	по та- лонам
Говядина	25	19	4	2
Масло животное	34	12	8	5
Яйца	49	36	3	10

Источник: Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). О результатах выборочных обследований обстановки на местах по некоторым острым вопросам. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 21.01.1992. Л. 2.

«Из территорий Российской Федерации с ограниченными возможностями развития сельскохозяйственного производства в наихудшем положении оказались жители Екатеринбурга, Читы, Петрозаводска, Владивостока, Хабаровска, Улан-Удэ, Иваново, где в продаже отсутствовали или реализовывались при наличии очередей мясо, животное и растительное масло, сахар, цельномолочная продукция»<sup>35</sup>.

Проведенные наблюдения за состоянием потребительского рынка 20–24 января 1992 г. в столицах республик в составе Российской Федерации и административных центрах краев и областей показали следующее положение дел с обеспечением населения основными продуктами питания – см. табл. 5.

<sup>34</sup> Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). О результатах выборочных обследований обстановки на местах по некоторым острым вопросам. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 21.01.1992. Л. 2.

<sup>35</sup> Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). О результатах выборочных обследований обстановки на местах по некоторым острым вопросам. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 21.01.1992. Л. 3.

Таблица 5

Число городов, в которых в день обследования можно было купить продукты

Продукты	Свободно без очереди	При наличии очереди	По талонам	Отсутствовали в продаже
Мясо	26	4	6	40
Цельномолочная продукция	23	42	-	11
Масло животное	30	7	10	29
Масло растительное	1	7	15	53
Яйца	51	2	6	17
Сахар	1	9	25	41
Хлеб	17	22	13	24
Картофель	48	3	-	25
Овощи	58	1	-	17

Источник: Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). Об обстановке на местах (результаты выборочных обследований по некоторым острым вопросам). ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Л. 695а. 28.01.1992. Л. 17.

«По сообщениям, полученным из столиц республик, входящих в Российскую Федерацию, административных центров краев и областей, за последнюю неделю уменьшилась доля городов, где не было в продаже мяса (с 67% до 54%), животного масла (с 54% до 36%), сахара (с 55% до 53%) и с перебоями реализовывалась цельномолочная продукция (с 62% до 53%), хлеб (с 47% до 41%), основные виды овощей (с 35% до 22%). Осталась прежней

(64%) доля городов, где можно купить без очередей картофель»<sup>36</sup>. Обследование протоварных магазинов государственной торговли на 29 января 1992 г. показало, что началось постепенное наполнение потребительской корзины товарами.

О политической обстановке. Согласно полученной от статистических органов информации, за последнюю неделю января массовых нарушений общественного порядка и серьезных происшествий, вызванных либерализацией цен, не произошло<sup>37</sup>.

---

<sup>36</sup> Гужвин П. Ф. (председатель Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). Об обстановке на местах (результаты выборочных обследований по некоторым острым вопросам). ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 28.01.1992. Л. 20.

<sup>37</sup> Захаров А. П. (первый зам. председателя Государственного Комитета РФ по статистике) Шумейко В. Ф. (Верховный Совет РФ). Об обстановке на местах (результаты выборочных обследований по некоторым острым вопросам). ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 695а. 4.02.1992. Л. 33–35, 37.

## § 4. Денежное обращение: тяжкое наследие СССР

Новейшая история России во многом связана с тем, что правительству пришлось делать в первой половине 1992 года. Проводимая в это время политика была опасной, но необходимой. Большинство россиян не понимали этого, да и не обязаны были понимать. Они не осознавали, что предпосылки краха советской экономики были заложены еще в конце 1920-х – начале 1930-х годов при выборе сталинской модели индустриализации. Что к середине 1980-х годов советская экономика зависела от конъюнктуры мирового нефтяного рынка, контролировать который органы власти СССР не могли. Что после четырехкратного падения цен на нефть в конце 1985 – начале 1986 года крах Советского Союза был неизбежен. Что к концу 1991 года он стал банкротом и полностью зависел от импортных закупок зерна.

Россияне знали другое: в стране начались реформы, цены выросли, реальная заработная плата и пенсии снизились, вклады обесценились. Они не читали закрытые документы советского правительства, в которых, в частности, говорилось следующее.

«За последние годы состояние денежного обращения страны серьезно ухудшилось. Начиная с 1988 года возрастал разрыв между доходами и расходами населения, что привело к значительному увеличению выпуска денег в обращение:

	1986	1987	1988	1989	1990	1991 10 мес.
Эмиссия денег, млрд рублей, включая остатки касс банков и предприятий	3,9	5,9	11,7	18,3	28,4	93,4

Расчеты показывают, что при сохранении сложившихся тенденций роста денежной массы в обращении она составит 130–140 млрд рублей против 28 млрд рублей в прошлом году. Это повлечет за собой [...] ухудшение ситуации в денежном обращении, фактическое ухудшение потребительского рынка.

Одним из определяющих факторов этого [...] процесса явилось резкое увеличение денежных доходов населения в условиях падения объемов производства и производительности труда. За 1 квартал т. г. по сравнению с первым кварталом 1990 года денежные расходы населения возросли на 40 млрд рублей (26 процентов), за второй квартал т. г. их рост составил 95 млрд рублей (63 процента), а за третий квартал они возросли на 187 млрд рублей, или в 2,2 раза.

[...]

Опережающий рост доходов населения по сравнению с ростом товарооборота [...] вел к снижению товарного наполнения рубля. Физический объем розничного товарооборота за девять месяцев т. г. сократился против соответствующего периода прошлого года на 12 процентов при увеличении розничных цен почти в 1,7 раза. Дефицитными стали, по существу, все виды товаров.

[...]

Справочно: прирост доходов населения (в млрд рублей)

1985 г.	14,0
1986 г.	15,1
1987 г.	17,3
1988 г.	41,5
1989 г.	64,5
1990 г.	94,0
1991 г. (оценка)	570–590

В целом за текущий год выплаты заработной платы рабочим и служащим достигнут 660 млрд рублей, что в 1,7 раза больше уровня 1990 года.

[...]

Соотношение денежных накоплений населения (средств во вкладах, в облигациях, наличных деньгах) с наличием товарных запасов в торговле и промышленности в последние годы систематически снижалось.



	(На конец года в млрд рублей)				
	1970	1980	1985	1990	1 окт. 1991
Денежные средства населения (вклады, наличные бумаги, ценные бумаги)	73	228	320	568	865
Товарные запасы в торговле и промышленности	45	67	98	72	124
Товарные запасы на 1 рубль денежных средств (коп.)	0,62	0,29	0,30	0,13	0,14

По условиям учета запасы товаров определяются наличием их в продаже на начало дня. Учитывая, что большая часть товаров постепенно распродается, практически можно считать, что рубль не имеет на сегодня товарного обеспечения.

[...]

	1986	1987	1988	1989	1990	1991 11 м-в
Выпущено в обращение (млрд руб.)	1,4	3,1	6,2	10,4	19,0	69,1
В % к пред. году	127,3	221,4	200,0	167,7	182,7	363,7

[...]

При этом следует учесть, что из-за отсутствия наличных денег в банках на начало 1992 года удовлетворены требования предприятий и организаций на наличные деньги для выплаты заработной платы в сумме около 12 млрд рублей»<sup>38</sup>.

В других документах приводились данные по вынужденным сбережениям граждан: «Вклады населения в учреждениях сберегательных банков с начала года возросли на 115 миллиардов рублей, в том числе в I квартале – на 26,2 миллиарда рублей, во II квартале – на 14,1 миллиарда рублей, в III квартале на 51,4 миллиарда рублей (включая причисленные компенсации, не превышающие 200 рублей, на сумму 30,8 миллиарда рублей), в октябре – ноябре на 23,3 миллиарда рублей. За одиннадцать месяцев прошлого года

<sup>38</sup> Раевский В. А. (заместитель министра финансов СССР) Государственному совету. Об эмиссии денег и о состоянии Союзного бюджета. Архив ЦБ. Д. 4809. 18.11.1991. Л. 24–26, 30.

### Глава III. КРАХ СССР

вклады увеличились на 25,7 миллиарда рублей, в том числе в октябре – ноябре – на 4,5 миллиарда рублей. Сумма вкладов в учреждениях сберегательных банков на 1 декабря с. г. составила 496,4 миллиарда рублей, а с учетом компенсаций, зачисленных на специальные счета, – 622,1 миллиарда рублей (данные по СССР. – Е. Г.).

	на 1 января 1991 г	Сумма вкладов на 1 декабря 1991 г. (млн руб.)		Привлечено во вклады в январе – ноябре 1991 г.		Сумма вкладов на 1 декабря 1991 г. в % к сумме вкладов на 1 января 1991 г.	
		Включая компенсации на специальных счетах	Без компенсации на специальных счетах	включая компенсации на специальных счетах	без компенсации на специальных счетах	включая компенсации на специальных счетах	Без компенсации на специальных счетах
РСФСР	216396,3	353993,0	282562,3	137596,7	66166,0	163,6	130,6

Превышение доходов населения над потребительскими расходами, обязательными платежами и добровольными взносами составило 227,6 миллиарда рублей (22% от доходов) против 58,1 миллиарда рублей (10%) в январе – ноябре прошлого года, в том числе в ноябре – соответственно 27,6 миллиарда рублей (21%) и 8,6 миллиарда рублей (15% от доходов). Таким образом, в текущем периоде примерно каждый четвертый-пятый полученный рубль доходов оставался у населения в виде дополнительных вкладов и наличных денег, в то время как за соответствующий период прошлого года – каждый десятый рубль»<sup>39</sup>.

<sup>39</sup> О работе народного хозяйства в январе – ноябре 1991 года. М.: Госкомстат СССР. 16 декабря 1991.

## §5. Импорт инфляции

События 1991 года от реалий 1917–1918 годов отличал кризис советской банковской системы. Банковская система России в начале XX века была похожа на двухуровневые банковские системы других рыночных экономик того времени. Она включала Центральный банк и коммерческие банки, чью деятельность он регулировал. Крах российской империи породил множество проблем в денежном обращении, привел к появлению конкурирующих бумажных валют. Но происходившее тогда в банковской системе качественно отличалось от того, что случилось в 1991–1993 годах на постсоветском пространстве.

Советская банковская система была построена по принципу межфилиального оборота. Не имело значения – сколько, кому, какой из филиалов Госбанка СССР должен, есть ли у него деньги для совершения той или иной операции. Необходимые средства поступали из других филиалов. Такая система работала, пока руководство СССР могло жестко контролировать административно выстроенную банковскую систему. Центральный банк Украины не мог без согласования с Москвой принять решение, связанное с денежной политикой. Когда жесткий политический контроль исчез, ничто не помешало центральным банкам республик без согласования с Москвой выдавать кредиты своим правительствам или предприятиям.

Эта самодеятельность в денежной политике начала проявляться уже в 1990 году. После краха союзной власти она стала нормой. Денежная политика независимых государств была рациональной. Если имперская система контроля над союзным рублевым обращением развалилась, а новой нет, то с точки зрения интересов своей республики невыгодно сдерживать денежное предложение. Напротив, надо не отстать от соседей в наращивании денежной массы, пытаться перераспределить в свою пользу часть сеньоража. К чему такая политика может привести, известно из опыта гиперинфляции в Австрии и Венгрии, последовавшей за крахом Австро-Венгерской империи<sup>40</sup>.

---

<sup>40</sup> *Dornbusch R.* Post-communist Monetary Problems: Lessons From The End of the Austro-Hungarian Empire. San Francisco, California: Press, Institute for Contemporary Studies, 1994.

У стран, доля которых в денежном обращении бывшей империи минимальна, стимулы к денежной эмиссии наиболее высокие. Они могут экспортировать инфляцию соседям. Положение России, доля которой в ВВП всех бывших советских республик в 1991–1993 годах превышала 60%, было сложным. Наша страна в то время не могла регулировать масштабы безналичной денежной эмиссии в бывших союзных республиках, была вынуждена импортировать инфляцию. Чтобы решить эту проблему, России надо было изменить систему банковских расчетов, перевести центральные банки новых независимых стран на корреспондентские счета, ввести в наличный и безналичный оборот собственный российский рубль. Сделать примерно то, что сделало руководство Чехословакии после краха Австро-Венгерской империи. Для этого было нужно время.

Из ответа В. Соловова, тогда заместителя председателя Центробанка РСФСР, Ф. Лукашова (народному депутату РФ): «В связи с Вашим запросом на имя Вице-премьера Правительства Российской Федерации Шумейко В.Ф. по просьбе последнего Центральный банк Российской Федерации сообщает, что со стороны компетентных органов Российской Федерации каких-либо разрешений на проведение Украиной широкомасштабной эмиссии рублей не давалось. После того, как Центральному банку Российской Федерации стало известно о кредитной эмиссии, проведенной национальным банком Украины, были предприняты соответствующие меры по защите интересов денежной системы России от последствий такой эмиссии, в частности, с 1 июля был введен режим межбанковских расчетов, не допускающий неограниченного выпуска рублей, эмитированных на Украине, на счета в банках Российской Федерации»<sup>41</sup>.

19 июля 1992 года после очередной украинской кредитной эмиссии Центральный банк России опубликовал заявление. В нем было сказано, что вопреки принятому порядку центральные банки стран СНГ принимают односторонние решения, наносящие ущерб интересам Российской Федерации. В частности, стало известно, что «Национальный банк Украины, имея многомиллиард-

---

<sup>41</sup> Соловов В. (зам. председателя Центробанка РСФСР) Лукашову Ф. П. (народному депутату РФ). Архив ЦБ. Д. 5136. 20.10.1992. Л. 40.

ную задолженность перед Центральным банком России, принял решение о выдаче кредита предприятиям Украины в размере более 300 миллиардов рублей. В результате российские предприятия в обмен на поставляемую продукцию будут получать «пустые бумажки». Эмитируются огромные средства, которые в ближайшее время вольются в хозяйство Российской Федерации. Экономика России подвергнется мощному инфляционному удару, сводящему на нет принимаемые в России стабилизационные меры. В этой ситуации Центральный банк России счел необходимым обратиться в Верховный Совет Российской Федерации с предложением рассмотреть создавшееся критическое положение и до урегулирования данной проблемы объявлять такие национальные банки неплатежеспособными с введением жестких ограничений на поставку товаров российскими предприятиями в эти государства. Ранее Центробанком на места уже была разослана телеграмма, рекомендующая предприятиям ввести такие ограничения для Украины»<sup>42</sup>.

Для России критически важным было не сохранение единого рублевого пространства с бывшими союзными республиками, а то, чтобы рубль на ее территории работал, чтобы колхозы и совхозы были готовы продавать за него зерно. Проблема обособления денежного обращения, введения национальных валют была ключевой для понимания особенностей развития на постсоветском пространстве на начальном этапе реформ.

К концу июня 1992 года Центральному банку России удалось отладить систему расчетов, позволявших в ежедневном режиме регулировать денежные операции с государствами, входящими в единую рублевую зону. Темпы месячной инфляции снизились с 245% в январе 1992 года до 19% – в июне 1992 года<sup>43</sup>. Валютный курс рубля повысился с 230 рубль/доллар в январе 1992 года до 112 – в июне 1992 года<sup>44</sup>. Можно было полагать, что ключевые проблемы дезинфляции, создания предпосылок финансовой и денежной стабильности решены.

<sup>42</sup> Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М.: Олимп, 2007. С. 158, 159.

<sup>43</sup> Центр анализа данных Института информационного развития ГУ-ВШЭ (<http://stat.hse.ru/hse/index.html>).

<sup>44</sup> ЦБ РФ «О мерах по стабилизации кредитно-денежной системы». ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 507. Ноябрь 1992. Л. 9–49.

## § 6. Международная поддержка и помощь

В тот критический период страну выручала и международная помощь. В современной России, имеющей за собой десять лет устойчивого экономического роста, обладающей третьими по масштабам в мире золотовалютными резервами, не хочется вспоминать о том, в каком унижительном положении наша страна оказалась в момент краха Советского Союза, в какой степени жизнь ее граждан зависела от решений, которые принимались за рубежом. В то время речь шла не только о кредитах, а и о гуманитарной помощи, которую обычно оказывают беднейшим странам мира<sup>45</sup>. С начала 1991 года по 9 января 1992 года Россия получила 284 тыс. т зарубежной гуманитарной помощи, в том числе продовольствия – 246,1 тыс. т (см. табл. 6).

Таблица 6

*Зарубежная гуманитарная помощь, тыс. т*

Поступило грузов в:	С начала 1991 г. по 9 января 1992 г.		в том числе со 2 по 9 января 1992 г.	
	всего	в том числе продовольствия	всего	в том числе продовольствия
Российскую Федерацию	284,1	246,1	27,6	26,6
Москву	161,4	137,2	0,7	0,5
Санкт-Петербург	82,6	77,5	26,6	21,4

Источник: Справка о поступлении грузов зарубежной гуманитарной помощи Российской Федерации по состоянию на 10 января 1992 года. Архив Е. Т. Гайдара.

<sup>45</sup> «По состоянию на 1 января 1991 года Советскому Союзу оказана от зарубежных стран гуманитарная помощь в размере более 26 тысяч тонн различной продукции, из которых 14,3 тысяч тонн – продукты питания, 522 тонны – медикаменты, около 72 тонн – медицинское оборудование, 211 тонн – одежда и обувь. Более 11 тысяч тонн поступившей гуманитарной помощи – это смешанные грузы, включающие продукты питания, медикаменты и медоборудование, одежду, инвалидные коляски, автомобили, автобусы и другие товары. Поступившая гуманитарная помощь распределена по 10 союзным республикам. Помощь получили 37 областей, краев, автономных республик РСФСР, 19 областей Украины, все области Белоруссии». См.: О социально-экономическом развитии страны в 1990 году и годы двенадцатой пятилетки. М.: Госкомстат СССР. 17 января 1991. С. 58.

В январе 1992 года заместитель председателя Комиссии по вопросам гуманитарной и технической помощи при правительстве РФ А. А. Житников докладывал: «На первой стадии продовольственная помощь городам Москва и Санкт-Петербург будет предоставлена на 10 млн ЭКЮ. На второй стадии – на 85 млн, на третьей – на 100 млн ЭКЮ. Поставки продовольственной помощи на первом этапе составляют: мясо – 5000 т, в т. ч. для Москвы – 3000 т, Санкт-Петербурга – 2000 т. Сухое молоко: 1000 т, или по 500 т в Москву и Санкт-Петербург»<sup>46</sup>.

Это была плата за неэффективность социалистической экономики, разорение сельского хозяйства, неспособность создать конкурентоспособные отрасли обрабатывающей промышленности.

От того, когда заработает внутренний рынок продовольствия, зависел порядок в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Зерновой баланс не сходился. В записке председатель Комитета по хлебопродуктам Л. С. Чешинский сообщил первому заместителю председателя правительства РФ Г. Э. Бурбулису: «Фактические закупки зерна в России составили немногим более половины первоначально планировавшихся объемов продажи хлеба государству – закуплено 22,5 млн тонн (при среднегодовых закупках за последние 10 лет 35 млн тонн)... Таким образом, во втором полугодии 1991 года баланс зерна по сравнению с предыдущими годами снизился на 13,5 млн тонн... В первом квартале 1992 года положение еще более ухудшается в связи с низкими остатками зерна и неудовлетворительным поступлением его по импорту. Так, в январе-феврале должно было поступить 4,2 млн тонн зерна при расходе за эти месяцы 7,2 млн тонн»<sup>47</sup>.

Поставки зерна по импорту были важны. Ключевым вопросом стала оплата не зерна (на это денег не было, здесь Россия зависела от того, предоставят нам кредиты или нет), а фрахта судов, которые привезут зерно. Именно это в конце 1991 года было критическим<sup>48</sup>.

<sup>46</sup> Записка А. А. Житникова Е. Т. Гайдару о программе экстренной гуманитарной продовольственной помощи Москве и Санкт-Петербургу. 8.01.1992 г. Архив Е. Т. Гайдара. Л. 1.

<sup>47</sup> Чешинский Л. С. (председатель Комитета по хлебопродуктам) Бурбулису Г. Э. (первый зам. председателя Правительства РФ). О положении и неотложных мерах по хлебофуражному обеспечению Российской Федерации в I квартале 1992 года. ГАРФ. Ф. 10084 Оп. 1. Д. 5. 14.01.1992. Л. 76, 77.

<sup>48</sup> «В целях предотвращения кризисной ситуации с зернофуражом и хлебопродуктами в связи с неудовлетворительным поступлением зерна по импорту Правительство РСФСР постановляет: Внешэкономбанку СССР (Московскому) использовать 80 про-

Когда возможность избежать голода в столице зависит от того, предоставят ли продовольственные кредиты иностранные государства, профинансируют ли они их за счет средств, собранных у налогоплательщиков, не надо удивляться, что с тобой будут разговаривать свысока, легко забудут о прежнем статусе мировой сверхдержавы. Это неприятно. Но после банкротства старого режима с этим приходилось жить и работать.

Была надежда, что зарубежные государства, прежде всего США и страны Евросоюза, осознав риски, связанные с развитием событий в России, на постсоветском пространстве, окажут помощь, сопоставимую по масштабам с планом Маршалла по восстановлению экономики стран Западной Европы. Эти ожидания подкреплялись заявлениями американской администрации в апреле 1992 года о пакете финансовой помощи России.

К сожалению, обещания не были подтверждены делами. План Маршалла был реализован потому, что его выработало и провело в жизнь руководство страны, вышедшей из Второй мировой войны. Оно понимало, что столкнулось с новой войной – холодной. Это позволяло консолидировать усилия, мобилизовать финансовые средства, сделать программу помощи важнейшим приоритетом американской политики.

В начале 1990-х годов ситуация была иной. Американская политика была парализована противостоянием республиканской администрации и демократического большинства в Конгрессе. Германия была занята проблемами объединения Запада и Востока. Наши отношения с Японией были заморожены из-за проблемы островов. Руководство Великобритании смотрело на происходящее в России с симпатией, но было неспособно взять на себя бремя лидерства. В подобной ситуации выработать и реализовать нечто, похожее на план Маршалла, было невозможно. Объявленная американским руководством программа помощи российским реформам на не-

---

центов от общей суммы еженедельных валютных поступлений на оплату фрахта до полного погашения задолженности по фрахтовым платежам советским и иностранным судовладельцам. Комитету внешнеэкономических связей при МИДе РСФСР (Авену), Внешторгбанку РСФСР (Телегину) установить контроль за осуществлением указанных платежей и ежедневно докладывать Правительству РСФСР о выполнении настоящего поручения.» См.: Постановление Правительства РСФСР «О чрезвычайной ситуации по обеспечению РСФСР хлебопродуктами» № 57 от 19.12.91.



сколько недель позволила удержать ситуацию, но к середине лета 1992 года стало очевидно, что обещания не будут исполнены.

С импортными поставками продовольствия, принципиально важными, чтобы избежать голода до урожая 1992 года, были связаны две проблемы. Первая – ответственность России за долги СССР. Столкнувшись со снижением нефтяных доходов, Советский Союз в 1986–1991 годах наращивал внешнюю задолженность. Данные о ее масштабах по состоянию на 1991 год противоречивы. Наиболее развернутую картину дает таблица, представленная Внешэкономбанком (см. табл. 7).

Таблица 7

*Внешний долг бывшего Союза ССР в свободно конвертируемой валюте\* по состоянию на 1.01.92 года, млрд долл. США\*\**

<b>Всего</b>		<b>83,4</b>
в том числе:		
1. Кредиты, привлеченные или гарантированные Правительством СССР, Госбанком ССР и Внешэкономбанком СССР		70,5
из них:		
а) основной долг		57,1
– среднесрочные финансовые кредиты и облигационные займы		22,2
в том числе (оценка):		24,9
– официальные кредиты	–13,4	
– кредиты коммерческих банков	–11,5	
– краткосрочные финансовые и связанные кредиты (включая фин. свопы с драгметаллами)***	2,5	
– коммерческий кредит	4,6	
в том числе контргарантии России	–0,4	
– обязательства по выданным гарантиям	2,9	
б) проценты по всем кредитам****		13,4
2. Обязательства по импортным аккредитивам, открытым до 31.12.91*****		2,7
3. Открытые импортные аккредитивы в счет среднесрочных банковских кредитов		2,3

### Глава III. КРАХ СССР

4. Подтвержденные аккредитивы третьих стран (основной долг и проценты)	1,2
5. Просроченные платежи по импорту*****	4,2
6. Кредиты, привлеченные непосредственно различными предприятиями и организациями, уполномоченными на это должным образом (оценка)	
– основной долг	2,0
– проценты	0,4
7. Задолженность перед иностранными транспортными организациями за ранее осуществленные перевозки внешнеторговых грузов (оценка)	0,1
-----	
Кроме того:	
Ленд-лиз *****	0,8
Задолженность бывшим соцстранам (по сальдо)*****	33,7
Задолженность по клиринговым бартерным счетам***** (без учета открытых импортных аккредитивов)	5,9

\* Без учета обязательств, принятых отдельными Независимыми Государствами на себя самостоятельно без участия Внешэкономбанка

\*\* Пересчет в доллары США осуществлен по рублевым кросс-курсам на 26.12.91 г.

\*\*\* Без учета депозитов местных банков и счетов СП.

\*\*\*\* Проценты, начисленные за весь остающийся срок действия кредитов (оценка). Сумма процентов будет увеличиваться в связи с начислением дополнительных процентов по отсрочке кредитов (уточнения будут производиться по согласованию с кредиторами).

\*\*\*\*\* По документам, находящимся на учете во Внешэкономбанке СССР.

\*\*\*\*\* Подлежит уточнению с компетентными органами США.

\*\*\*\*\* Данные приводятся только по сальдо текущих расчетов в переводных рублях и по клирингу (данные предварительные и подлежат уточнению по суммам и курсу пересчета в ходе переговоров с бывшими социалистическими странами).

Примерный курс: 1 переводной рубль – 1,795 долл. США.

\*\*\*\*\*Задолженность по клиринговым и бартерным счетам в пользу СССР составляет 0,7 млрд долларов США (Афганистан). Пересчет клиринговых валют в доллары США произведен по курсу международных рынков.

Источник: Материалы Внешэкономбанка СССР.

Руководители стран Запада, прежде всего президент США Дж. Буш-старший, понимали, что главная угроза, связанная с крахом СССР, состоит в том, что никто не контролирует наиболее опасное тактическое ядерное оружие, разбросанное по территории бывшего Союза. Отсюда инициативы по его скорейшей ликвидации, прозвучавшие после попытки августовского переворота<sup>49</sup>. Но стабильные западные общества инерционны.

Министры финансов и председатели центральных банков о проблемах тактического ядерного оружия в чужой стране обычно не думают. Осенью 1991 года их мало волновало, случится ли в России гуманитарная катастрофа, начнется ли на постсоветском пространстве гражданская война по югославскому сценарию. Их заботило другое – кто будет платить по советским долгам? Вопрос для них был актуальным и потому, что историю невыплаты царских долгов в финансовом сообществе не забыли. Именно это, а не то, как помочь экономическим преобразованиям в России, было в центре внимания руководителей государственными финансами стран Запада.

После провала августовского путча на встрече между представителями фактически распавшегося СССР и основными его кредиторами была выработана формула соглашения. Его условия были тяжелыми, напоминали Брестский мир, договор о капитуляции Германии осенью 1918 года. Советские власти принимали на себя обязательства о вывозе части золотого запаса за рубеж в обеспечение накопленных долгов, совместной и солидарной ответственности государств, которые раньше были союзными рес-

<sup>49</sup> «Комментируя пребывание в СССР министра обороны Франции П. Жокса, парижская «Монд» отмечает, что Запад стремится как можно скорее покончить с советским тактическим ядерным оружием. Разбросанное по территории Союза и находящееся в руках ненадежных военных руководителей, оно может стать в столь бурный период объектом политического шантажа, что чревато непредсказуемыми последствиями. [...] По мнению французской газеты «Круа», в глазах Запада и его военных специалистов советская ядерная угроза сегодня более реальна, чем когда-либо». См.: Литовкин В. В чьих руках ключи от ядерной кнопки // Известия. № 226. 21.09.1991; «США, по словам официальных лиц Белого дома, будут готовы отложить признание тех республик, которые пытаются установить контроль за находящимися на их территории ядерным оружием. В этом же примерно духе выдержаны и последние решения НАТО». См.: *Рогов С., Рубанов В.* «Бесхозная» армия. Делится ли безопасность Союза ССР на независимость суверенных государств // Известия. № 278. 22.11.1991.

публиками. Если кто-то не выплатит свою долю долга, за него обязаны это сделать другие республики<sup>50</sup>. Если учесть структуру советского платежного баланса и перевести сказанное на простой язык, это означало: Россия отвечает за советский долг, но при этом не контролирует советские активы, не может самостоятельно вести переговоры с кредиторами. Когда видишь такие документы, невольно вспоминаешь тональность разговора Милюкова с немецкими властями (см. глава 2).

На 46-й ежегодной сессии управляющих МВФ и МБРР (Бангкок, 15–17 октября 1991 года) министры финансов и управляющие центральными банками стран G-7 обсуждали, в частности, проблемы задолженности развивающихся стран. Прибывшие в Бангкок представители СССР провели переговоры, которые закончились предварительным согласованием условий отсрочки платежей по долгам СССР. Как было договорено, в Москве переговоры продолжились, и 28 октября 1991 года был подписан Меморандум о взаимопонимании, в котором фиксировались основные условия предоставления финансовой помощи и отсрочки платежей по внешнему долгу СССР со стороны Запада. В соответствии с положениями Меморандума в конце ноября 1991 г. странами «большой семерки» было принято решение о предоставлении рассрочки по внешнему долгу, платежи по которому должны были быть исполнены до конца 1992 г. Зафиксированное в соглашении обязательство могло иметь серьезные последствия для многих отраслей экономики постсоветских стран. Из обращения представителей советских зарубежных коммерческих банков к Президенту РСФСР: «Объявление моратория на платежи по обязательствам СССР еще более осложнило обстановку в зарубежных банках. Местные власти требуют создания в этих банках резервов по кредитам, выданным советским заемщикам, в крупных суммах. Так, в Ост-Вест Хандельсбанке требуется создать резервы в сумме 250 млн марок, что более чем в два раза превышает капитал банка. Такие же требования выдвигаются в Великобритании и в ряде дру-

---

<sup>50</sup> Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР. Москва. 4 декабря 1991. Согласно статье 4 данного Договора доля РФ в общей сумме долга составила 61,34%.

гих стран. Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности острая нехватка ресурсов в некоторых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу официального банкротства этих банков»<sup>51</sup>.

Запад с тревогой и недоумением смотрел на происходящее на территории страны, которую он на протяжении десятилетий рассматривал как своего стратегического противника.

Нам, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу, было жизненно необходимо зерно. Из записки первого заместителя председателя Комитета по хлебопродуктам А. Д. Кудели в Правительство РСФСР осенью 1991 года: «Анализ положения дел с заготовками зерна показывает, что при непринятии в ближайшее время экстренных мер в республиканские хлебные ресурсы может поступить не более 23 млн тонн. Это положение еще более усугубляется тем, что по импорту в III квартале т. г. ожидается только около 2,7 млн тонн зерновых культур. С учетом фактических заготовок и поступления по импорту устойчивое снабжение может быть гарантировано лишь до 1 декабря 1991 г.»<sup>52</sup>.

«В Российской Федерации в первом полугодии 1992 г. складывается катастрофическое положение с формированием зерновых ресурсов для бесперебойного снабжения населения хлебом, а животноводства комбикормами. С учетом поступления зерна по союзным поставкам (3,9 млн тонн) и контрактам, подписанным Правительством РСФСР (7,3 млн тонн), его дефицит составит около 18 млн тонн. Все попытки получить у правительств других стран и инофирм [...] кредиты для закупок недостающего количества зерна положительных результатов не дали»<sup>53</sup>.

<sup>51</sup> Представители коммерческих банков Президенту РСФСР Ельцину Б. Н. О коммерческих банках России за рубежом. 19.12.1991 г. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 4006. Л. 110–111.

<sup>52</sup> Куделя А. Д. (первый заместитель председателя Комитета по хлебопродуктам) Кулику Г. В. (зам. Председателя Совета Министров РСФСР, министр сельского хозяйства и продовольствия РСФСР). О закупках зерна и формировании государственных ресурсов на 1991–1992 сельскохозяйственный год. ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9151. 15.11.1991. Л. 181–183.

<sup>53</sup> Чешинский Л. (председатель Комитета) Гайдару Е. Т. (зам. Председателя Правительства РСФСР). ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9135. 20.11.1991. Л. 354.

### Глава III. КРАХ СССР

---

Руководители СССР, столкнувшиеся в 1989–1991 годах с валютным кризисом, не сумели предложить финансовым властям Запада, от которых хотели получить кредиты, программу экономических реформ, дающую надежду, что взятые в долг деньги будут возвращены. Руководство России на рубеже 1991–1992 годов такую программу представило. Кредиты западных стран были получены. Поставки продовольствия в Россию, несмотря на очевидную неплатежеспособность страны, были продолжены. Но этот источник исчерпаем. Им можно было пользоваться лишь короткое время. Ключевым оставался вопрос: заработает ли рынок продовольствия в самой России?

## §7. Будет ли работать рубль?

В августе 1917 года на заседании Временного правительства министр продовольствия А. Пешехонов сказал, что продовольственное положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб»<sup>54</sup>. Но и при расстройстве денежной системы, вызванной Первой мировой войной, в России в то время сохранялась традиция устойчивого денежного обращения, основанного на золотовалютном стандарте. Страна обладала одними из крупнейших в мире золотыми резервами. Даже после краха царского режима выпущенные им деньги принимались на рынке с заметной премией по отношению к купюрам, выпущенным Временным и советским правительствами, местными властями.

В 1991 году ситуация была иной. История твердого, подкрепленного золотыми запасами червонца была в прошлом. Рубль называли «деревянным». Из газеты «Известия» того времени: «Наша “свеча” горит уже с двух концов. С одной стороны, мы 24 часа в сутки печатаем рубли, которые задолжали трудящимся. С другой стороны – с небывалой скоростью сокращаем свои золотые запасы, чтобы раздать просроченные долги капиталистам и кое-что из самого необходимого купить за валюту. Надо ли удивляться, что теперь купить колбасу стало столь же трудно, как раньше золото»<sup>55</sup>.

Идея, что необходимые для жизни ресурсы, в том числе зерно, можно купить за рубли, многим из причастных к принятию ключевых экономических решений казалась смешной. Для закупок на внутреннем рынке зерна предлагали использовать валюту или варианты товарообмена (бартера)<sup>56</sup>. Такое решение было приня-

<sup>54</sup> *Логинов В.* Продовольственная политика (осень 1917-го) // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 31.

<sup>55</sup> Из материала «Иначе обанкротится все» // Известия. № 234. 01.10.1991.

<sup>56</sup> «Весь хлеб, который поставят колхозы и совхозы сверх продналога, будет куплен государством по договорной цене. Ее размер ничем не ограничен. На встречную продажу за зерно правительство РСФСР выделяет до 15 процентов фондов на металл, цемент, лес и т. д., которые находятся сегодня у всех республиканских фондо-держателей. Для встречной продажи выделены также сто тысяч легковых автомобилей, 200 тысяч холодильников, 150 тысяч стиральных машин, 200 тысяч телевизоров.

то. Но валюты не было<sup>57</sup>. Товарообмен в индустриально развитой стране, где необходимо снабжать продовольствием десятки миллионов жителей крупных городов, — задача неразрешимая. Ее решить не удалось и большевикам тогда, когда подавляющая часть населения жила в деревне.

Чтобы обеспечить поставки зерна, нужны были работающие деньги, доверие к ним. Откуда возникнет доверие, если государственные валютные резервы исчерпаны? Если дефицит бюджета в долях ВВП при неконтролируемой эмиссии безналичных денег союзными республиками составляет не менее 30%<sup>58</sup>? А это куда больше, чем дефицита государственного бюджета в долях ВВП во Франции в эпоху ассигната. Поэтому главным в экономической политике Правительства РСФСР в конце 1991 — первой половине 1992 года стал вопрос: как обеспечить возможность рубля обслуживать внутренний торговый оборот, сделать его платежным средством, которое примет деревня? При том что за ним не стояли ни золотовалютные резервы, ни традиция устойчивости национальной валюты.

Нужны были необычные меры. Успеха они не гарантировали, но давали надежду. Первая из таких мер — резкое сокращение государственных расходов. Непросто анализировать статистику

---

Пятьдесят процентов проданного сверх продналога зерна будет куплено государством за свободно конвертируемую валюту, причем по мировым ценам. Скажем, за тонну твердой пшеницы — 240 долларов, за тонну кукурузы — 180». См.: *Петров М. Хлеб — крестьянская валюта* // «Известия». № 162. 9.07.1991 г.

<sup>57</sup> «Расчетный дефицит на указанный период, даже с учетом переносимых обязательств, составляет 2 млрд долларов США в основном в результате необходимости оплаты аккредитивов. Уже в настоящее время сумма просроченных платежей по аккредитивам (представляющим по международному праву безусловное обязательство банка платить против представления документов об отгрузке товара или оказании услуг) составляет около 150 млн долларов США». См.: Алибергов Т. И. (первый зам. председателя правления Внешэкономбанка СССР) Гайдару Е. Т. (зам. премьер-министра РСФСР). Архив ЦБ. Д. 4810. 27.11.1991. Л. 214–221.

<sup>58</sup> По оценкам Мирового Банка, бюджетный дефицит был профинансирован за счет избыточных (вынужденных) сбережений населения и предприятий. Денежно-кредитная система получила от предприятий ресурсы в размере 10,3% ВВП (всего вклады предприятий составили в 1991 году 14% ВВП). Ресурсы в объеме 22,1% ВВП поступили из вкладов населения. Активный баланс внешних текущих счетов России составил 1,5% ВВП. Таким образом, бюджетный дефицит России в 1991 году определился в размере 30,9% ВВП. См.: *Russian Economic Reform. Crossing Threshold of Structural Change*. World Bank, 1992; *Синельников С.* Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М.: Евразия, 1995. С. 70.



государственных расходов в ситуации, когда рухнет старая система управления экономикой и не сформируется новая.

Взглянем на динамику бюджетных расходов по важнейшим элементам. Точно определить военные расходы и расходы на закупку вооружений ни союзное, ни российское руководство тогда не могло<sup>59</sup>. Это предопределило трудности с оценкой масштабов сокращения оборонного заказа в 1992 году. По имеющимся данным, уровень свертывания заказа составлял 80–90%. Примерно так же снизились государственные инвестиции и субсидии на продукты питания. Последние составляли в 1991 году около 10% ВВП. Затраты на образование, здравоохранение и культуру в реальном исчислении уменьшились от 46 до 10% в зависимости от применяемого при их оценке дефлятора.

Откуда тогда столь значительный рост доли государственных расходов в валовом внутреннем продукте, о котором пишут некоторые специалисты<sup>60</sup>? В их расчеты включены два фактора, которые в стандартных финансовых ситуациях невозможны: денежная эмиссия, экспортированная в Россию бывшими союзными республиками (примерно 7–8% ВВП), и субсидирование импорта продовольствия, необходимого, чтобы избежать голода. Кредиты на Западе удалось получить, зерно в страну пошло. В Проекте распоряжения Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 4 сентября 1991 года говорилось: «На основе ранее согласованного товарного наполнения кредита обеспечить возможность закупки в счет указанного кредита следующих товаров: зерна – 1950 тыс. тонн...»<sup>61</sup>. Председатель Комитета по хлебопродуктам Л. С. Чешинский докладывал Б. Н. Ельцину, что

<sup>59</sup> *Маслюков Ю., Глубоков Е.* Экономика оборонного комплекса // Военно-промышленный комплекс. Энциклопедия. М.: Военный парад, 2005. С. 36–67. Судя по этим и другим публикациям Ю. Д. Маслюкова, – бывшего одной из главных фигур в руководстве ВПК СССР, знавшего тогда ситуацию досконально и уже не связанного после распада СССР режимными обязательствами, – прямые военные расходы СССР, посчитанные по стандарту ООН, составляли в 1989 году 8,9% ВВП, а дополненные косвенными военными расходами (на все силовые структуры, пенсии бывшим военным служащим и т. п.) – 10,1 % ВВП.

<sup>60</sup> «Рост государственных расходов на 15 п. п. ВВП — с 55% ВВП в 1991 г. до 70% ВВП в 1992 г.» См.: *Илларионов А.* Много шума. Для чего? // Ведомости, 19 марта 2008 г.

<sup>61</sup> Проект распоряжения Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 04.09.1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1436. Л. 10.

получение кредита от США «позволит закупить 1,5–2,0 млн тонн пшеницы, около 1 млн тонн кормового зерна и около 0,5 млн тонн соевого шрота и сои-бобов для снабжения России в мае – июне с. г.»<sup>62</sup>.

Финансовое равновесие при высокой инфляции и отсутствии доверия к рублю не может наступить сразу. Кормить население городов надо ежедневно. Средняя заработная плата в России в декабре 1991 года, по официально действующему коммерческому курсу<sup>63</sup>, составляла 7 долларов в месяц<sup>64</sup>. Импортируемое продовольствие, если его реализовать по ценам мирового рынка, было недоступно большинству россиян.

Отсюда решение – субсидировать импорт продовольствия до следующего урожая, когда внутренний рынок продуктов питания начнет работать. Его можно обсуждать в статьях и книгах по экономической истории, это и будут долго делать профессора и доценты. Важно отметить, что резкое сокращение расходов по основным статьям российского бюджета породило тяжелые политические (не говоря уже о технических) проблемы<sup>65</sup>. Однако

---

<sup>62</sup> Чешинский Л. С. (председатель Комитета по хлебопродуктам) Ельцину Б. Н. (Президент РФ). О кредитных гарантиях США на 600 млн долларов. ГАРФ. Ф. 10084 Оп. 1. Д. 34. 04.06.1992. Л. 134.

<sup>63</sup> С 1 ноября 1990 г. введен коммерческий курс рубля к свободно конвертируемым валютам. См.: Постановление Совета Министров СССР от 31 октября 1990 г. № 1101 «О коммерческом курсе рубля Госбанка СССР».

<sup>64</sup> Средняя заработная плата в декабре 1991 года составляла 1195 руб. при коммерческом курсе рубля 169,20 руб. за 1 доллар. См.: Цены в Российской Федерации в 1993 году. М.: Госкомстат РФ, 1994.

<sup>65</sup> Из выступления депутата Матюхина Г. Г. на VI Съезде Народных депутатов: «Вторая причина кризиса в том, что у нас, к сожалению, принимаются постановления о повышении заработной платы, выплаты пенсий без учета технических возможностей нашего Гознака. Скажем, в марте, в феврале постановления об увеличении компенсаций по пенсиям и увеличении выплат военнослужащим потребовали дополнительно 17 миллиардов рублей. Причем это решение для нас такое, что мы оказались к нему не готовы, потому что производственные мощности нельзя вот так просто увеличить на такую огромную сумму. В марте то же самое происходило. Сейчас, в апреле, то же самое – в связи с решением о дополнительных выплатах пенсионерам. Я понимаю, что такие выплаты нужны, и все, что принимается, – это правильно, но все-таки я бы считал необходимым согласовывать все это с техническими возможностями. Гознак работает на полную мощность, но положение, связанное с увеличением мощностей Гознака, не так прекрасно, поскольку денег и здесь не хватает. Гознак относится к Министерству финансов, и, в общем, средств в достаточном количестве не отпускается для того, чтобы немедленно увеличить производственные мощности. Поэтому у нас еще будет ожидатьсся нехватка денежных ресурсов. Причем она нарастает. В январе у нас дефицит был

оно позволило решить ключевую экономико-политическую задачу – рубль заработал, прилавки магазинов стали заполняться, дефицит товаров перестал быть всеобщим (табл. 8).

Отстаивать свою позицию было нелегко. Вот небольшой отрывок из моего выступления на VI Съезде народных депутатов России: «Я прекрасно понимаю реальные тяготы, которые в связи с реформой выпадают буквально каждой социальной группе. Но, если суммировать весь набор предложений, которые звучали

---

19 миллиардов рублей, в феврале – 20 миллиардов, в марте – уже 39,6 миллиарда рублей. Во втором квартале тоже ожидается нехватка – на три месяца примерно 66 миллиардов рублей. И здесь тоже нужно иметь в виду, что наличный денежный оборот связан с кредитной эмиссией, с выдачами кредитов. Примерно 20 процентов выданных безналичных кредитов превращаются в наличные деньги. На прошлой неделе мы подписали с Правительством соглашение о том, чтобы выдать 200 миллиардов рублей на разрешение вот таких узловых проблем, которые сейчас возникли у нас с неплатежами. Поэтому следует иметь в виду, что эти 200 миллиардов выльются примерно в 40 миллиардов наличными, и к этому тоже надо быть готовыми. Мы предлагаем следующее.

Призываем местное руководство всячески содействовать Центральному банку во внедрению чеков и векселей в оборот.

[...]

На Сбербанке «висит» внутренний долг в размере 350 миллиардов рублей. Платить по этому внутреннему долгу (вот только что мы заключили соглашение) Министерство финансов наконец согласилось из расчета 11 процентов. Мы хотим увеличить процентную ставку по вкладам, потому что вклады населения «тают», и приняли решение увеличить эту процентную ставку до 25 процентов. Я просто хотел бы спросить, откуда Сбербанку взять деньги, чтобы выплачивать эту процентную ставку? Мы 15 процентов уже давно выплачиваем, а Сбербанку Министерство финансов 11 процентов платит. Сбербанк должен где-то брать деньги, чтобы удовлетворять наших вкладчиков. Вот в этом вся проблема, но здесь мы все-таки пытаемся найти решение, чтобы эти коммиссионные не были столь высокими.» См.: VI Съезд народных депутатов Российской Федерации. 6–21 апреля 1992 года. Стенографический отчет. Т.1. М.: Республика, 1992. С. 87–89. Из выступления Е. Гайдара, и.о. Председателя Правительства Российской Федерации, на VI Съезде народных депутатов: «Говорят о том, что в бюджете полностью провален баланс доходов и расходов по внешнеэкономической деятельности. Но это, к сожалению, основано либо на непонимании того, о чем идет речь, либо на заведомой дезинформации. С точки зрения бюджета возможности финансирования оборонных, социальных программ, сельского хозяйства и так далее имеет значение только одна цифра – это сальдо доходов и расходов от внешнеэкономической деятельности, короче говоря, сколько бюджет от всего этого получил. В бюджет на первый квартал по предложениям Правительства было заложено сальдо доходов и расходов от внешнеэкономической деятельности в размере 8 миллиардов рублей. По отчетам об исполнении бюджета первого квартала, которые нетрудно посмотреть в нашем Центральном банке, выясняется, что реальное сальдо составило 8 миллиардов рублей.

Я не буду дальше останавливаться на подобном рода неточностях». См.: VI Съезд народных депутатов Российской Федерации. 6–21 апреля 1992 года. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Республика, 1992, С. 404.

в этом зале, и попытаться воплотить его в жизнь, то он будет звучать примерно так: нужно увеличить военные расходы, расходы на централизованные капитальные вложения, расходы на поддержку агропромышленного комплекса, расходы на централизованную поддержку строительства, расходы на культуру, расходы на здравоохранение, расходы на образование. И при этом снизить налог на добавленную стоимость, на прибыль, подоходный налог и так далее. Да, можно пойти по этому пути. Вы можете взять и призвать другое правительство и сказать, что нужно так и делать. И все будут довольны. И потом вы будете смотреть, как разваливается рубль, как замыкаются мелкие региональные рынки, как за развалом финансов идет развал российской экономики, как бешено растут цены. Смотреть и думать: а кто же за все это отвечает? И менять, как перчатки, правительства, которые призваны, видимо, за все это отвечать»<sup>66</sup>.

«Анализ материалов проведенного органами государственной статистики 17–21 февраля наблюдения за конъюнктурой торговли во всех столицах республик в составе Российской Федерации, административных центрах краев и областей показывает, что по сравнению с предыдущей неделей увеличилось число городов, где имелось в продаже мясо (с 41 до 48), сахар (с 29 до 36), картофель (с 65 до 67); стабилизировалось обеспечение населения цельномолочной продукцией (как и неделю назад, ее можно было купить в 72 городах) и хлебом (74). [...] Продолжается наполнение магазинов государственной торговли промышленными товарами. Обследование промтоварных магазинов, проведенное 17–21 февраля, показало, что зимние пальто, швейные изделия для детей были в свободной продаже в 39 городах (10–14 февраля – соответственно в 19 и 26), мужская обувь – в 17 (12), женская – в 26 (17), детская – в 28 (18)»<sup>67</sup>.

---

<sup>66</sup> Шестой съезд народных депутатов Российской Федерации. 6–21 апреля 1992 года. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Республика, 1992. С. 404.

<sup>67</sup> Захаров А. П. (заместитель председателя Госкомстата Российской Федерации) – Е. Т. Гайдару (заместителю председателя Правительства Российской Федерации) о социально-экономической ситуации в Российской Федерации. № 17-1-16/45. 25.02.92. Л. 3, 7. Из архива Е. Т. Гайдара.

Таблица 8

*Товарные запасы в розничной сети торгующих организаций, оптовой торговле и промышленности (в фактических ценах)*

Товарные запасы	Обеспеченность запасами (в днях)		
	на 01.02.91	на 01.01.92	на 01.02.92
Розничная сеть торгующих организаций, оптовая торговля и промышленность	54	37	77
в том числе:			
розничная сеть	45	32	51
оптовая торговля и промышленность	9	6	26

Источник: Жеглов А. (Отдел торговли и бытового обслуживания). Краткие итоги января по вопросам торговли и платным услугам. 1992 г. Архив Е. Т. Гайдара.

Из документов в Правительство РФ от 12 февраля 1992 года:  
 «О доступности продовольствия»

За неделю с 5 по 12 февраля 1992 г. еще менее дефицитными стали животное масло, колбасные изделия, яйца. Эти продукты имелись в свободной продаже в большинстве городов. Более дефицитными стали за неделю молоко и хлеб. Самые дефицитные продукты – сахар, мука. (...) Во всех городах (кроме Петербурга) сохраняются талоны на сахар и водку. Нигде более не нормируются мясо и колбасные изделия. В отдельных городах остаются талоны на сливочное и растительное масло, муку, соль, табак»<sup>68</sup>.

По данным проведенного 12 февраля 1992 года органами государственной статистики выборочного обследования, 19 крупных административных центров Российской Федерации, положение дел с обеспечением населения основными продовольственными товарами характеризуется так (см.: табл. 9).

<sup>68</sup> Центр экономической информации ФАПСИ – Гайдару Е. Т. О положении на продовольственном рынке России (по данным социологического опроса на 12.02.92 г.). 14.02.1992 г. Архив Е. Т. Гайдара.

*Индекс обеспеченности основными продовольственными товарами*

Мясо	2,3
Колбасные изделия	3,2
Рыба	2,0
Масло животное	3,1
Масло растительное	1,8
Жиры др.	2,2
Молоко	2,5
Яйца	3,4
Сахар	1,3
Кондитерские изделия	2,7
Хлеб	3,1
Мука	1,4
Соль	3,0
Табак	1,9
Водка	1,9
Индекс обеспеченности	2,3

Источник: ФАПСИ. Архив Е. Т. Гайдара.

К маю 1992 года зерно в России можно было купить за деньги. Стало ясно, что кризиса снабжения городов продовольствием, подобного происходившему в 1917–1918 годах, не будет. Тема поставок зерна из официальных документов органов власти ушла. Политическая цена, которую пришлось заплатить за это, была высокой. Временное правительство и большевики отказались решать проблемы продовольственного снабжения городов и армии рыночными методами. Они понимали, что за это придется дорого платить. То, что цена предотвращения голода и гражданской войны будет высокой, не было для нас загадкой. К лету 1992 года пришло время платить по политическим счетам.

Стараюсь не злоупотреблять стилистикой мемуарного жанра, но иногда, рассказывая о происходившем, этого нельзя избежать. В конце мая 1992 года меня пригласил президент РФ Б. Н. Ельцин. Он сказал примерно следующее (повторяю по па-

мяти): «Егор Тимурович, мы резко сократили военные расходы, государственные инвестиции, дотации сельскому хозяйству, расходы на науку, образование, здравоохранение, культуру. Скажите мне, где теперь база нашей политической поддержки?» Сказал, что ответа не знаю.

## § 8. Мужество государственного деятеля

К концу 1991 года было ясно: тому, кто примет решение о либерализации цен, ужесточении бюджетной политики, придется за это дорого заплатить. К счастью, в России того времени был человек с яркой харизмой, способный выигрывать выборы при противодействии государственной пропагандистской машины<sup>69</sup>. В отличие от многих политиков он думал о стране, ее интересах, а не о создании режима личной власти. Это был актив, который помог в регулировании кризисной ситуации<sup>70</sup>.

Президент, пользовавшийся поддержкой российского общества, в октябре 1991 года на V Съезде народных депутатов взял на себя ответственность за тяжелые решения. «Обращаюсь к вам с решимостью безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за поддержкой в этой решимости ко всем слоям населения... Настало время принять главное решение и начать действовать... Действовать решительно, жестко, без колебаний... Должен сказать откровенно – сегодня, в условиях острейшего кризиса, провести реформы безболезненно не удастся. Наиболее трудным будет первый этап. Произойдет некоторое падение уровня жизни, но исчезнет наконец неопределенность, появится ясная перспектива... Но самая болезненная мера – разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке – пустая болтовня...»<sup>71</sup>.

<sup>69</sup> 27 марта 1989 г. на выборах в Москве Б. Н. Ельцин набрал 90% голосов. На выборах народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. он был избран народным депутатом в Свердловске более чем 84% голосов. На первых президентских выборах в июне 1991 г. Ельцин был избран с результатом 57%. См.: *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985–2000 гг.). Автореф. канд. дис. Екатеринбург, 2005. С. 18; *Горбаневский М., Мочалов В.* Избранные даты для краткого курса. Гласность и новейшая политическая история СССР и России 1985–2001. М.: Лурена, 2001. С. 20, 28.

<sup>70</sup> Сейчас особенно важно осознавать, что политический лидер, пришедший к власти демократическим путем на волне популярности, но побоявшийся идти на непопулярные меры, с течением времени становится непопулярным, превращаясь в глазах народа в очередного социального демагога. Для харизматического лидера лучше быть непопулярным в начале трудного пути реформ, чем популистские заигрывания без реального продвижения к намеченным целям. См.: Документы для Б. Н. Ельцина в связи с чрезвычайным характером ситуации в стране и предстоящим заседанием Госсовета, конец сентября 1991 г. Стабилизация ситуации в России: роль Президента. Из личного архива Е. Т. Гайдара.

<sup>71</sup> *Мороз О.* Так кто же расстрелял парламент? М.: Олимп, 2007. С. 11, 12.



Из этой стенограммы и из протоколов первых заседаний российского Правительства, которое Ельцин согласился возглавить, видно: он знал, на что идет. Других таких среди политиков не нашлось. Когда в октябре 1991 года на заседании Государственного Совета Ельцин обратился к российскому руководству со словами: «Есть ли у кого-то какие-то альтернативные идеи, может, ответит кто-то, кто не согласен с предложенной линией?», ответом было гробовое молчание.

Через два месяца после принятого решения Председатель Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатов посоветовал ему переложить ответственность за произошедшее на молодых людей, которым он по неосторожности доверился, отмежеваться от произошедшего<sup>72</sup>. Ельцин сделал другое. Поехал по стране, стал объяснять, что сделанное необходимо. Как вспоминает Борис Немцов, тогда губернатор Нижегородской области, во время январской поездки в Нижний Новгород Борис Николаевич поехал по магазинам, говорил с людьми, встретился с бурей возмущения, сел в машину и сказал: «Господи, что я наделал». Он привык, что его любят и поддерживают. Теперь на него выливался поток ненависти. Ему было физически тяжело. Однако и после таких встреч он не отменил принятых решений, не отказался от ответственности за них. Он был сильным человеком.

После 2 января 1992 года число тех, кто хотел отмежеваться от принятых мер, росло с каждым днем. В политике не бывает, чтобы не нашлось желающих воспользоваться ответственностью первого лица за непопулярные решения. Сразу после либерализации цен началось использование заблуждений людей в том, что трудности, связанные с крахом советской экономики, – результат неумело проведенных реформ, и ответственность за это несет сформированное Ельциным правительство.

По результатам социологического опроса перед началом VI Съезда народных депутатов 1992 года, «свыше 70 процентов народных депутатов недовольны тем, как идет экономическая реформа. [...] Однозначно удовлетворены ходом реформы 4,8 про-

<sup>72</sup> Чугаев С. Руслан Хасбулатов: Уже можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство // Известия. 14.01.1992.

цента опрошенных, 23,7 процента «скорее удовлетворены, чем нет». Экономический курс правительства полностью поддерживало 5 процентов опрошенных депутатов, 47,7 процентов считали его «в принципе верным», но заявили о необходимости существенных коррективов. Около 34 процентов потребовали срочно изменить экономическую политику»<sup>73</sup>.

Депутат А. Тулеев, обращаясь к президенту и премьер-министру, заявил: «Борис Николаевич, вы россиян обманули, все, что можно разрушить, вы уже разрушили, больше разрушать нечего»<sup>74</sup>. Депутат Валерий Воронцов утверждал, что правительство «стремится разрушить все, что было до него, наносит огромный урон стране». [...] «Реформы в сегодняшнем виде приведут Россию, да и правительство, к катастрофе», – таково было мнение депутата Александра Соколова<sup>75</sup>.

Ситуацию серьезно усложняло то, что устройство власти в России было в то время неопределенным и нестабильным. Российская Конституция, в основных положениях повторяющая Конституцию СССР, позволяла как-то организовывать систему власти в стране лишь при той предпосылке, что она равно ничего не значила, что все решало руководство КПСС и партийные комитеты на местах. Когда партийный стержень выпал, управлять страной стало невозможно.

В те дни в стране не было боеспособной армии, работающей правоохранной системы, дееспособной судебной системы, не было пограничного контроля, закончились валютные резервы и отсутствовали надежные деньги. Естественно, мы получили двоевластие – то, что уже было в российской истории в XX веке.

Хотя в Конституции был закреплен принцип разделения властей, в ней же был пункт о том, что Съезд народных депутатов может принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос. Как то и другое сочетается, понять было невозможно. Распределение прав между органами власти федерации, автономных республик, регионов, муниципальных образований было прописано так, что

---

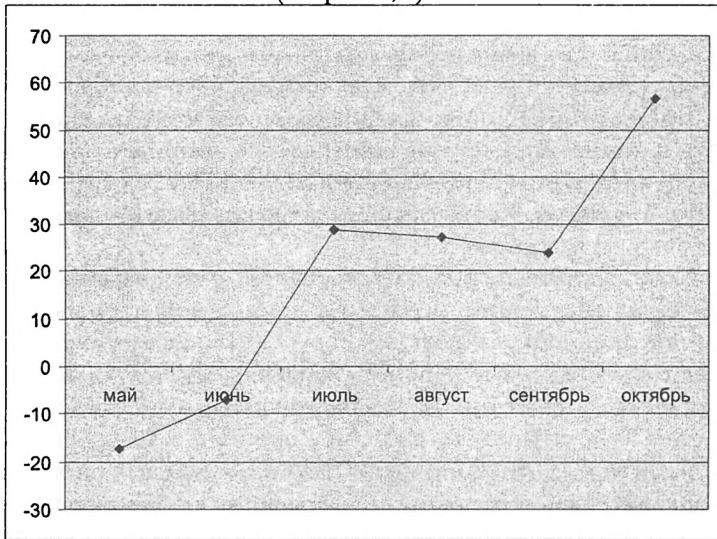
<sup>73</sup> Народная газета московского региона. № 70. 09.04.1992.

<sup>74</sup> Плутник А. Атакуя Правительство... // Известия. 09.04.1992.

<sup>75</sup> Плотииков А., Крохин В. И грянул гром... // Народная газета московского региона. № 70. 09.04.1992.

работать по нему было нельзя. Очевидно было, что стране нужна новая Конституция, которая позволит ответить на эти и многие другие вопросы, сформировать работающие органы власти, которая обеспечит реальное разделение властей.

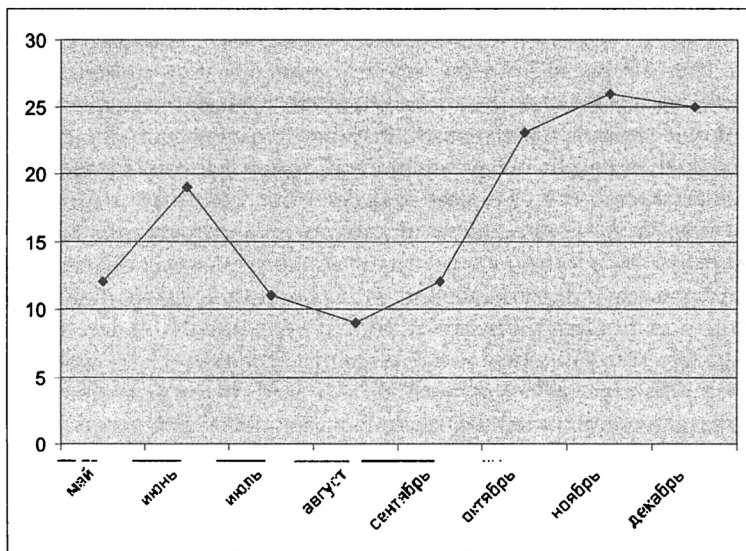
Действовавшая Конституция ограничивала и право Президента брать на себя ответственность за проведение назревших реформ. Верховный Совет мог принять решения, которые в любой момент радикально поменяют условия проведения экономической политики. Когда выяснилось, что голода не будет, Верховной Совет сделал именно это: принял в июле 1992 года решение о дотациях на продовольствие, реализуемое по государственным регулируемым ценам, в размере 127,4 млрд рублей<sup>76</sup>. После этого ослабление бюджетной и денежной политики, ускорение инфляции стало неизбежным (см. рис. 1, 2).



**Рис. 1.** Темпы прироста курса рубля к доллару США в мае – октябре 1992 года, % к предыдущему месяцу

Источник: ЦБ РФ ([www.cbr.ru](http://www.cbr.ru)).

<sup>76</sup> Закон РФ «О бюджетной системе Российской Федерации на 1992 год». № 3331-1 от 17.07.1992 г.



**Рис. 2.** Темпы прироста потребительских цен в мае – декабре 1992 года, % к предыдущему месяцу

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ ([www.gks.ru](http://www.gks.ru)).

Во второй половине 1992 года ключевым стал вопрос о власти и конституционном устройстве.

## §9. Угроза гражданской войны

Старый режим рухнул, но коммунистическая номенклатура не исчезла. Изменился состав высшего руководства страны. Но органы управления во многих регионах возглавляли люди, которые ранее работали секретарями обкомов партии. Руководители крупнейших предприятий были тесно связаны с партийной номенклатурой. С позиции их личного благосостояния многим директорам произошедшее было выгодно. Они освободились от надзора партийной иерархии и КГБ, могли с пользой для себя контролировать финансовые потоки, создавать личные состояния. Но и для них перемены, связанные с крахом Советского Союза, были травмой. Они вынуждали изменить стиль жизни. А это утрата стабильности, она всегда болезненна. К ней нелегко приспособиться, возникает желание восстановить привычное.

Напротив, значительная часть населения еще хорошо помнила тяготы жизни при социализме, возврата к прошлому не хотела. Число тех, кто готов бороться за то, чтобы не вернулись советские реальности, было велико. Отсюда – риск вооруженного противостояния, гражданской войны. Избежать развития событий по этому сценарию было приоритетной задачей.

Есть немало работ, в которых Ельцина упрекают в том, что он после провала августовского путча не распустил Съезд народных депутатов, Верховный Совет, не провел новые выборы<sup>77</sup>. Хорошо информированный и квалифицированный специалист по российской политике М. Макфол пишет: «По идее, новые парламентские выборы означали роспуск Съезда народных депутатов. В это время многие радикальные демократы говорили о том, что эта институциональная реформа является ключом к удачному завершению как экономических, так и политических реформ. Тем не менее тогда Ельцин воздержался от каких-либо действий про-

---

<sup>77</sup> «На наш взгляд, историческим моментом, способным стать поворотным пунктом в изменении отношений исполнительной и представительной ветвей власти, был послеавгустовский период 1991 г., когда Ельцин не пошел на перевыборы, удовлетворившись тем, что V Съезд народных депутатов дал ему чрезвычайные полномочия». См.: *Соловьев А.* Взаимоотношение законодательной и исполнительной власти в современном российском обществе: проблемы и перспективы. М., 2001.

тив Съезда... Отсутствие инициативы с его стороны во многом объясняется тогдашней ситуацией»<sup>78</sup>.

Эта тема обсуждалась осенью 1991 года. Ельцин придерживался мнения, что решение о новых выборах было бы ошибкой. Конституционных оснований распустить Съезд народных депутатов, назначить новые выборы у Президента РФ не было. Депутаты не собирались идти на новые выборы и не поддержали бы такое решение. Силowych структур, готовых реализовать указ Президента РФ о роспуске Съезда, тоже не было. Советский Союз де-юре существовал, его роспуск надо было юридически оформить. В этой ситуации конфликт со Съездом народных депутатов России мог привести к анархии в стране. Даже сторонники Б. Ельцина не поняли бы, зачем он ввязался в конфликт с Верховным Советом, который несколько недель назад, в августе 1991 года, его поддержал.

Президент хотел решить конституционную проблему путем переговоров, полагал, что ключевые участники процесса способны понять, в какой степени безвластие опасно для страны. Пытаясь добиться согласия, шел на компромиссы. Ценой этого было ухудшение качества экономической политики, проявившееся во втором полугодии 1992 года.

К маю – июню 1992 года стало ясно, что угроза кризиса продовольственного снабжения крупных городов миновала, рынок заработал, зерно за российские рубли можно было купить. Советский Союз удалось распустить без войн, подобных тем, что развернулись на Балканах после краха Югославии. Удалось решить три ключевые задачи: избежать голода и гуманитарной катастрофы, договориться о мирном роспуске Советского Союза, принципиально согласовать вопрос о том, что советское ядерное оружие будет сконцентрировано в России. За это пришлось заплатить немалую политическую цену. И сейчас непросто объяснить, почему Крым, который по решениям Хрущева отошел к Украине, не является частью России.

---

<sup>78</sup> *McFaul M. Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca: London: Cornell University Press, 2001. P. 151.*

Но ценой этих успехов было политическое самопожертвование. Причем не команды реформаторов, приглашенных Б. Ельциным работать в российском правительстве в начале ноября 1991 года, а самого президента. Он принял необычное для публичного политика решение поставить интересы страны выше собственных. Об этом наглядно свидетельствуют документы. Вот выдержка из речи Ельцина на заседании Правительства в ноябре 1991 года: «Да, действительно, ответственность на нас большая, потому что каждый из нас понимает, что мы идем все-таки в рисковую зону и идем с риском для дела, для политической карьеры своей и авторитета, чего угодно»<sup>79</sup>.

К этому времени Польша, первой из постсоциалистических стран начавшая радикальные экономические реформы, восстановила экономический рост. Можно было предположить, что и Россия, начавшая реформы позднее, пойдет по сходной траектории.

Реальность оказалась жестче. Несхожесть ситуаций в России и в Польше была не только в том, что в России период социалистического эксперимента был более длинным, а экономика была сильнее обременена военными расходами. Важно было иное: Россия воспринимала себя как центр империи, а Польша себя – как оккупированную страну. Для Польши крах восточно-европейской части российской империи был обретением желанной национальной независимости. Для России крушение Советского Союза было крахом империи, к тому же территориально интегрированной.

В Польше бывших коммунистов общество воспринимало как представителей оккупационного режима. Они не имели иного выбора, чем эволюция в сторону социал-демократии. В России коммунистические идеи были тесно связаны с имперским сознанием. Посткоммунистические политические силы стали позиционировать себя как наследников советских традиций.

Те, кто симпатизировал коммунистическому режиму, работали в органах власти всех уровней, к ним можно было причислить более половины депутатов Верховного Совета РФ. Наивно полагать, что это были люди, не понимающие, насколько Ельцин рискует,

<sup>79</sup> Стенограмма заседания правительства РСФСР 15 ноября 1991 г. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5383. 15.11.1991. Л. 5.

какую политическую цену вынужден будет заплатить за роспуск Советского Союза, создание рыночной экономики. Когда у коммунистов оказались политические козыри, они ими воспользовались. Это наглядно показывают решения, принятые Верховным Советом РФ в мае – июле 1992 года, когда влияние Президента в Верховном Совете было скромным, а его право вето легко преодолевалось.

Кульминацией стало принятие 17 июля 1992 года бюджета на 1992 год, когда с голоса были приняты поправки, увеличивающие расходные обязательства государства более чем на 9% ВВП<sup>80</sup>. Нужно учесть, что Верховный Совет в то время реально контролировал руководство Центрального банка России, которое вынуждено было проводить мягкую денежную политику. В таких условиях исполнительная власть была не в состоянии сохранить динамику снижения инфляции, ее темпы во второй половине 1992 – начале 1993 года вновь стали расти.

При всей значимости проблемы инфляции на первый план вышло другое: как уйти от гражданской войны. Летом 1991 года Б. Н. Ельцин на президентских выборах получил 57,4% голосов, при том что ему противостояли пропагандистский аппарат КПСС, официальные органы власти страны. Между маем 1992 и октябрем 1993 года, как уже отмечалось, в России сложилась ситуация двоевластия, похожая на ту, которая существовала между февралем и октябрем 1917 года. Было непонятно, кто принимает окончательные решения.

Ельцин стремился избежать развития событий по сценарию 1917 года. Ключевым вопросом для него было принятие новой Конституции. Уступками в кадровой, денежной и финансовой политике он был готов заплатить за согласие с большинством депутатского корпуса.

В декабре 1992 года казалось, что компромисс найден. Его формула была обозначена на переговорах, организованных в Кремле председателем Конституционного суда В. Зорькиным, с участием членов Конституционного суда, представителей органов исполнительной и законодательной власти. Суть компромис-

---

<sup>80</sup> Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 г. «О введении в действие закона Российской Федерации “О бюджетной системе Российской Федерации на 1992 год”».



са в переводе с официального на простой язык: отставка главы Правительства в обмен на соглашение о том, что Президент и Верховный Совет согласуют проект новой Конституции, вынесут его на всенародный референдум. Если они не сумеют это сделать, на референдум будут вынесены два варианта Конституции.

Этот компромисс, который позволял избежать рисков, связанных с двоевластием, однако, не был реализован. Руководство Верховного Совета спустя несколько недель объявило, что решение было ошибочным, выполнять его не следует<sup>81</sup>.

В тексте, который Б. Н. Ельцин готов был вынести на референдум весной 1993 года, было более сбалансированное соотношение прав и полномочий исполнительной и законодательной власти, чем в Конституции, действующей сегодня. Но провести в тот момент референдум по Конституции из-за противодействия депутатского корпуса не удалось.

В ходе референдума, который состоялся в апреле 1993 года, граждане России высказали свое мнение по другим вопросам. Они подтвердили, что Президент Б. Н. Ельцин пользуется поддержкой большинства российского населения (см. табл. 10)<sup>82</sup>.

Таблица 10

*Результаты референдума 25 апреля 1993 года, % голосов избирателей, утвердительно ответивших на вопрос*

	По России	В Москве	В Санкт-Петербурге
Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?	58,7	75,2	72,8

<sup>81</sup> «2. Признать, что Постановления седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» и «О толковании отдельных положений Постановления седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» утрачивают силу». См.: Съезд народных депутатов РФ. Постановление от 12 марта 1993 г. № 4626-1. О мерах по осуществлению конституционной реформы в РФ (о Постановлении VII Съезда народных депутатов РФ «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»).

<sup>82</sup> Официальные итоги референдума 25 апреля 1993 г. в 90 избирательных округах <http://www.hrights.ru/text/sob/Chapter11.htm>

	По России	В Москве	В Санкт-Петербурге
Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?	53,0	70,0	65,6
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?	49,5	32,9	37,1
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?	67,2	80,3	78,9

После референдума Ельцин считал вопрос о двоевластии решенным. В условиях демократии источник власти – воля народа. Народ спросили. Он ответил. Можно обсуждать вопрос о том, как принимать новую Конституцию, когда депутаты прекратят свои полномочия, на какое число назначать новые выборы. Но, полагаясь на благородство своих оппонентов, президент ошибся.

Лидеры КПРФ и их союзники хорошо понимали, что в кризисных ситуациях, подобных той, которая сложилась в России в 1991–1993 годах, голосование мало что решает. Важно иное – соотношение сил в столицах, способность применять силу. Свое отношение к результатам референдума они продемонстрировали

во время майских событий 1993 года в Москве. «Первомайский праздник вышел кровавым. Причем со стороны стражей порядка пострадавших оказалось больше. Всего в результате столкновений различные раны и травмы получили более 200 сотрудников милиции и около 70 демонстрантов. 27 милиционеров и 12 человек с противоположной стороны попали в больницу»<sup>83</sup>.

Для Б. Н. Ельцина – публичного политика, поставившего своей целью избежать гражданской войны, силовое решение вопроса о власти было неприемлемым. Отсюда отказ распустить Съезд народных депутатов и объявить выборы сразу после референдума, затянувшееся Конституционное совещание лета 1993 года. И все это на фоне постсоциалистической рецессии, падения ВВП, доходов населения, высокой инфляции.

На это противостояние наложилась денежная реформа, проведенная летом 1993 года, которая ликвидировала единую рублевую зону. Реформу, несомненно, надо было проводить. Но выбранная форма оказалась неудачной. Руководство Минфина не было проинформировано о принятых решениях. Большинство граждан не было осведомлено о том, что Центральный банк, проводивший денежную реформу, подчинен не Президенту РФ, а Верховному Совету. Естественное недовольство тем, что летом во время отпусков у миллионов российских граждан не оказывается денег, неизбежно проявилось в снижении доверия к Президенту.

К этому времени вопрос о неизбежности силового противостояния между Правительством и Верховным Советом стал ясен всем, кто был близок к процессу принятия решений: итоги референдума Верховный Совет проигнорировал, компромисс маловероятен. Ядерная держава не могла жить в условиях безвластия, это опасно для мира. Ключевыми стали вопросы: как восстановить эффективную систему власти в России? Когда? Кто победит в противостоянии? Летом 1993 года ответов на них не было.

21 сентября президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по Конституции. После того как Верховный Совет проигнорировал ясно выраженную апрельским референдумом

<sup>83</sup> Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М.: Олимп, 2007. С. 442.

волю народа к продолжению реформ и отверг, одну за другой, все попытки найти разумный компромисс, подобное решение не было неожиданным. И все-таки одно дело продумывать варианты и альтернативы и другое – видеть, как раскручивается маховик силового конфликта с непредсказуемыми последствиями. Большинство в Верховном Совете подчинялось людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм. Иначе говоря, демократически избранный парламент сам становился максимальной угрозой для демократии. Такое в истории уже случалось.

Планировавшийся президентом выход из конституционного тупика не предполагал отмену демократии. Его ключевая идея, главная цель – новые свободные выборы, незамедлительное проведение которых более чем логично, коль скоро политическая линия парламента разошлась с выраженной на референдуме волей народа.

Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым применить силу. Поведение силовых структур предсказать тогда было невозможно. Верховный Совет отказывается разойтись, Конституционный суд объявляет указ президента незаконным. Картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы приведенного Съездом народных депутатов к присяге «президента» Руцкого производят комичное впечатление. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность правительству. Общество в целом воспринимает происходящее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием. К сожалению, спустя несколько дней становится ясно: ощущение относительного спокойствия – всего лишь кажущееся. Белый дом остается мощным центром оппозиции, которая начинает осуществлять свой сценарий развития событий, пытается дестабилизировать обстановку, ведет дело к крови. В Белом доме – большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего стягивающимся с разных концов страны боевикам. Правительство принимает контрмеры, усиливает оцепление вокруг Белого дома, подтягивает дополнительные силы ОМОНа и милиции. Но вы-

нужденная днем и ночью мокнуть под дождем в оцеплении милиция – прекрасный объект для работы агитаторов оппозиции, провокаций. Теперь правительство – в положении обороняющейся стороны, ему приходится менять войска, обеспечивать порядок. Оппозиция организует митинги, демонстрации, участники которых очень агрессивны.

Серьезной поддержки в регионах, на которую могла бы опереться парламентская оппозиция, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению о том, что исход противостояния решится в регионах, ясно: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революций и переворотов – в столице. 2 октября в Москве ситуация продолжает обостряться. Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи в обмен на сдачу находящегося там оружия парламентом сорвано. Но, как не раз бывало, факт достижения такого соглашения воодушевил оппозицию. Заполненное вооруженными боевиками здание Верховного Совета похоже на заложенную в центре страны гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений складывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители – ключевая сила в Белом доме.

В воскресенье, 3 октября, примерно в 16 часов стало известно о крупных беспорядках в Москве, о прорыве оцепления, о разрушении части милиции, о начале штурма мэрии.

Случилось то, чего опасались. Оппозиции удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в силовое русло. Сполохи новой гражданской войны, казалось, уже лизали небо над столицей России. Усилия министра внутренних дел, явно пытающегося сделать все возможное, не дают ощутимых результатов. Мэрия сдана, ОМОН деморализован, милиции в городе не видно. Боевики оппозиции действуют нахраписто и решительно, все увереннее овладевая ситуацией. В сложившихся условиях задействовать армию трудно. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутриполитических конфликтов. Это стало символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Однако

развитие событий 3 октября показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженные отряды, выставленные оппозицией, вот-вот проложат дорогу к власти в России безответственным и опасным экстремистам. Необходимость срочно поднять армейские части стала очевидной. Но будут ли приказы выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, включая министра обороны и президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара. Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения, самого мощного в складывающейся обстановке средства воздействия на ситуацию. Захват «Останкино», обращение Руцкого с телеэкрана создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли поспешить присягнуть победителю. И от всего страшного, что могло произойти вслед за этим, Россию отделяла лишь горстка бойцов «Витязя». Штурм «Останкино» продолжается, боевики оппозиции захватывают новые объекты.

Москва пустая – ни милиции, ни войск, ни прохожих. Радио передает победные репортажи оппозиции: побеждаем, точнее, уже победили, теперь никаких компромиссов, Россия обойдется без президента, пришел последний час ельциноидов... Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. Вскоре после телеобращения центр Москвы заполняется народом.

Около полуночи ситуация в городе наконец начала меняться. Иллюзия, что речь идет о восстании против вражеского, не имеющего поддержки режима, развеялась. Сторонники президента выходят из состояния оцепенения и растерянности.

Указами от 3 и 4 ноября 1993 г. президент Б. Ельцин вводит в Москве чрезвычайное положение и приказывает правительству и силовым структурам принять все меры, необходимые для обеспечения режима ЧП и скорейшей нормализации обстановки, восстановления правопорядка и ликвидации угрозы безопасности граждан.

«Решение использовать вооруженную силу 4 октября в городе Москве основывалось на том, что действия незаконных вооруженных формирований представляли собой реальную чрезвычайную угрозу безопасности граждан, устранение которой было невозможно без применения чрезвычайных мер. Реальность угрозы подтверждается тем, что после освобождения здания Верховного Совета в нем было изъято 643 единицы огнестрельного оружия, в том числе автоматов – 166, пистолетов-пулеметов – 23, пулеметов – 5, пистолетов и револьверов – 426, винтовок – 23, гранатомет – 1, взрывных устройств – 308, в том числе мин-ловушек – 101, боеприпасов – более 175 тысяч. При этом невозможно подсчитать, сколько боеприпасов было израсходовано и сколько оружия вынесли боевики, прорвавшиеся через оцепление»<sup>84</sup>.

К вечеру 4 ноября Белый Дом был от боевиков освобожден. Порядок в Москве 5 октября восстановлен, но политические проблемы, конечно же, не решены, кое в чем они даже усугубились. Но полномасштабную гражданскую войну удалось остановить.

Принятие в декабре того же года новой Конституции позволило обеспечить политическую консолидацию власти. Можно было надеяться, что когда угроза голода миновала, удастся форсировать системные реформы, позволяющие выйти из постсоциалистической рецессии, остановить инфляцию, запустить процесс восстановительного роста.

Развитие событий пошло по-иному сценарию, реформы продвигались медленно и растянулись на годы. Рост начался только в 1997 году, был прерван кризисом 1998 года и вновь восстановился в 1999 году. Впрочем, история этих реформ – тема другой книги.

<sup>84</sup> Котенков А. А., представитель Президента РФ в Государственной Думе. Из выступления в Государственной Думе 13 мая 1999 г.

**ГОСУДАРСТВО  
и ЭВОЛЮЦИЯ**



*Памяти В. И. Селюнина*

ЭТА небольшая работа была написана очень быстро – в августе – сентябре 1994 года. Но долгой была подготовка к ней.

У меня давно назрела потребность осмыслить конкретные, в том числе и тактические, вопросы нашей сегодняшней политической жизни в более общем контексте как российской, так и мировой истории. Каковы те сущностные проблемы и определяющие социальные инварианты, что скрывает под собой волнующаяся поверхность быстро сменяющихся политических явлений? Какие приливы и отливы рождают эти волны и эту пену?

Одно уже совершенно ясно: в России сегодня делается не политика, а история. За нами исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поколений.

Этот выбор происходит повсеместно и постоянно, отражаясь в спорах об инфляции и неплатежах, проценте межбанковского кредита и военном бюджете, геополитических интересах России и соглашении с НАТО, медицинском страховании, борьбе с коррупцией, политике в области образования, об антисемитизме, об отношениях церкви и государства, в каждом камешке многоцветной мозаики политической жизни нашей страны. А истоки такого выбора тянутся издалека, проходят века истории, и не только государства российского.

Второй исходный пункт моих рассуждений можно определить тем уже общепризнанным утверждением, что сущность происходящих конфликтов связана с переделом собственности, с приватизацией. Более пристальный взгляд на то, что стоит за получившими у нас права гражданства терминами «номенклатурная приватизация», «номенклатурный капитализм», приближает нас к самому ядру подспудных процессов, определяющих суть происходящего.

Хотя изучение этого круга вопросов только начинается, следует отметить, что «номенклатурная приватизация» – явление не уникальное. В определенном смысле перед нами один из основных феноменов мирового социально-политического развития. Корни конфликтов, сотрясающих сегодня наше общество, лежат куда глубже, чем в 1917 году.

Работа над этой книгой помогла мне точнее понять, в чем состоит реальный выбор России сегодня; понять и другое – какие социальные интересы (прежде всего интересы элиты) определяли важнейшие поворотные моменты в русской истории XX века. Если эта работа пробудит собственные размышления читателей, я буду считать, что достиг своей цели.

Я не мог бы написать эту книгу без помощи близких людей и единомышленников, прежде всего моего отца, Тимура Аркадиевича Гайдара, а также Л. А. Радзиховского и А. В. Улюкаева. Они прочитали рукопись и сделали ряд важных стимулирующих замечаний, осуществили общее редактирование. Выражаю им глубокую благодарность.

Я посвятил эту работу памяти безвременно умершего Василия Илларионовича Селюнина – не только одного из лучших наших экономистов и публицистов, но и удивительно честного и мужественного политика. Василий Илларионович был настоящим русским человеком, его патриотизм был так естествен, что ему казалось смешно и стыдно вслух об этом говорить. Взгляды, развиваемые в этой книге, как мне кажется, очень близки взглядам Василия Илларионовича на будущее, на перспективы развития нашей страны.

# ГЛАВА I

## Две цивилизации

Запад есть Запад,  
Восток есть Восток,  
не встретиться им никогда..

*Р. Китлинг*

## 1

Отшумели горячие споры 1987–1991 годов. Сегодня мы понимаем, что противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии. Необходимо было громко и недвусмысленно заявить, что с социализмом в России покончено навсегда, что наше будущее – на путях рыночной экономики, но ограничиться этим нельзя.

Несомненная правда, что большинство стран с рыночной, капиталистической экономикой (точнее, с элементами такой экономики) пребывает в жалком состоянии, застойной бедности. Народ в этих странах живет куда беднее, чем в России, только вступающей на рыночный путь, хотя миллионеры там есть (как есть и у нас). Сам по себе отказ от социализма еще не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, на что надеялись многие в 1990 году, наивно полагая, что достаточно поменять фетиши и можно почти задаром, только за отказ от «коммунистического первородства» получить «капиталистическую похлебку», обменять «Капитал» на капитал. Но в странах «третьего мира» людей живет куда больше, чем в странах «первого мира», а из нашего бывшего «второго мира» ворота открыты как в один – с его процветанием, так и в другой – с удручающей нищетой. На этот простой и очевидный факт постоянно ссылаются «патриоты», коммунисты и другие критики капитализма. Вот только рецепт – что делать, чтобы страна не опустилась до уровня «третьего мира», чтобы по экономическому и социальному развитию Россия прочно заняла место в «первом мире», – они выписывают, как говорится, с точностью до наоборот.

Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционное противопоставление «Восток – Запад». Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века. С тех пор многие страны Востока (в том числе и самого дальнего) стали умело использовать принципы западной социальной системы. И именно эти страны, как известно, добились наибольшего процветания.

Видный представитель западной философии истории А. Тойнби в своем фундаментальном анализе всемирно-исторического процесса<sup>1</sup> выделял 21 цивилизацию в истории человечества, из которых под категорию «западная» подпадают лишь 2. Однако, опираясь на данную им классификацию, остальные 19 цивилизаций нельзя было бы признать как «восточные». Разумеется, я ни в малейшей степени не претендую на попытку подобного описания. Те ключевые признаки, системообразующие факторы, которые я буду использовать ниже, говоря о западных и восточных цивилизациях, имеют более локальный характер. Пусть их недостаточно для объяснения всего многообразия исторических феноменов, но они необходимы для определения стратегических путей развития российского общества и государства.

Прежде всего я воспользуюсь актуальными до сих пор характеристиками Маркса, сделанными им при анализе «азиатского способа производства», потому что эти характеристики, к сожалению, имеют слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны. Сам анализ Маркса опирался на мощные, идущие с XV века европейские традиции осуждения «восточного деспотизма» и осознания себя в противостоянии с Востоком. «Ключ к восточному небу» Маркс видел в отсутствии там частной собственности. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит... производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. ...Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»<sup>2</sup>.

Земельная собственность – основа основ всех отношений собственности. Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при

---

<sup>1</sup> См.: Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 77–79.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. П. С. 354.

несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии (часто принимающее деспотические формы) – вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам «третьего мира» даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что эта отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться и далее.

Такое положение дел имеет в своей основе глубокие объективные исторические причины.

Всему бесконечно разнообразному несвропейскому Древнему миру и средневековью чужды четкие гарантии частной собственности и прав граждан, а также подчинение государства обществу. Частную собственность, рынок государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата. Поборы, конфискации, ущемление в социальном статусе, ограничение престижного потребления – вот судьба даже богатого частного собственника в восточных деспотиях, если он не связан неразрывно с властью. Именно власть здесь главное: она и ключ к тому, чтобы, когда позволят обстоятельства, поднажиться, и она же – единственно надежная гарантия против конфискации. Потеряешь должность – отнимут состояние. Собственность – вечная добыча власти. А власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся.

Кодексы восточных империй – обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника.

«Сильное государство – слабый народ» – принцип легиста и реформатора Шан Яна<sup>3</sup> – концентрированное воплощение идеа-

---

<sup>3</sup> Шан Ян – ученый и политический деятель, наиболее известный представитель легистов Древнего Китая, сформулировал основные положения фацзя – философской школы законников, автор легистского канона «Книга правителя области Шан».

ла восточных государств. Но слабость народа губительно сказывается и на государстве. Прежде всего это происходит в силу ряда важнейших особенностей системы, при которой собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична.

Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т.е. ликвидным, дающим быструю отдачу бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается главного собственника – чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической, а организация сложной экономической деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда же и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, разумеется, опять за счет ограбления частного сектора.

Во-вторых, крупные переделы собственности становятся практически неизбежными вместе с политическими кризисами, сменами власти – ведь собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственность. Если значительной собственностью нельзя завладеть, не занимая сильных властных позиций, то именно запах собственности стимулирует политические катаклизмы. Все новые и новые властные группы и отдельные лидеры готовы штурмовать власть (в том числе и по горам трупов), преследуя не столько политические, государственные цели, сколько цели грубо меркантильные, прикрытые той или иной формой демагогии.

Отношения собственности становятся такими же нестабильными, как и политические. Власть оказывается привлекательной вдвойне: и как собственно власть, и как единственный надежный



источник богатства, комфорта. Политические кризисы превращаются в страшные разломы всей социально-имущественной структуры общества. Все это в совокупности опять же не дает обществу развиваться, гоняет его по кругу застойной бедности. А чем беднее общество, тем сильнее стремятся к богатству его лидеры.

В-третьих, само мощное государство на поверку изнутри оказывается слабым, трухлявым. Его разъедают носители государственности – чиновники, не прекращающие охоты за собственностью.

Обычная коррупция быстро приводит к формированию значительных состояний. Чиновники интуитивно стараются стабилизировать свое положение, конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу наделы наследуются, затем начинают продаваться. Чуть ослабнет власть – назначенный воевода начинает вести себя как независимый князь. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечивать государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников.

«Государство – это я» – формула, по которой развивается чиновничья приватизация. Собирать налоги в свой карман, пользоваться государственным имуществом как своим – вот их формула приватизации.

Такая приватизация, естественно, разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. Чиновники и после приватизации остаются чиновниками. Они и не думают «отделиться от государства», прихватив свою собственность. Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти.

В рамках такой «перестройки» существующей системы не происходит формирования института настоящей легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Замкнутый круг, в котором вращается восточная цивилизация, не разрывается, начинается новый виток.

Истощенное – государственнымниками – государство в конце концов рушится. Новый государь – один из соперничающих сановников, или вождь крестьянского восстания, или сосед-завоеватель, или кочевник – вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность. Все повторяется.

Конечно, ярче всего такой династический цикл виден в истории Китая. Но его нетрудно найти и в Египте, и в государствах Средней и Западной Азии.

Для предпринимателя, частного собственника этот повторяющийся цикл не оставляет надежд. В период укрепления империи он под мощным контролем и подозрением, под вечным риском конфискации. Ослабление империи открывает дорогу хаосу, междоусобицам, разбоям, чужеземным завоеваниям, когда ничего не гарантировано. В период своей мощи восточная деспотия опасна, при ослаблении – невыносима.

Само понятие реформ в неевропейской древности неразрывно связано с новым возрождением одряхлевшего в предыдущий период государства, но на старых основаниях: ужесточение контроля за земельной собственностью, повышение эффективности бюрократической машины, нажим на группы, не поглощаемые государством, т.е. на знать, частных собственников.

В истории восточные общества возникли за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом общежитии, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности. Исторически власть первична по отношению к собственности. Само накопление собственности становится возможным во многом благодаря тому, что власть структурирует, организует человеческую общность и ее деятельность. Естественно, что затем отношения собственности начинают размещаться внутри уже сложившейся «матрицы власти».

Твердо подчиняя собственность власти, восточные общества (не отдельные законы, не династии, а базовая социально-экономическая структура этих обществ) остаются в высокой мере стабильными. Бурные метаморфозы в них начались, пожалуй, лишь в конце XIX–XX веке, в процессе массивного взаимопроникновения разных типов цивилизаций.

Западная система отпочковалась от обществ восточного типа во второй трети 1-го тысячелетия до н.э. в Греции. Возникновение этой системы характеризуется как «треческое чудо» и остается неразгаданной загадкой. Известный исследователь Востока Л. Васильев пишет: «Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам»<sup>4</sup>.

Лишь в XIX веке «Запад» и «Восток» по-настоящему встретились. Эта встреча показала преимущества западной системы: экспансия в самых разных формах шла с запада на восток и никогда в обратном направлении (пока Япония и другие восточные драконы не ассимилировали важнейшие элементы западной системы настолько успешно, что смогли вступить в конкуренцию с наиболее развитыми странами Запада).

В чем же главный смысл «западной мутации»? О нем мы можем судить хотя бы по позднейшей рефлексии западных исследователей, с изумлением констатирующих отсутствие на Востоке такого краеугольного элемента западной системы, как разработанное понятие свободной от государства частной собственности, прежде всего земельной. Значит, главное в «треческой мутации» то, что отделило ее от восточной прародительницы, – изменение отношений собственности, возникновение развитой системы частной собственности, легитимной юридически и социально-психологически, все более независимой от государства. Частная собственность впервые стала действительно частной, перестав быть одним из атрибутов власти<sup>5</sup>. Позднее отношения частной

---

<sup>4</sup> *Васильев Л.С.* История Востока. Т. I. М, 1993. С. 17.

<sup>5</sup> Описывая этот процесс, Л. Васильев отмечает: «Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры (традиционных обществ в античной Греции. – *Е.Г.*) был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов (т.е. рабов, принадлежащих не государству, а частным лицам. – *Е.Г.*) при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н.э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире».

собственности превратились в нечто самоочевидное, и уже стало казаться удивительным то, насколько слабо они представлены в восточных обществах.

В результате постепенно сложилась система, где само государство – не повелитель, а инструмент в руках полиса. Права гражданина, не подлежащие сомнению, – аксиома. Разумеется, и Греция, и Рим видели немало тиранов, насилия, произвольных конфискаций, но все это уже как поверхностные волны над мощным пластом укоренившихся частнопровых отношений. То, что в восточном мире – естественное право, обязанность власти, здесь – нетерпимая тирания и произвол.

Даже когда Римская империя погибла и завоевавшие ее варвары смешали всю систему сложившихся отношений собственности, частного права, разрушили развитые социальные, административные институты, принесли на остриях своих мечей традиционно восточные социальные установления, античное социальное наследие не исчезло бесследно, а сохранилось (хотя бы в виде ментальной традиции) и затем медленно, упорно модифицировало феодальные установления, право, усиливало процессы приватизации, обеспечивая их идеологическую базу.

Феодальная система, сформировавшаяся в Европе на обломках античной империи, в отличие от нее не заключала в себе ничего уникального для мировой социальной практики. Тенденция к феодализации при ослаблении централизованной власти – хорошо известная черта древних государств. Если мощной централизованной бюрократии не существует, земли дробятся на уделы воинами. Последние стремятся превратить условные владения в полные. Традиция им в этом помогает. Назначенные управлять областями князья обретают независимость, право наследования. Община рядом с замком рыцаря имеет защиту от разбойников. Он скорее поможет, чем далекий король со своей армией.

Частной собственности на землю в римском или современном смысле этого слова в средние века нет и быть не может. Землю считают своей, имеют на нее пересекающиеся права и король, и граф, и рыцарь, и община, и крестьяне. Похожие структуры мож-

но найти и в Китае периодов Чуньцю<sup>6</sup> и Троецарствия<sup>7</sup>, и в Японии при Фудзиваре<sup>8</sup>, и во многих других регионах и эпохах.

Что здесь действительно выделяет Европу, так это многовековая стабильность феодальной системы, а также многовековая «слабость» (гибкость) государственной власти.

С X века, после того как в Западной Европе улеглась последняя крупная волна смуты и перемещений, связанная с завоеваниями венгров, арабов и викингов, на протяжении столетий здесь сохранялись раздробленность государственного устройства и устойчивые феодальные отношения. Проносились династические войны, сшибались отряды королей и феодальных баронов, но это были не глобальные потрясения, они не рвали из социальной почвы корни, срезались только верхушки. Победенных не вырезали поголовно, не уводили в плен. Войны не требовали максимального напряжения всех сил общества, его полного подчинения государству ради выживания нации, не приводили к необходимости концентрации в руках короны прав земельной собственности.

Обобщая, можно сказать, что политические потрясения на Западе в значительно меньшей степени, чем на Востоке, вели к глобальным сменам целых слоев собственников, ко все новым перекраиваниям собственности.

Одна феодальная семья нередко распоряжается одними и теми же землями и в X, и в XV веках. Феодал XIII века по своей психологии и поведению уже не разбойник, не едва севший на землю рэкетиер IX века. Его семья веками связана с крестьянами совместной жизнью, укоренившимися привычками, обычаями, регламентирующими нормы крестьянских обязанностей, их права. Как отмечал Джон Стюарт Милль, «обычай – самый могущественный защитник слабых от сильных»<sup>9</sup>. Так складывается основа обще-

---

<sup>6</sup> Чуньцю – период (722–481 гг. до н.э.) эпохи Джоу в Китае. Характеризовался междоусобной борьбой между царствами, возникшими на базе раннеджоуских уделов.

<sup>7</sup> Троецарствие – период в истории Китая (220–280), получивший название по числу трех царств (Вэй, У и Шу), образовавшихся после распада в 220 г. империи Хань. Отмечен борьбой между царствами.

<sup>8</sup> Фудзивара – высший слой феодальной аристократии, находившийся у власти в Японии в VII–XI вв.

<sup>9</sup> Миль Дж.С. Основы политической экономии. М., 1980. С. 395.

ства – чувство легитимности (нелегитимности) тех или иных действий человека и государства. Легитимность наполняет воздухом писанные законы, делает их не бумажными, а живыми и, соответственно, превращает нарушение закона в дело морально трудное и небезопасное. Не будь легитимности, общество действительно стало бы ареной войны всех против всех<sup>10</sup>.

Отношения частной собственности в Европе оставались легитимными при всех потрясениях. Обычай не только хранитель старого, но и механизм трансформации земельных отношений. Если обязанности крестьян четко определены, то что может препятствовать замене натуральных обложений и отработки денежными выплатами, когда с постепенным восстановлением торговли европейская экономика теряет чисто натуральный характер? Государство не перераспределяет земли между феодалами. Претензии короны на роль верховного собственника земли вне королевского, частного домена со временем обесцениваются. Привычно разделены земли манора<sup>11</sup> на те, которыми распоряжаются крестьяне, и собственно сеньориальные. И там и там постепенно формируются традиции денежной аренды, удлиняются ее сроки. Общинная земельная собственность шаг за шагом отступает перед частной. Отношения «лорд – слуга» уступают место отношениям «землевладелец – арендатор».

Уже в XIII веке в Англии фримены получают право продажи земли без согласия лорда. Обычай укореняется, на смену смешанному, феодальному праву на землю медленно идет частная земельная собственность.

Именно невесильность европейского феодального государства – источник формирующейся вне его, рядом с ним сложной, дифференцированной структуры гражданского общества европейского средневековья. Церковь не подчинена государству, ее мощные иерархические организации, уцелевшие с римских времен, существуют параллельно с ним, создавая альтернативные каналы социального продвижения, ограничивая произвол монарха.

<sup>10</sup> Афоризм английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), по мнению которого государство возникло как результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех».

<sup>11</sup> Манор – феодальная вотчина в средневековой Англии. Сложилась в XI–XII вв.

Торговые города возникают под покровительством монарха или сеньора<sup>12</sup>, под защитой укрепленных пунктов, но быстро обретают собственную жизнь, иерархию, развитое самоуправление. Они во многом не похожи на находящиеся под жестким присмотром государства современные им города Востока.

До этого через слой варварских обычаев то там то сям лишь проступали прикрытые, но не уничтоженные институты античности: римское право, частная собственность, гражданские права и свободы. Феодальное общество открывает их заново, когда в своей многовековой эволюции создает для них социальную базу.

Власть и собственность дифференцируются, расходятся, теряют свою неразрывность. Освященная традицией собственность уже не конфискуется по произволу, хозяин уже не теряет ее просто из-за того, что не занимает видного места в системе власти. Да и бурное развитие сферы частнопредпринимательской деятельности, в первую очередь торговли, создает иные, чем близость к власти, источники обогащения. Появление развитых рынков дает дополнительные гарантии против злоупотреблений властью, конфискаций. На отток капитала как на ограничитель произвола обращал внимание еще Ш.Монтескье<sup>13</sup>.

Обычай отделять собственность от места в структуре власти прокладывает дорогу усложнению социальной структуры, множественности иерархий, не поглощаемых государством. Как самостоятельные, но взаимосвязанные силы действуют само государство, наследственная аристократия, иерархия земледельцев, города и буржуазия, церковь. Именно в этой ситуации возникают предпосылки накопления наследственного богатства, формирования частных капиталов для развития<sup>14</sup>.

---

<sup>12</sup> Сеньор – в Западной Европе в средние века феодальный земельный собственник (собственник сеньории), имеющий в подчинении зависимых крестьян (а часто и горожан).

<sup>13</sup> *Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.*

<sup>14</sup> Анализ этих предпосылок можно найти у Ф. Броделя: «Общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизировано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и того постоянного накопления, без которого ничего не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались, чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господ-



Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства – твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения.

---

ствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если и не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание» (*Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1988. С. 610*).

Для нас особенно важно понять, какой была роль феодального государства в генезисе европейского капитализма.

Здесь можно выделить несколько моментов. Уже говорилось, что слабое государство – основа европейского социально-экономического прогресса. Но разве не государство должно гарантировать именно сохранение традиций, возможность мирного накопления из поколения в поколение? Разве не государство – гарант того, что не будет насильственного перераспределения собственности? Разве не государство – защитник как от внешних грабителей-завоевателей, так и от «своих» феодалов?

Как же возможно решение всех этих жизненно важных для общества задач без сверхмощного государства? (На примере Речи Посполитой хорошо видно, к какой национальной катастрофе может привести слабость государства.)

История недвусмысленно демонстрирует, чем оборачиваются для общества преимущества обладания сильным государством. На Востоке государство «защищало» общество, превратив его в свою часть, а точнее, просто не дав ему развиваться, накрыв, зажав, придавив его своим панцирем.

Да, сильное, жесткое государство теоретически дает гарантию защиты прав собственности, защиты от других государств, от феодалов и т.д. Но платить за это приходится непомерно большую цену, ведь государство слишком сильный защитник. И оно не защищает собственника от самого страшного врага, наиболее могущественного, всепроникающего, – от самого государства.

Общество должно было накопить сил для того, чтобы безбоязненно принять такого «защитника», как сильное государство. Общество с традициями (в том числе правовыми), с развитой социальной дифференциацией, с глубоко укоренившимся убеждением в независимости человека и его собственности от воли государства с институтами, защищающими эту независимость, – такое общество было внутренне готово не сломаться под тяжелой рукой государства, а наоборот, использовать в интересах своего развития силу государственной машины. Если государство, и

только государство, делает собственность легитимной (дает ей законность, правовые основания), рынка не будет. Если легитимность собственности не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом.

В Европе, где вопрос о физическом выживании этносов все-таки не стоял, сложилась уникальная ситуация – развитие общества стало обгонять развитие государства. Возникла элита (в том числе наследственная), ощущавшая свою независимость от государства, бывшая фундаментальной частью социальной системы, а не ше-стеренкой государственной машины.

В появлении сильных государств в Европе, где общество было к этому подготовлено, нет чуда предустановленной гармонии. Развитие общества, формирование рынка давали толчок интеграции наций, разрушали рыхлую феодальную структуру. Национальные государства вызревали из общества, а не надстраивались над ним, как гигантский идол. Так было в Англии и Франции в XVI–XVII, в Пруссии – в XVII–XVIII веках.

Экономическая политика европейских государств всегда была достаточно активной и лишь в редких случаях сводилась к чисто фискальным функциям. В каком-то смысле «государственный капитализм» характерен на Западе не столько для XX, сколько для XVII–XVIII веков, когда господствовала политика государственного меркантилизма, способствовавшая первоначальному накоплению, ведь государство вело активную торговую и колониальную политику (вплоть до войн), принимало непосредственное участие в создании Ост-Индских и Вест-Индских компаний в Англии и Франции, в строительстве флота (а в XIX веке – железных дорог), в становлении военной промышленности и т.д.

Но все эти государственные усилия шли не «поперек», а «вдоль» естественной линии развития, задававшейся рынком. Все эти усилия государства разворачивались на заранее четко очерченном поле легитимной частной собственности, свободного рынка (хотя и ограниченного в ряде случаев протекционистскими тарифами), разделения власти и собственности. Не входя «внутри» частных владений, в пределах этих рамок государство работало на усиле-

ние капитализма, на его развитие, а не на подавление. Гибко приспособившись к характеру рыночных отношений, европейские государства уменьшили степень своего влияния на экономику в XIX веке, когда частный капитал уже накопил достаточно сил для саморазвития.

Европейским западным обществам удалось найти самое эффективное в известной нам истории человечества решение главной задачи: оптимального соединения традиций и развития.

На Востоке реализуется ригидность и жесткость системы, которая кроваво ломается и восстанавливается в прежнем виде. На Западе – рост на базе традиций, рост, снимающий противоречия, позволяющий суммировать и материальные, и духовные итоги жизни предыдущих поколений.

Это не апологетика. Бесспорный успех западной системы во все не является для нас некоей полной и абсолютной истиной и не заслоняет других граней происходящего. Потрясений и кризисов хватало и хватает и в западных обществах, развитие продолжается, и, возможно, за поворотом их ждут новые бури, о которых мы пока не догадываемся. Буржуазно-демократическая система включает множество очевидных недостатков, несправедливостей и во всяком случае не является «конечным выводом мудрости земной», каким-то «кэпши-эндом» человеческой истории. Капитализм, безусловно, не представляет собой воплощение некоей «абсолютной идеи» всемирной истории. Вероятно, по мере интеграции человечества разовьются путем конфликтов и борьбы новые формы общества, новые межгосударственные, мировые формы общежития. О буржуазной демократии прекрасно сказано, что это самая худшая форма правления... не считая всех остальных. Что же, действительно среди цивилизаций, функционирующих в последние века на исторической сцене, западная оказалась наиболее эффективной.

Наиболее опасный вызов, с которым столкнулся европейский капитализм в своем развитии, исходил изнутри его самого. Он был связан с медленно накапливавшимися изменениями в XVIII-XIX веках, которые под влиянием технических открытий и социально-политических перемен внезапно резко ускорились.

И непривычно бурный прогресс нес в себе немалые опасности. Казалось, что европейский корабль сорвался с ясного курса, попал в шторм, что европейская история завертелась в губительной «диалектической» ловушке. Об этом с грозным, «мефистофельским» торжеством писал Маркс: «Современное буржуазное общество... создавшее, как бы по волшебству, столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»<sup>15</sup>. И далее еще более грозно, торжественно, диалектично: «Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, пролетариев»<sup>16</sup>.

Как известно, Маркс в результате своего анализа капиталистического общества пришел к неверным выводам. Он считал, что буржуазные производственные отношения отстают от производительных сил. В действительности же бури, которые трясли Европу добрых 100 лет – с 1848 до 1945 года, – которые назывались «социализм», «коммунизм», «фашизм», «нацизм» и действительно угрожали несколько раз вырвать с корнем дерево европейской цивилизации, – эти бури имели совсем иную природу.

<sup>15</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 429.

<sup>16</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 480.

Урбанизация, слом традиций привычного образа жизни дают основания для революции «надежд», резкого роста притязаний все еще бедных низших классов. С падением сословных перегородок идея всеобщего равенства овладевает массами и становится материальной силой – силой тарана. Захватывает она не столько пролетариев, сколько «растиньяков» – молодых честолюбивых маргиналов, не видящих для себя возможности занять «причитающееся» им высокое положение, мирно карабкаясь вверх по общественной лестнице. Остается другое – швырнуть эту лестницу оземь и попинать ногами. «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Право, не знаю, что тут пролетарского! Откровенный гимн юных честолюбцев. Не случайно все вожди наиболее крупных разрушительно-революционных движений были как раз типичными представителями бесприютной интеллигенции, не находящими себе достойного места под солнцем, будь то Маркс, Бакунин, Ленин, Троцкий, Муссолини, Сталин или Гитлер. Конечно, я далек от того, чтобы приравнять крупнейшего мыслителя и блестящего публициста Маркса к уголовнику Джугашвили или параноикуманьяку Шикльгуберу. Но общее в одном – в принадлежности к маргинально-интеллигентской среде, хотя и к совершенно разным ее уровням.

Г. Уэллс, например, прямо писал, что он не сочувствует марксистской теории, которую считал «скучнейшей», и собирается когда-нибудь вооружиться бритвой и ножницами и написать «Обритие бороды Карла Маркса», но симпатизирует марксистам, из которых мало кто прочитал весь «Капитал»<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> Г. Уэллс дает сочное живописание того, как воспринималась марксистская теория в его время: «Это учение и это пророчество неодолимо завладели всеми душами молодежи всех стран, и в особенности душами тех молодых людей, которые исполнены сил, наделены воображением и вступают в жизнь без достаточного образования, без средств, попадая в наемное рабство, неизбежное при существующем у нас экономическом строе. Они на себе испытывают общественную несправедливость, тупое бездушие, чудовищную бесчеловечность нашего строя: они сознают свое унижение, чувствуют, что их принесли в жертву; и они посвящают себя борьбе за разрушение этого строя, борьбе за свое освобождение. ...В четырнадцать лет, задолго до того, как мне довелось услышать о Марксе, я и сам был марксистом в

Быстрорастущие производственные возможности, кажущиеся неисчерпаемыми, и на их фоне сохранение бедности, рост социального неравенства, противопоставление четкой организации производства на фабрике видимому хаосу рыночных механизмов, оборачивающемуся безработицей, кризисами перепроизводства, — все это естественная питательная среда распространения радикальной антикапиталистической идеологии, связывающей все беды современного общества с частной собственностью и рынком, а надежды на светлое будущее — с их устранением, «обобществлением» производства. Именно к этим кажущимся очевидными фактам апеллирует и наиболее развитая, законченная, интеллектуально привлекательная форма антикапиталистической идеологии — марксизм, дающий своим сторонникам целостную картину мира, нравственное мессианство светской религии и убедительность рационализма.

Итак, европейский кризис — это кризис технического прогресса, обогнавшего традиции, кризис надежд, кризис слишком больших ожиданий, на фоне которых «вдур» невыносимыми становятся, казалось бы, привычные неравенство, бедность. Это кризис не рыночных производственных отношений, как думал Маркс, а их легитимности. Это острое покушение на легитимность.

Кризис капитализма был слабее всего выражен в его цитадели — в Англии. Казалось бы, там-то кризис производственных отношений — именно вследствие их наибольшего развития — должен был достичь максимума. Однако случилось противоположное. Кризис буржуазного сознания в викторианской и поствикторианской Англии Форсайтов оказался самым слабым именно потому, что идеи свободы личности и неприкосновенности частной собственности в сознании англичан были укоренены глубже, чем на континенте.

Но как бы то ни было, становой хребет европейской цивилизации — пронесенное через века, воспитанное веками убеждение в легитимности частной собственности («священное право част-

---

полном смысле этого слова. Мне пришлось внезапно бросить учение, поступить на работу в отвратительную лавку, и вся моя жизнь превратилась в тяжкий, изматывающий труд. Этот труд был так тяжок, а рабочий день так бесконечно долг, что не приходилось даже и помышлять о самообразовании. Я поджег бы эту лавку, если б не знал, что она выгодно застрахована» (*Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1970. С. 62–63).

## Введение

---

ной собственности») – внезапно подвергается яростной интеллектуальной и эмоциональной критике со стороны людей, которые с «пагубной самонадеянностью» (отсюда название книги Ф. Хайека<sup>18</sup>) собираются строить «новое общество» по лекалам собственного изготовления. Традиционное иерархизированное частнособственническое общество кажется обостренно несправедливым. Соответственно, легитимной оказывается зависть, которая вдруг превращается в «благородное негодование», в итоге выливающееся в апологию равенства и, далее, в допущение возможности использовать «хирургические» решения в целях перераспределения богатства. Для реакционеров этот процесс иногда сопровождается переводом с «главного», марксистского, в «боковое», расистско-шовинистическое, русло (ограбить не всех богатей, а только «неарийцев»).

---

<sup>18</sup> Хайек Ф. – видный австрийский экономист, лауреат Нобелевской премии.



Как же ответил Запад на вызов марксизма? «Ирония истории» (о которой так любил говорить гегельянец Маркс) повернулась своим острием против самого Маркса, показав тем самым, что она универсальна и любимчиков не имеет. Его теория в итоге оказалась для Запада не цианистым калием, а прививкой, предупредившей действительно смертельную болезнь.

Не механическое подавление марксистской оппозиции, а ее ассимиляция (подчас под аккомпанемент антимарксистской риторики) – таков был реальный ответ капиталистического общества. Ассимиляция, конечно, была болезненной. В конце XIX – начале XX века Запад пережил мучительную мутацию, но вышел из нее живым и здоровым. «Закат Европы», о котором так много говорили фашисты и коммунисты (а также свободные европейские интеллектуалы), не состоялся.

Два мыслителя сыграли выдающуюся роль в отражении революционного вызова Маркса – Э. Бернштейн и лорд Дж. Кейнс.

Бернштейн в книге «Проблемы социализма и задачи социал-демократии»<sup>19</sup> изложил теорию социал-реформизма, куда более опасную для ортодоксального марксизма, чем «исключительный закон против социалистов», действовавший в Германии в конце прошлого века. Бернштейн противопоставил революции и насилию социальный компромисс, с помощью которого можно смягчить самые острые и несправедливые противоречия в демократическом обществе. Это выражено в его знаменитом лозунге-афоризме, который помог выпустить без взрыва весь марксистский пар: «Конечная цель – ничто, движение – все».

С конца XIX века нарастает тенденция социализации капитализма. Сословные перегородки были сломаны (на фоне их резкого, истинно феодального усиления в странах «реального социализма»), обеспечено в максимальной степени формальное и фактическое равенство людей перед законом, и все это не ценой революции, а, наоборот, благодаря усилению демократических

<sup>19</sup> Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1899.

традиций. Были устранены уродливые формы неравенства. Универсальной нормой стало всеобщее избирательное право. Развитие трудового законодательства обеспечило защиту прав наемных работников. Формируется система пособий по безработице, пенсионного обеспечения, государственных гарантий образования и здравоохранения.

Не менее важными были перемены в экономической политике.

Суть их сформулировал, как известно, Кейнс, с успехом заменив марксистскую революцию кейнсианской эволюцией.

Книга Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936)<sup>20</sup> появилась, когда мир приходил в себя после «великой депрессии» – самого мощного экономического кризиса в истории капитализма. Кризис этот шел на фоне казавшихся блестящими и неоспоримыми успехов «социалистического планового хозяйства» в СССР и начавшегося подъема «плановой экономики» (четырёхлетний план) нацистской Германии. «Кейнсианская мутация» свободного капитализма заключалась в том, что были предложены и конкретные меры, и экономическая методология, направленная на сокращение безработицы, увеличение платежеспособного спроса, преодоление кризиса при сохранении частной собственности; все это позволяло достичь значительного увеличения эффективности государственного регулирования экономики. Кейнсианство в отличие от марксизма не было пронизано глобально отрицательным разрушительным пафосом. Это была конкретная реформистская теория с достаточно мощным инструментарием.

С экономической идеологией кейнсианства перекликается «новый курс» президента Ф.Д. Рузвельта<sup>21</sup>. В условиях тяжелейшего кризиса, повальной безработицы американская администрация смогла поступиться принципами классического свободного капитализма – пошла на значительное вмешательство государства в экономическую жизнь. Это во многом помогло

---

<sup>20</sup> Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993.

<sup>21</sup> Рузвельт Франклин Делано – 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии (4 раза избирался на этот пост). Провел комплекс реформ, существенно изменивших облик американской экономики («новый курс»).

спасти ситуацию. «Новый курс» получил права гражданства и в послевоенной Европе.

Сегодня, по прошествии 50-60 лет со времен «нового курса» и расцвета кейнсианства, мы можем точнее понять смысл мутации, которую претерпел классический капитализм в первой половине XX века, превратившись в социальный капитализм.

Предпосылками этой мутации был и духовный кризис Первой мировой войны (кризис легитимности основных капиталистических институтов), и тяжелый экономический кризис, потрясший мир в 1929 году.

«Социализация капитализма» в действительности включает две различные, иногда совпадающие, а иногда и противоположные линии.

Первая линия – социально-политическая: ликвидация любых юридических привилегий богатых слоев общества, всяческое расширение социально-политической роли низкостатусных групп, многочисленные социальные гарантии в области медицины, образования, занятости, пенсионирования и т.д., финансируемые за счет налогов, и сама система прогрессивного налогообложения частных лиц, в том числе налоги с наследства.

Вторая линия – экономическая: активная бюджетная и денежная политика государства и попытка ее использования для управления совокупным спросом, уровнем занятости, а также национализация (на условиях выкупа) целых секторов экономики.

Сейчас можно достаточно уверенно сказать: главный итог социализации капитализма в экономике заключается в том, что удалось спасти западное общество, сохранив его неизменным в важнейших, системообразующих аспектах: легитимная частная собственность, рынок, разделение собственности и власти; удалось сохранить традиции, не расщепить их скальпелем лево-правого экстремизма. В самые опасные 30-е годы, используя руль «нового курса», удалось благополучно провести «западный автомобиль» между обрывами коммунизма и национал-социализма. «Полумарксизм» на западной почве оказался защитой от настоящего марксизма, реформизм защитил от революции и тоталитаризма.

Коль скоро рынок был сохранен, легитимность частной собственности устояла, в дело вступили защитные механизмы саморазвивающейся экономики.

Государственное регулирование и социальный реформизм позволяют избежать взрыва со стороны низов, но сами по себе они не ведут к экономическому прогрессу. Напротив, результаты долгого и последовательного проведения такой политики известны – блокировка экономического роста, бюджетный кризис, рост инфляции, сокращение частных и низкая эффективность государственных инвестиций, бегство капитала, в конечном счете застой и рост безработицы, т.е. именно то, против чего была направлена кейнсианская политика.

Поэтому с 70-х годов маятник экономической политики на Западе пошел в противоположную сторону. Начался возврат к традиционным ценностям либерализма, свободного рынка. Одним из выражений этого стала экономическая теория монетаризма – законная наследница классического либерализма. Политическую поддержку она получила с приходом к власти политиков «консервативной волны» в конце 70-х – начале 80-х годов, прежде всего М. Тэтчер, Р. Рейгана. Была проведена массированная приватизация национализированных предприятий, началось решительное наступление на инфляцию – родную сестру избыточного вмешательства государства в экономику.

Я не буду вдаваться в детали развернувшейся у нас в средствах массовой информации и в парламенте дискуссии о путях экономической реформы. Отмечу лишь, что ни один здравомыслящий политик не будет игнорировать чужой опыт и не станет механически копировать его. Поэтому предъявленные нам в свое время обвинения в том, что мы хотим строить государство, заменив марксистскую догму догмой монетаристской, не могут восприниматься иначе как заведомая демагогия<sup>22</sup>.

---

<sup>22</sup> В связи с этим вспоминается, как в свое время на Съезде народных депутатов Р.И. Хасбулатов попытался затеять публичную дискусию. Вот, мол, существуют разные концепции рынка – социально ориентированное государство с высокими налогами («шведская модель») и классически капиталистическое, либеральное (американская модель). Он, Хасбулатов, – сторонник первой, Гайдар – последней. И пусть депутаты (голосованием, по-видимому!) и выбирают между этими моделями путь развития для России.

И кейнсианцы, и монетаристы, и социально ориентированное государство, и «классическое рыночное», и либерально-консервативные и социал-демократические правительства на Западе – все это относится к одной глобальной традиции, которую они сумели сохранить, – к социально-экономическому пространству западного общества, основанного в любом случае на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т.д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем – вот наша задача. Решим ее, тогда и поспорим о разных моделях.

Реальная альтернатива у нашей страны сегодня совершенно другая.

Капитализм кануна XXI века отделяют от капитализма «классического» 100-150 насыщенных событиями лет интенсивного развития и социально-экономических преобразований. Именно в этот новый капитализм нам предстоит входить, а вот в какой роли, это уже зависит от нас, от той политики, которая будет проводиться в России.

Речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого вмешательства, т.е. о том – и это главное, – что будет представлять из себя государство. До тех пор пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о вмешательстве. Не «вмешательство», а полное подавление – вот на что запрограммировано государство такого типа. Результат известен – экономическая стагнация, неизбежный дрейф России в направлении ядерной державы «третьего мира». Именно против такого превращения экономики России – уже на новом уровне – в экономику с характерными чертами «восточного способа производства», в экономику «восточного государства»<sup>23</sup> направлены наши главные возражения и наша борьба.

---

<sup>23</sup> Напоминаем читателю, что «восточный», «азиатский», «западный» и «европейский» здесь употребляются не в географическом, тем болс не в расовом, а только в политико-экономическом смысле. Скажем, Япония может считаться западной, а Куба или Гаити – восточными.

## ГЛАВА II

### Особый путь догоняющей<sup>24</sup> цивилизации

Мы, как послушные холопы,  
Держали щит меж двух враждебных рас,  
Монголов и Европы  
*А.Блок*

---

<sup>24</sup> Понятие «догоняющая» не относится к русской культуре. Европейская культура, особенно с конца XIX и в течение всего XX века, испытывает мощнейшее и плодотворное влияние великой и самобытной русской литературы, театра, музыки, живописи и т.д. Вероятно, одной из сильных сторон русской культуры как раз и является содержащийся в ней западновосточный дуализм, внутренний диалог культур. Для культуры внутренняя оппозиция «восток-запад» оказывается важной чертой, расширяющей пространство культуры, дающей новые обертоны. И совсем другое дело – политика и экономика, формы государственного устройства и хозяйственной деятельности. Здесь Россия безусловно веками находилась в положении «догоняющей цивилизации».

Противостояние «восточных» и «западных» обществ красной нитью проходит сквозь всю историю величайшей в мире евразийской империи – России.

Фактически Россия «ворвалась в Азию», в Сибирь лишь в XVI веке. Но Азия ворвалась в Россию и обосновалась в ней на 300 лет раньше. Причина ясна: наша страна всегда занимала «срединное» положение между Западом и Востоком и, увы, чаще в роли «щита», чем в роли «моста». «Особость» нашей страны, как известно, определялась множеством факторов: расколом единой христианской церкви на западную (католичество) и восточную (православие) с сильным византийским влиянием, огромными расстояниями, малой плотностью населения и плохими коммуникациями, территориальным отрывом от Западной Европы. Главную же, определяющую роль, очевидно, играло соседство кочевников.

Здесь не место обсуждать богатую внутреннюю историю Степи. Для социально-экономического развития России принципиально важна лишь одна ее сторона – регулярные столкновения кочевников и земледельческих восточных империй. Кочевник – хищник средневекового и Древнего мира. Как полярный волк на заболевшего оленя, бросается он на ослабленную внутренними раздорами и противоречиями, процессом чиновничьей приватизации восточную империю, нередко подводя черту династическому циклу. Государства Западной Азии с их развитой торговлей, относительной близостью социальных институтов к европейским степные завоеватели регулярно стирали с лица земли. И ведь каждое такое завоевание – это не только разграбление городов и разрушение ирригационных систем, это и упразднение социальных структур, традиций собственности, это переделы земли, имущества.

Европейский «остров» омывался восточным «океаном» с трех сторон: Русь граничила со Степью, Ордой, Австрия – с Османской империей, Испания – с маврами. И во всех трех государствах опасное соседство привело к сходным результатам: усилению государства-щита, бюрократии, замедлению развития. Но в

силу особо экстремальной ситуации, а также в силу перечисленных выше факторов особенно дорогую цену пришлось заплатить Руси. Огромная масса Степи во многом определила траекторию русской истории, социальную структуру Московского царства. Подавляющее большинство российских мыслителей считали и монгольское нашествие, и укоренившийся после него «азиатский дух» бюрократии, «ханское самодержавие», несчастьем России («И вот, наглотившись татарщины всласть, вы Русью ее назовете», — со злой иронией писал А. К. Толстой<sup>25</sup>). Надо только сразу сказать, что и те, кто считал татарщину главной бедой России, никогда не связывали это ни с какими собственно национальными проблемами, никакой «татарофобии» в России никогда не было.

Но какие бы эмоции мы ни испытывали, куда важнее для нас неоспоримый факт: там, где встретились восточное и западное общества, были мощно представлены обе социальные структуры. И если в культурном и идеологическом отношении превалировало влияние Запада, то экономическая и политическая структуры в значительной мере могли быть отнесены к разряду восточных обществ. Причем влияние это не было прямым, не было и речи о механическом копировании, скажем, татаро-монгольских институтов власти и собственности. Здесь сработала более сложная, в чем-то парадоксальная логика истории.

В самый разгар татаро-монгольского ига, в XIII–XIV веках, Россия в важнейшей сфере — в области земельных отношений — хотя и с отставанием, но повторяет общий путь европейского феодализма (отсылаю читателя к блестящим работам Н. Павлова-Сильванского по этому вопросу<sup>26</sup>). Продолжение этой традиции прослеживается в истории западнорусских княжеств Волыни и Галиции, интегрированных с XIV века в литовско-польский мир с его слабым государством и самовластной шляхтой.

Парадокс истории состоял в том, что Россия заплатила дорогой ценой не столько за татаро-монгольское иго, сколько за его ликвидацию. Именно сверхусилия, связанные с ликвидацией ига, надолго перевели стрелку русской истории на «восточный путь».

<sup>25</sup> Толстой А.К. Стихотворения. М., 1967. С. 207.

<sup>26</sup> См., напр.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.



У России не оказалось исторического времени, позволяющего превратить куколку раздробленного феодального государства в красивую бабочку. Государства, опирающегося на частную собственность, систему рынков и рожденную ими экономическую мощь, создать не удалось. Борьба со Степью потребовала предельной мобилизации всех сил общества.

При Иване III<sup>27</sup>, Василии III<sup>28</sup> и Иване IV<sup>29</sup>, т.е. когда решающие победы над Ордой были одержаны, происходит резкое укрепление Московского государства за счет подавления городов и бояр. Вместо приватизации поместий – закрепление условного, поместного землевладения. Государство тщательно контролирует перераспределение земли. Москва расправилась с Новгородом, где со времен Ярослава Мудрого<sup>30</sup> неугодные князья изгонялись вечевым<sup>31</sup> решением, где ганзейская<sup>32</sup> торговля и сам дух жизни позволяли во времена татарщины развиваться экономически и вырабатывать критическое отношение к устоявшимся традициям; влиятельных горожан выслали, их дворы отдавали московским людям. Одновременно шло прикрепление крестьян к земле (отмена Юрьева дня<sup>33</sup>, указ Бориса Годунова<sup>34</sup>). Церковь потеряла независимость, стала вконец послушна государственной машине. Не зря Сталин так восхищался Иваном Грозным, его привлекала не только садистская жестокость «русского Нерона»<sup>35</sup>, но и его го-

<sup>27</sup> Иван III – великий князь московский с 1462 года. В правление Ивана III сложилось территориальное ядро единого Российского государства, было свергнуто монголо-татарское иго.

<sup>28</sup> Василий III – великий князь московский с 1505 года. Завершил объединение Руси вокруг Москвы.

<sup>29</sup> Иван IV – Иван Грозный, великий князь «всёя Руси» с 1533 года, первый русский царь (с 1547 г.). При нем были покорены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства.

<sup>30</sup> Ярослав Мудрый – великий князь киевский с 1019 года.

<sup>31</sup> Вече – народное собрание в древней и средневековой Руси.

<sup>32</sup> Ганза – торговый и политический союз северонемецких городов в XIV–XVI вв., осуществлявший посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой.

<sup>33</sup> Юрьев день – 26 ноября старого стиля, в России XV–XVI вв. – время перехода крестьян от одного феодала к другому.

<sup>34</sup> Борис Годунов – русский царь с 1598 года. Укреплял центральную власть, опираясь на дворянство.

<sup>35</sup> Нерон – римский император с 54 года. Согласно источникам, жестокий, самовлюбленный, развратный. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя разные слои римского общества.

## Глава II. Особый путь догоняющей цивилизации

сударственная программа. Свою «государственную генеалогию» Джугашвили вполне оправданно мог вести от этого Рюриковича, создавшего на свой лад на костях России прообраз тоталитарного государства.

В Московском царстве времен Ивана IV четко прослеживаются черты классической восточной деспотии. Дело не в личной свирепости Грозного – его современник Чезаре Борджиа<sup>36</sup> или несколько раньше Ричард III<sup>37</sup> ничуть не уступали ему по числу преступлений, но их государства не были похожи на восточные деспотии, а Московское царство все больше напоминало Османскую империю Сулеймана Великолепного<sup>38</sup> или Иран Аббаса I<sup>39</sup>. То же доминирование поместной системы, тот же государственный контроль за перераспределением земли, торговли, городами, то же полное бесправие подданных, включая приближенных. И главное – отсутствует полноценная частная собственность на землю.

Тогда же началось быстрое расширение государства – Сибирь, Урал и т.д. Но эта территориальная экспансия (последние приращения были сделаны уже в 1945 г.) лишь загоняла Россию в «имперскую ловушку»: с каждым новым расширением территории увеличивалось то, что надо охранять, удерживать, осваивать. Это высасывало все соки нечерноземной метрополии. Россия попала в плен, в «колонию», в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань государству, не принимал слишком острых форм, постоянно культивировалось «оборонное сознание» – ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным.

Само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживавшегося культа – государственничества.

---

<sup>36</sup> Чезаре Борджиа – представитель знатного рода, игравший значительную роль в политической жизни Италии (XV–начало XVI в.).

<sup>37</sup> Ричард III – английский король с 1483 по 1485 г.

<sup>38</sup> Сулейман Великолепный – турецкий султан с 1520 по 1566 г.

<sup>39</sup> Аббас I – шах Ирана с 1587 по 1629 г..

В сущности, российское государство всегда насаждало единственную религию – нарциссический культ самого себя, культ «священного государства». Так было и в эпоху официального православия, и в эпоху государственного атеизма. Квинтэссенция этого, по сути дела, языческого культа власти точно выразил А.И. Солженицын: «Писать Бог с большой буквы совершенно необязательно, но Правительство надо писать с большой»<sup>40</sup>.

Конечно, нельзя впадать в противоположную крайность – по временам угроза самому существованию страны действительно бывала смертельной (яркий пример тому – Смутное время<sup>41</sup>). Но верно и то, что не только и не столько для отражения этой угрозы постоянно наращивало силы, постоянно сжимало и подавляло общество сверхмогучее Государство. Оно давно уже жило своими собственными интересами. Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности<sup>42</sup>.

Мощное государство, осуществляя территориальную, социальную и психологическую экспансию, тяжело нагруженной подводой проехало по структурам общества, остановило их развитие, нередко просто уничтожило. В результате благодатная почва сложно структурированного общества с частной собственностью, с гарантией от произвола так и не сформировалась. Культ государства изуродовал сознание общества, породил в нем ряд тяжелых комплексов, которые мешают нам рационально, открытыми глазами видеть себя и мир даже сегодня.

<sup>40</sup> Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Париж, 1974. С. 129.

<sup>41</sup> «Смутное время» – события конца XVI – начала XVII в. в России.

<sup>42</sup> Н.А. Бердяев дает точную картину сложившейся ситуации: «Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни... Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность... выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее, отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни» (Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918. С. 6–7).

Очень быстро выяснилось, что, подавив противников на Востоке, Россия катастрофически отстала от Запада. Отставание грозно обозначилось в самой болезненной сфере – военной. После успешного подавления Орды – поражение в Ливонской войне, постоянная угроза со стороны Польши. Так, с XVI века проявилось легшее в основу всех последующих конфликтов главное обстоятельство – Россия оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации.

Есть два возможных ответа на европейский вызов. Первый: попытаться перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом «своим путем»; опереться на силу Московского государства, хорошо прищипорить покорное общество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания.

Да, Россия – поистине уникальная страна. Первой из «восточных» стран она вступила в соприкосновение с Западом. Единственная в мире, она, не став на «западный» путь, оказывалась в состоянии веками «почти догонять» Запад. Достигалось это, разумеется, непомерно дорогой ценой, истощением всех сил, да и достигалось лишь временно и только в узком спектре избранных направлений, где концентрировались все ресурсы страны. (Но и это было чудом, как если бы бурлаки могли, пусть на коротком участке пути, «ухнуть» и бегом тащить баржу почти вровень с парходом.) Поистине только богатейшей стране такое под силу. Но, думаю, в XXI веке это чудо будет уже невозможно. Если не произойдет и не завершится успешно реальное внутреннее реформирование страны, если мы не выберем другую стратегию, то на сей раз отстанем уже навсегда.

Другая стратегия: изменить само устройство социально-экономической системы, попытаться снять многовековые наслоения, восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой, перейти с «восточного» на «западный» путь, пусть не сразу, постепенно, но взрастить подобные европейским инсти-

туты на российской почве и, опираясь на них, создать мощные стимулы к саморазвитию, инновациям, предпринимательству, интенсивному экономическому росту. Но это неизбежно означает «укоротить» государство.

Борьба вокруг этой альтернативы – стержень российской истории с XVII века.

В петровской политике обе альтернативные линии причудливо переплетаются, и все же опора на государственную силу, машину принуждения явно преобладает. Разумеется, Петру и в голову не приходило хоть в чем-то ослабить государство, наоборот, он стремился резко усилить его как главный инструмент для решения национальных задач. В Европе издавна существуют мануфактуры, заводы – нам нужны такие же. Однако там они выросли на базе мелкой домашней промышленности и ремесла, накопления состояний, предпринимательской инициативы, свободного труда. Всего этого нет в России, и за несколько лет это не создашь. Но можно попытаться взамен этого применить государственное принуждение. Избранным государством фабрикантам дают даровую рабочую силу, крестьян закрепляют за заводом: столько-то дворов горнозаводских крестьян на горн, столько-то на домну. С помощью высоких таможенных тарифов устанавливают монопольные привилегии для государственных заводчиков.

Довольно быстро выявляются негативные стороны такого метода индустриализации, заводящие ее в тупик. Московские торговцы жалуются на низкое качество производимых на крепостных фабриках товаров, запретительно высокие цены, умоляют разрешить свободную торговлю иностранными товарами. Правительственное освидетельствование фабрик в 30-х годах XVIII века показывает, что многие фабрики и заводы подложные, существуют только на бумаге, владельцы пользуются предоставленными льготами и привилегиями лишь «в свой карман». Реакция в стиле последовательного государственничества: указ 1744 года повелевает за низкое качество товаров и отсутствие усердия в развитии производства «многих владельцев фабрик из фабрикантов выключить».

Самое яркое наглядное свидетельство характера петровских модернизационных усилий – увеличение государственного финансового гнета. Расходы на содержание армии и флота, и в 1680 году весьма обременительные для слабо развитой страны, к концу его царствования возрастают в 4 раза, их доля в бюджете увеличивается с 50 до 65 процентов. Параллельно, отражая государственный активизм, начинают быстро увеличиваться расходы на государственное хозяйство. В 1680 году они составляли лишь 4,5 процента бюджета, в 1725-м – уже 10 процентов.

Отсюда и налоговые преобразования. Вводится подушная подать, ее объем к 1724 году почти в 5 раз превышает доходы от существовавшего до нее подворного обложения<sup>43</sup>. Резко увеличены объемы косвенного налогообложения. Основным инструментом мобилизации ресурсов государством со времен монгольского завоевания остаются податная община и принцип круговой поруки – сильный тормоз экономического развития российской деревни. При мощном налоговом гнете с постоянным перекалыванием его на самых работающих, зажиточных общинников нет никакого смысла в попытках вырваться из заведенного порядка, нет стимулов и инициативы. Податная община консервирует аграрную отсталость, а ведь сельское хозяйство – фундамент, основа национальной экономики.

При всем блеске военных успехов и технических усовершенствований петровские реформы ярко обнажают самоедский характер государственного ответа на европейский вызов: мощное государство, высокие налоги, переобложение крестьянства, круговая порука; в результате – медленное экономическое развитие. Естественным следствием оплаченного огромной ценой рывка, в котором страна потеряла до 20 процентов населения, стало вновь нарастающее отставание от уходящей вперед Европы.

Есть и другая, до сих пор привлекательная сторона петровской реформы – подчеркивание культурной общности с Европой, резкое усиление влияния европейских социальных стандартов и традиций. Все это делалось также методами грубого государственного насилия. Но результаты оказались парадоксальными:

---

<sup>43</sup> См.: *Ляшенко П.И.* История русского народного хозяйства. М., 1930.

государство насильственно сформировало независимые от государства социальные группы. Это произошло, разумеется, не сразу, но довольно быстро, в течение одного-двух поколений. Под европейским влиянием дворянство начинает стремиться к независимости, выбивает у государства все новые права и свободы. Постепенно формируются хотя бы минимально независимые от чиновника ячейки гражданского общества. Русский аристократ середины XVIII века чувствует себя куда естественнее при французском дворе, чем при османском. Европейское влияние видно и в распространяющемся представлении о гражданских правах (естественно, в форме прав дворянства), и в крепнущем убеждении в незыблемости частной собственности (также, естественно, в первую очередь дворянской).

В основе развития послепетровской «евразийской» России лежало глобальное противоречие, которое прошло сквозь всю русскую историю XVIII–XX веков и с балластом которого мы входим и в XXI век. Выдавая нужду за добродетель, это противоречие гордо называли «особым», «мессианским» путем, в то время как в действительности здесь была (и осталась) то явная, то скрытая борьба между двумя путями при невозможности выбрать один из них.

В трещину этого противоречия свалилась царская, затем коммунистическая империя. Над этой трещиной мы и сегодня строим здание новой России.

Копируя во многих, особенно внешних, культурных формах европейский путь, мы не имели главного – развитого рынка, свободного от государственно-бюрократического диктата, свободных отношений частной собственности. Но и сохранить азиатский способ производства в полном виде не удавалось. Это была какой-то перманентный кризис «западно-восточной структуры» общества.

Проявлялось это во всем. После Петра в России сложилась особая бюрократия. Она соединяла все худшее от бюрократии западной, немецкой, прусской, которую копировала внешне, и от бюрократии восточных деспотий, «азиатской», духом которой была глубоко пропитана.

От прусской бюрократии она взяла формальный, «механический» характер, глубокое отчуждение человека от бюрократических институтов, но без традиционной немецкой точности, педантичности, от традиционной «восточной» бюрократии – самодурский дух, леность, расхлябанность и, конечно, главный вечный бич русской бюрократии – глубочайшую коррупцию.

Патологической была социальная структура русского общества. Ее моделью можно считать Дворцовую площадь в Петербурге – ровное пространство, в середине которого вертикально вверх вздымается колонна. Не было нормальных, придающих обществу стабильность плавных переходов от низших сословий к высшим.

Дворянство и крестьянство жили как бы в двух разных странах, говорили и думали буквально на разных языках (дворяне – на французском). Подобная социальная структура сегодня характерна лишь для некоторых стран «третьего мира». Но и само дворянство не могло считаться независимым от государства классом гражданского общества. В течение XVIII–XIX веков социальная структура очень медленно менялась, с трудом обреталась реальная независимость от бюрократического контроля. Этот процесс так до конца и не закончился к 1917 году, хотя, конечно, прогресс был достигнут громадный. Во второй половине XIX – начале XX века в России уже почти вставало на ноги то, что можно назвать гражданским обществом, – материально и социально автономная от государства, от бюрократии русская интеллигенция, «средний класс», предприниматели, оно объединило в себе лучших представителей дворянства, разночинцев, купечества. К сожалению, эта культурная пленка была слишком тонкой, она покрывала лишь незначительную часть социального ландшафта и легко была сорвана, не выдержав сверхнапряжения социальных конфликтов в начале XX века.

Еще сложнее обстояло дело с собственно имущественными отношениями, и, конечно, прежде всего земельными.

В XVII веке характер земельных отношений в России устойчив, хотя и неэффективен. Их основа – поместная система<sup>44</sup>,

<sup>44</sup> Поместная система – существовавший в России в конце XV – XVIII в. порядок, при котором государство за несение военной и государственной службы предоставляло дворянам условное земельное владение – поместье – без права продажи, обмена и наследования.



закрепощение всего населения государством, всеобщая обязанность службы: для дворян – военной и чиновной, для крестьян – податной. Ростки частной собственности слабы и еле различимы, земли одновременно и царские, и дворянские, и крестьянские. Все имеют на них пересекающиеся претензии. Конечно, как и везде, появляются тенденции к приватизации: помещики – условные собственники стремятся закрепить землю за собой, сделать наследуемой, расширить свои собственнические права. Но этой тенденции противостоит и противоположная – государственный контроль, перераспределение земель.

В начале XVIII века заимствование европейского опыта, традиций придает дворянской приватизации мощный импульс. Оказывается, частная собственность – священное право. Из сложной структуры пересекающихся прав без исторической эволюции, по решению власти из цепочки собственников вычленяется одно звено – помещик, дворянин. Неожиданно для подавляющей части общества, крестьян, дворянство получает все права собственности.

Происшедшая в исторически сжатые сроки аграрная революция, начатая законом Петра I от 1714 года о единонаследии, приравнявшим поместья к вотчинам<sup>45</sup>, подтвержденная указами 1731 и 1736 годов Анны Иоановны, закрепленная манифестом 1762 года Петра III о вольности дворянства и жалованной грамотой Екатерины II в 1785 году, по форме сблизила российские земельные отношения с европейскими. Но на деле эта реформа законсервировала крепостничество, затянув, пожалуй, один из самых тугих узлов противоречий в российской истории.

Не проросшая, как в Европе, через века традиций, а насажденная разом государством взамен традиционной феодальной, смешанной, дворянская частная собственность никогда не имела глубоких корней, исторической легитимизации, гарантий правовой устойчивости. Баланс земельных отношений допетровской Руси был резко нарушен. Дворяне держали землю от государства за службу. Если они теперь не обязаны служить, то и крестьяне свободны от своих государственных обязательств их содержать.

---

<sup>45</sup> Вотчина – вид феодальной земельной собственности в России, родовое имение, переходившее по наследству.

## Глава II. Особый путь догоняющей цивилизации

В обыденном сознании дворянскому праву на землю противостоит имеющее ничуть не меньше оснований крестьянское право. Эту железную, опирающуюся на традиции логику никакими розгами не выбьешь. Конфликт вокруг дворянских и крестьянских прав на землю является постоянной угрозой стабильности и тормозом экономического развития.

Помещичья (вообще частная) земельная собственность в России никогда не воспринималась как вполне легитимная. Это было свойственно всем классам общества, что блестяще зафиксировано в произведениях Л.Н.Толстого, во всем его «дворянско-крестьянском» мировоззрении. Вместе с тем очевидно и то, что до XX века в России практически можно ставить знак равенства между понятиями «земельная собственность» и просто «собственность». *Отсутствие традиции глубокой легитимности собственности – вот что трагически отличало Россию от Европы. Отсутствовал, по сути, главный психологически-культурный стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма.* Поэтому вполне естественно, что и учения, наспех переведенные с немецкого, но отрицавшие легитимность частной собственности уже во всем блеске новейшей «европейской рациональности», принимались в России как родные...

Екатерина II, хорошо знавшая и понимавшая Европу, ее дух, немало сделавшая для перенесения на российскую почву рыночных институтов (от ликвидации внутрироссийских пошлин до перехода к новой, более свободной, стимулирующей промышленной политике), разумеется, понимала, какой архаикой, каким историческим тупиком является крепостничество. Чтобы увидеть это, достаточно внимательно перечитать ее знаменитый «Наказ»<sup>46</sup>. Но, четко и безоговорочно закрепив за дворянами право частной собственности на землю и крепостных, начав, таким образом, именно с дворян формирование свободного сословия, аналога европейских граждан, она и ее преемники сами оказались в историческом тупике.

Освободить крестьян без земли, которую они считают своей, – значит теперь лишь усилить социальные противоречия, деревен-

<sup>46</sup> См.: Екатерина. Наказ. СПб., 1907.

скую нищету, к тому же с трудно прогнозируемыми последствиями для государственных налоговых поступлений. Но освободить крестьян с землей, принудить дворян к ее отчуждению – это нарушение дворянских прав, произвол. Первое право, которое решительно отстаивает новое свободное сословие, – священное право частной собственности на свои земли. Корона боялась дворянского заговора (судьбы Петра III и Павла I хорошо помнили!) никак не меньше крестьянских восстаний.

История проектов аграрной реформы, внутренней полемики, тайных комитетов периода Александра I и Николая I – история попыток найти решение этой трудноразрешимой задачи.

Не подтвержденное, но и не опровергнутое историей предание свидетельствует, что Николай I перед смертью взял с Александра II слово разрубить этот узел, освободить крестьян. Вне зависимости от достоверности оно характерно. Крымская война, унижительное поражение, обнажившее отставание архаичной империи от быстро развивающейся Европы, в полной мере выявили и бесперспективность попыток предшествующих десятилетий, и настоятельную необходимость научиться перенимать не только внешние формы, но и внутренний дух европейских установлений.

### 3

После Крымской войны для большей части российской политической элиты стало ясно, что пришло время новых интересов, новых планов, что России жизненно необходим цикл реформ, обеспечивающих предпосылки капиталистического развития. Именно в последующее шестидесятилетие эволюция российских общественных институтов – отмена крепостного права, судебные, военные реформы, становление земского самоуправления, укрепление гарантий собственности – максимально сближает их с европейскими, прокладывая дорогу быстрой индустриализации, успехам в экономическом развитии. В этот период на передний план в формировании социально-экономической стратегии выходит один ключевой вопрос: в какой мере свободным от государственной опеки должен быть российский капитализм, российский рынок, и в первую очередь в ключевой для экономики сфере – в сельском хозяйстве, в земельной собственности?

Наследие крепостничества – долгосрочный, растянутый во времени социальный фон. Спустя десятилетия после освобождения крестьян его следы очевидны в экономической жизни, быте, политике. И сегодня, сопоставляя карту итогов выборов 1993 года, выделяя регионы поддержки рыночных реформ, с удивлением обнаруживаешь бросающиеся в глаза совпадения с картой расселения не знавшего крепостничества черносошного крестьянства<sup>47</sup>.

Само освобождение крестьян привело к вынужденно компромиссному решению, не устраивавшему ни ту, ни другую сторону в вековом диспуте о земле. Как нередко бывает, с такой реформой всегда связаны надежды, которые объективно не могут быть удовлетворены. В результате и крестьяне, и помещики недовольны реформой. По убеждению первых, им дали слишком мало, а по убеждению последних – отняли слишком много. Часть земли принудительно отчуждена у помещиков и передана крестьянам, которые связаны выкупными платежами и становятся в полной

---

<sup>47</sup> Черносошные крестьяне – в русском государстве XIV–XVII вв. лично свободные крестьяне, владевшие общинными землями и несшие феодальные повинности.

мере свободными лишь после их выплаты. Сохранена община с ее круговой порукой как механизм регулирования податных и выкупных обязательств крестьян. Больше того, именно в ее распоряжение переданы земли. Крестьяне усечены в правах, без разрешения общины не могут получить паспорта, уехать на работу в город, их всегда можно вытребовать обратно на двор с полицией. Частный оборот земли, выход из общины жестко ограничены. В бумагах, удостоверяющих права крестьян на собственность, не определены ни местоположение, ни четкие границы. Домохозяин после своего освобождения не собственник, а государственное должностное лицо, работающее под надзором. Мощные эгалитаристские<sup>48</sup>, антиприватные установления продолжают действовать, распространяясь на основную массу населения.

Не удивительно, что в противоположность обретшей наконец свободу и стимул к развитию городской промышленности в сельском хозяйстве наблюдаются растянувшиеся на десятилетия кризис, стагнация. Отсутствие стимулов к эффективным нововведениям, росту производительности здесь сочетается с высоким налоговым бременем, круговой порукой, увеличением аграрного населения, территориальная, трудовая мобильность которого искусственно сдерживается. Соответственно с ростом малоземельности все более настойчивыми становятся требования нового перераспределения земли.

Крестьяне, никогда не принимавшие в своей массе аграрную революцию Петра I – Екатерины II, убеждены, что земля государева, он может и должен ее переделить, чтобы всем хватило. Ссылки на частную собственность, как уже говорилось, мало кого убеждают. Да и свежий опыт подтверждает: в реформу надо было – и переделали.

Как реакция на это – растущая озабоченность власти, ее стремление расширить границы государственного контроля, регулирование аграрной сферы. Такая реакция особенно отчетливо проявилась в годы царствования Александра III. Ограничение прав крестьян как будущих полноценных частных собственников,

<sup>48</sup> Эгалитаризм – утопическая идея об устранении противоречий капитализма путем уравнительного (эгалитарного) передела частной собственности.

## Глава II. Особый путь догоняющей цивилизации

---

казавшееся либеральным авторам освободительного манифеста временным, закрепляется, консервируется на десятилетия.

Закон 1886 года осложнил деление имущества между членами крестьянского двора. Закон от 8 июля 1893 года потребовал, чтобы перераспределение земли в общине происходило не реже чем 1 раз в 12 лет, закон от 14 декабря 1893 года резко осложнил продажу надела даже членам общины и сделал практически невозможным выход из нее.

Но чем больше государство втягивается в текущее регулирование землепользования, ограничивает развитие частнособственных отношений, тем сильнее аграрный кризис, мощнее волна подспудного крестьянского недовольства, настоятельнее требование передела.

В начале XX века борьба вокруг аграрной политики правительства предельно обостряется. Получают четкое воплощение две линии: Плеве<sup>49</sup> и Витте<sup>50</sup> – Столыпина<sup>51</sup>.

Предельно просто кредо В.К. Плеве, выраженное в подготовленной под его руководством записке: «Надельные земли, имея государственное значение... не могут составлять предмет свободного оборота и потому не подлежат действию общегражданских законов»<sup>52</sup>. Отсюда линия на всемерный контроль земельной собственности, патриархальная опека над крестьянином, установление жестких предельных размеров земельной собственности отдельного двора, предотвращение формирования кулачества как класса.

Суть позиции С.Ю. Витте прямо противоположна. Он считал, что попытки сохранить государственный контроль над крестьянством – главный фактор экономической отсталости, основа потенциальной социально-политической угрозы. Витте хорошо

---

<sup>49</sup> Плеве Вячеслав Константинович – министр внутренних дел, шеф отдельного корпуса жандармов в 1902–1904 гг.

<sup>50</sup> Витте Сергей Юлиевич – министр путей сообщения, затем с 1892 г., министр финансов, председатель Кабинета министров с 1903 г., Совета министров в 1905–1906 гг. Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы.

<sup>51</sup> Столыпин Петр Аркадьевич – министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906 г. Руководил осуществлением аграрной реформы, названной его именем.

<sup>52</sup> Цит. по: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. Париж, 1980. С. 239.

видел связь недостаточного укоренения частной собственности с угрозой революции. Отсюда ключевые элементы его программы: уравнение крестьян с другими сословиями в гражданских правах, отмена особой системы наказания для крестьян, подчинение частноправовых отношений крестьянской общины гражданским законам, возврат крестьянам права выхода из общины, закрепление прав на личный надел, превращение размытой собственности дворов в частную собственность хозяев, отмена ограничений свободы передвижения и выбора места жительства.

Уже в 1903 году (указ 12 марта) С. Витте удастся провести решение об отмене круговой поруки. Манифестом от 11 августа 1904 года отменены телесные наказания, но понадобились аграрные беспорядки, переросшие в революцию 1905–1907 годов, чтобы царское правительство в полной мере убедилось в опасности и бесперспективности линии государственной опеки, твердо сделало «свой выбор в пользу аграрных реформ Столыпина. В глубокой личной неприязни С. Витте к П. Столыпину очень хорошо видна обида за то, что не ему удалось реализовывать выношенные преобразования.

Кредо П. Столыпина: «Особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым... Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, т. е. труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей»<sup>53</sup>. В своей аграрной политике Столыпин показывает нам редкий в русской истории пример крупного, государственно мыслящего деятеля, старавшегося ужать роль государства в экономике. Подготовленные им указы от 5 октября и 9 ноября 1906 года устраниют сословное отделение крестьянства, гарантируют крестьянам право делить имущество между членами семьи, отчуждать наделы, уйти из общины и требовать свою долю общей собственности в частную собственность, объединять участки, заменять подворную собственность частной. Важнейшее препятствие на пути аграрного развития наконец снято.

<sup>53</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. Париж, 1980. С. 294.

## Глава II. Особый путь догоняющей цивилизации

Число крестьянских хозяйств, выходящих из общины, мизерное в 1906–1907 годах, начинает расти как снежный ком и в 1909 году достигает максимума (579 тыс. дворов)<sup>54</sup>. Мощный стимул к развитию выделяющихся хозяйств – возможность получить процент под залог земли в Крестьянском банке. Постепенно расширяется круг организаций, предоставляющих ипотечные кредиты, действуют 10 акционерных земельных банков, 36 городских и губернских кредитных обществ, формируется развитый земельный рынок. Объем продажи земли в европейской России растет со 157 тыс. десятин в 1908 году до 724 тыс. десятин в 1913 году<sup>55</sup>.

Аграрный сектор отвечает на новые стимулы быстрым ростом объема и эффективности сельскохозяйственного производства: валовая продукция сельского хозяйства европейской России в 1909–1913 годах на треть превышает объем 1900 года, производство зерна с 1900 по 1913 год возрастает больше чем в полтора раза<sup>56</sup>, экспорт хлеба – почти вдвое<sup>57</sup>.

Никогда российское сельское хозяйство не развивалось так успешно, как в коротком интервале между общиной и колхозом. Так история дала экспериментальный ответ на спекуляции относительно «прирожденного коллективизма» русского крестьянина, его опять же «непреодолимого» неприятия частной собственности. По крайней мере для наиболее активной части дореволюционного крестьянства это было явно не так. Я думаю, что, если сегодня удастся сформировать полноценный земельный рынок, результаты будут не менее впечатляющими, несмотря на несомненное падение трудовой этики крестьянства за годы колхозного разложения.

Добиться успехов в индустриализации страны после освобождения крестьян также удастся не сразу. Важнейшим препятствием на этом пути стал хронический дефицит национальных сбережений. Крестьянство, переобремененное налогами и выкупными

<sup>54</sup> См.: Храмов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 398..

<sup>55</sup> Там же. С. 401.

<sup>56</sup> Храмов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 408.

<sup>57</sup> Там же. С. 474.



платежами, лишенное при сохранении общины стимулов к развитию производства, явно не могло быть источником значительных добровольных сбережений. Дворянство с укоренившимися нормами дорогостоящего демонстративного потребления также не годилось на роль крупного поставщика финансовых ресурсов для развития. Государственный бюджет оставался хронически дефицитным, подтачивая доверие к национальной валюте. Собственные накопления молодого отечественного предпринимательства были недостаточными, чтобы превратить страну в регион динамичного экономического роста.

Крайне слабыми, малоэффективными были и национальные институты аккумуляции и перераспределения сбережений. Невысокие стандарты деловой этики, дурная традиция фиктивных банкротств не оставляли надежды на то, что отечественный банковский сектор сможет стать субъектом крупномасштабного долгосрочного кредитования индустриализации.

Столкнувшись с непростыми проблемами догоняющего развития при дефиците национального капитала, российские органы власти с 80-х годов ставят в центр своей политики линию на стабилизацию государственных финансов и денежного обращения.

Финансовые реформы и ужесточение налоговой политики при И. Вышнеградском<sup>58</sup> и С. Витте обеспечили устойчивый профицит текущего государственного бюджета, доходивший до 20 процентов его расходов, была подготовлена база для денежной реформы, восстановления золотого стандарта<sup>59</sup>. Россия становится одним из наиболее привлекательных заемщиков на мировом рынке капитала. С 80-х годов XIX века страна твердо встает на путь стимулируемой государством капиталистической индустриализации, нацеленной на замещение импорта собственной продукцией. Масштабы на-

<sup>58</sup> Вышнеградский Иван Алексеевич – русский ученый и государственный деятель, основоположник теории автоматического регулирования, почетный член Петербургской АН, со второй половины 70-х годов постепенно отходит от активной научной и педагогической деятельности. В 1888–1892 гг. – министр финансов. ему удалось достичь сбалансированного бюджета, накопления золотых запасов, укрепления курса бумажного рубля.

<sup>59</sup> Золотой стандарт – система, для которой характерны свободная чеканка и обращение золотых монет, размен банкнот на золото (в слитках и монетах).

## Глава II. Особый путь догоняющей цивилизации

ционального рынка и богатая собственная ресурсная база создают предпосылки для серьезных успехов этого курса.

При прямом финансировании или непосредственной финансовой поддержке государства разворачивается программа железнодорожного строительства. Крупные капиталовложения в эту отрасль создают масштабный рынок промышленной продукции, дают импульс к развитию комплекса взаимосвязанных промышленных производств. Долгосрочная устойчивость государственных финансов к 1898 году обеспечивает возврат к золотому стандарту. В этой ситуации крупные иностранные инвесторы проявляют заинтересованность в российском рынке. К 1900 году 28,5 процента капитала отечественных российских компаний имеет иностранные источники, к 1913 году – около 33 процентов. Протекционистский тариф 1891 года и прямые льготы национальным поставщикам позволяют использовать направляемые на железнодорожное строительство ресурсы для стимулирования быстрого роста отечественного промышленного производства. Резко растет спрос на металл, подвижной состав, подрядные работы.

За 90-е годы XIX века протяженность железных дорог возрастает в 1,5 раза, промышленное производство более чем удваивается.

Итак, государство играло большую роль в развитии производства – такова была реальная структура экономики. Но важно направление движения. Благодаря усилиям государства его общий удельный вес в экономике уменьшался, быстрее рос негосударственный сектор, именно он был доминирующим.

Источники бюджетных поступлений, служивших основой государственных инвестиций, при сложившейся к этому времени налоговой системе очевидны – это в первую очередь крестьянские хозяйства (акцизы на спиртное, соль, спички, керосин и т.д.). Связь государственных капиталовложений с обложением крестьян хорошо видна в зеркале внешней торговли – обильный экспорт зерна при недопотреблении в стране (как говорил Вышнеградский, «недоедим, но вывезем»<sup>60</sup>).

---

<sup>60</sup> Цит. по: Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С 253.

Между тем сельскохозяйственное производство конца XIX – первых лет XX века со все еще ограниченными стимулами и возможностями частнокапиталистического развития стагнирует. Отсюда при высоких темпах промышленного роста – продолжающееся отставание от наиболее развитых стран. Запада по национальному доходу на душу населения<sup>61</sup>.

Социально-политический риск такой политики очевиден – трудно определить, надолго ли хватит ресурсов социальной пассивности крестьянства, сколько можно нагрузить на обремененную рецидивами крепостничества деревню. К тому же сами задачи финансирования индустриализации стимулируют политику, направленную на сохранение общины как фискального механизма, консервируют аграрную отсталость.

В начале века никто не мог точно сказать, что произойдет раньше: или промышленный подъем и становление отечественного предпринимательства позволят избавить крестьянство от чрезмерной бюджетной нагрузки и подвести новую, более устойчивую финансовую базу под российскую индустриализацию, или политический кризис опрокинет перспективы устойчивого развития. Капиталистическая индустриализация в России шла наперегонки с растущей политической дестабилизацией.

Архаичный, оцепенело застывший перед подступающей революцией, до мозга костей коррумпированный царский режим был обречен – в начале века это было очевидно всем. Вопрос заключался лишь в том, какой характер примут радикальные изменения, успеет ли в стране укрепиться экономика, сможет ли осознать свои интересы, политически консолидироваться средний класс, чтобы оказаться в состоянии смягчить силу ударной волны, проникнет ли идея легитимности частной собственности достаточно глубоко в сознание общества, чтобы революция не приняла социалистический характер, «сбрывающий» частную собственность под корень.

Хотя резко обострившиеся в начале XX века конфликты обусловили падение темпов экономического роста, после поражения

<sup>61</sup> По расчетам С. Н. Прокоповича, рост национального дохода на душу населения в 1904–1915 годах составил в России 50, в Германии – 58, во Франции – 52, в Италии – 121 процент и т.д. (См.: Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. М.; Л., 1930.)

революции 1905–1907 годов шансы выиграть в этой гонке, казалось, резко пошли вверх.

Дубина крестьянских беспорядков выбила из сознания правящей элиты иллюзии о вековой покорности и верности крестьянства. Наконец начата земельная реформа, призванная устранить главный тормоз развития деревни – общинные установления, отсутствие частной собственности на землю.

Заложенный в конце 90-х годов запас прочности финансовой системы позволил без тяжелого денежного расстройтва пройти период русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, а затем вскоре и восстановить репутацию России как первоклассного заемщика.

В подъеме 1909–1913 годов уже явно просматриваются принципиально иные черты. Существенно падает роль государства в финансировании накоплений и стимулировании индустриализации, быстро растут вклады в сберегательные кассы, увеличивается объем частных капиталов, мобилизуемых акционерными обществами. Существенно окрепли собственные источники российских банков, изменилась к лучшему их репутация, они уже активно участвуют в финансировании долгосрочных инвестиционных проектов. Столыпинская реформа наконец открыла дорогу повышению эффективности сельского хозяйства, ее позитивное влияние прослеживается в возросших объемах зернового экспорта.

Это был, наверное, первый в истории России экономический подъем, уже не столько стимулированный государственной волей, сколько идущий из глубины самого общества. Общество показало себя как здоровый, саморазвивающийся организм.

Разумеется, источники социально-политической нестабильности не были устранены. Остается подспудный старый российский спор о земле, справедливости помещичьих прав на нее. Предельно высока дифференциация доходов. Ригидный, самоубийственно упрямый правящий бюрократический слой, не желая идти на уступки, загоняя политические конфликты вглубь, делает все, чтобы спровоцировать ужасный взрыв. Быстро формирующийся, уже утративший верность традиционным крестьянским установлениям и еще не интегрированный в принципиально новый,

городской образ жизни, переживающий болезненный процесс адаптации молодой городской пролетариат – прекрасный объект для социалистической агитации. Но уже появились надежды, что устойчивый, опирающийся на добровольные сбережения, частные инвестиции экономический рост создаст базу постепенного мирного регулирования социальных конфликтов.

Казалось, Россия, выиграв гонку со временем, обеспечила себе основы устойчивого капиталистического развития. Мировая война, в которую страна оказалась втянутой, растоптала эти надежды.

## ГЛАВА III

### Три источника и три составные части большевизма

Темный вихрь передовой идеологии  
налетел на нас с Запада.

*А. И. Солженицын*

Говорю на собрании: нет никакого  
интернационала, а есть народная русская  
революция, бунт – и больше ничего. По  
образу Степана Тимофеевича. – «А Карла  
Марксов?» – спрашивают. – Немец,  
говорю, а стало быть, дурак. – «А Ленин?»  
– Ленин, говорю, из мужиков, большевик, а  
вы, должно, коммунысты.

*Б. Пильняк. Голый год*

Превращение современной  
империалистической войны в гражданскую  
есть единственно правильный  
пролетарский лозунг.

*В. И. Ленин*

## 1

Как серьезное историческое явление большевизм родился 28 июня 1914 года в Сараево, когда отнюдь не большевик, а член организации «Млада Босна» Гаврило Принцип убил эрцгерцога Франца Фердинанда<sup>62</sup>, что послужило сигналом к началу мировой войны. Коллега Ленина по редакции «Искры» А. Н. Потресов<sup>63</sup> правильно понял, что большевизм разгорелся не столько от той искры, сколько от пожара мировой войны. «Падающую волну коммунизма» он прямо выводил из «мертвой зыби», порожденной Первой мировой войной.

Вот картина, которую можно считать художественным описанием рождения большевизма.

«Дракон. Вы знаете, в какой день я появился на свет?

- *Ланцелот*. В несчастный.

Дракон. В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение, — вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы — они называются гробовики — выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я — сын войны. Война — это я»<sup>64</sup>.

Да, большевизм — дитя войны, и, естественно, он нес в себе войну. Коммунизм всегда был «военным», только войны были разные — гражданская, с крестьянами (коллективизация), «холодная» (психологическая). Он погиб, проиграв все эти войны, впрочем, «еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада...»<sup>65</sup>.

Война породила «большевизацию» общества, прежде всего психологическую. Отмечу лишь вкратце общеизвестное — качественное изменение в России всех форм социальной напряженно-

<sup>62</sup> Франц Фердинанд — австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца Иосифа I, наследник престола.

<sup>63</sup> Потресов Александр Николаевич — русский социал-демократ, один из лидеров меньшевизма, участвовал в создании «Искры», был членом ее редакции.

<sup>64</sup> Шварц Е. Дракон // Пьесы. М.; Л., 1962. С. 322–323.

<sup>65</sup> Брехт Б. Карьера Артуро Уи, которой могло не быть // Театр. Пьесы, статьи, высказывания. В 5 т. Т. 3. М., 1964. С. 432.

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

сти в годы изнурительной, бесконечной позиционной войны, цели которой (верность союзникам? аннексия Константинополя и проливов? ответ на германский вызов? помощь «братьям-сербам»?) чем дальше, тем больше казались простому русскому человеку непонятными, чуждыми, даже враждебными, сколько бы войну ни называли в газетах «отечественной».

Сущность изменений в общественном бытии и общественном сознании сводилась к знаменитой и ужасной поговорке тех лет: «Нынче соль дороже золота, а жизнь дешевле соли».

Но «кровь, надо знать, совсем особый сок». Что полито кровью, стало или священным, или преступным. Середины не дано. Политика может быть ошибочной и компромиссной. Война, настоящая, Большая Война, требующая напряжения всех сил нации, не является «продолжением политики другими средствами». Война есть уничтожение политики. Если война оценивается как священная, государство резко укрепляется, если как преступная — гибнет.

Но гибнет тогда не просто государство. С грохотом рушатся все формы существующей в обществе легитимности, на которых, собственно, только и держится общество. Как орудийные залпы войны разносят вдребезги стеновой хребет всей системы нравственности, как происходит озверение солдата, считающего себя обманутым, хорошо показано в «Тихом Доне». Главный герой говорит: «С 15-го года, как нагяделся на войну, так и надумал, что бога нету. Никакого! Ежели бы был — не имел бы права допускать людей до такого беспорядка. Мы, фронтовики, отменили бога, оставили его одним старикам да бабам»<sup>66</sup>.

Понятно, что фронтовики, которые «бога отменили», царя презирали (вся Россия повторяла через дефис: «Царь-Распутин»), а Отечеству не верили, превращались из защитника государства в его главного вооруженного врага. Ленинский лозунг уже жил в их душе, фронтовой воздух был им пропитан. Нужен был лишь политик, который дерзнет открыто произнести, легитимировать этот лозунг, выдернет чеку и швырнет гранату этого лозунга в пороховой погреб войны. Победа была обеспечена тому, кто посмеет дальше

<sup>66</sup> Шолохов М. А. Тихий Дон. Т.4. М., 1953. С. 404.



всех пойти в радикальном отрицании всех существующих форм, кто громче всех крикнет «все позволено!», кто шире всех распахнет клетку, из которой на волю рвутся все дикие, разбуженные войной инстинкты.

Не освещенные светом «марксистской религии», представленные на суд простого здравого смысла и нравственности, лозунги Ленина оказывались откровенно разбойничьими призывами к убийству («превратить войну империалистическую в войну гражданскую») и грабежу («грабь награбленное»), но, когда в качестве точки опоры, самооправдания выступали марксистские догмы, все менялось как по волшебству. Имея эту точку опоры, Ленин – честолюбец, фанатик, природный диктатор – готов был перевернуть весь мир.

Война создала действительно революционную ситуацию. Объективно – тяжелейшая ситуация («обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов»), субъективно – взрывоопасная ситуация: все традиции, сознательные и бессознательные формы легитимности, позволяющие смягчать социальные конфликты, уничтожаются, вся структура общества воспринимается как незаконная, которую морально готовы разрушать («низы не хотят жить по-старому»), но неспособны защищать («верхи не могут жить по-старому»<sup>67</sup>).

Есть цель и лозунг, всех объединяющий: «Долой войну!» (Разумеется, под лозунгом «Из войны империалистической поспешим в гражданскую!» Ленин бы массы не поднял, это уж были лозунги «для своих»; массы же должны были верить, что грабить награбленное удастся... без новой войны.)

Так слились воедино и образовали какой-то «сверхрезонанс» три разные волны: военное озверение, «вечно пугачевский дух в народе» и ленинско-марксистский фанатизм. Такими были три источника большевизма. В момент их объединения прозвучал великий взрыв в истории России, да, пожалуй, и в мировой истории<sup>68</sup>.

<sup>67</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 218.

<sup>68</sup> Поэтому смешно «выводить» русскую революцию из германского золота, причина была куда серьезнее. И не таким уж бредом кажутся мечты о мировой революции, ведь война была мировой, вооруженные люди, считающие себя обманутыми, озлобленные и «отменившие Бога» (вот чем на практике обернулся призыв Марк-

Война дала Ленину почти готовый образец экономической структуры: ВПК как военно-промышленный комплекс и как военно-промышленный капитализм. Для Ленина эти два значения, по сути дела, совпадали.

Милитаризация и монополизация экономики – вот что стало основой для большевистских экспериментов с экономикой России.

С начала войны резким скачком увеличилась степень государственного вмешательства в производство и распределение. Для нужда военной мобилизации свободный рынок подходил куда меньше, чем жесткое государственное регулирование. Так, по крайней мере, казалось и в Германии, и в России (хотя экономическая победа в войне досталась США, где степень государственного контроля была куда ниже, чем в той же Германии). В России возникают многочисленные военно-промышленные комитеты, «особые совещания»<sup>69</sup> по топливу, перевозкам, продовольствию. (Ирония истории, но не будь войны с ее милитаризацией экономики, не будь тогда «особых совещаний», дело не дошло бы и до сталинских «особых совещаний».)

Войну вообще можно охарактеризовать как максимально возможное вмешательство государства в человеческую жизнь, в жизнь общества. Проявляется это не только на фронте, но и в тылу. Проявляется во всем, прежде всего в экономике.

Не просто марксистское доктринерство, но реальная военно-промышленная практика, ее анализ, вот что послужило основой

---

са «штурмовать небо»), были во всех европейских странах... Да, на тонкой грани стояла Европа! Если Россия заплатила за катастрофу войны, за фрустрацию целого поколения большевизмом, то другие страны – фашизмом, нацизмом. «Потерянное поколение» поставило обманувший его либеральный мир на край гибели, устремившись к соблазну тоталитаризма. Такой, по словам И. Феста, была «могущественная тенденция времени, под знаком которой находилась вся первая половина века» (Фест И. К. Гитлер: биография. Т. 3. Пермь, 1993. С. 388). Ужас Первой мировой войны не закончился 11 ноября 1918 года в Компьене, он тогда лишь прервался. Злая энергия войны была вычерпана до дна 8 мая 1945 года в Берлине.

<sup>69</sup> Особые совещания – форма участия буржуазии в организации и ведении войны: распределение военных заказов и регулирование экономики в целях и интересах буржуазии.

для лучшей работы Ленина, написанной в годы войны, «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Ленин описывает ВПК («идеальной моделью» для него служила германская военная экономика) и находит для него абсолютно точные характеристики.

Свободный, рыночный капитализм, попав под жесткий государственный контроль, становится, как верно пишет Ленин, империализмом. Напомню его классические характеристики, данные Лениным: «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитический или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм»<sup>70</sup>.

Именно этот точно описанный им экономический строй, но под названием «социализм» Ленин сознательно построил в России.

Перечисляя тут особенности империализма, он правильно выделяет как главный системообразующий признак монополистический характер экономики, убивающий конкуренцию, рынок. Отсюда и «паразитизм» (на природных ресурсах, включая «трудовые»), отсутствие стимулов к саморазвитию, отсюда и «загнивание», «умирание».

Но высшая степень монополии есть – Ленин это отлично знал – государственная монополия. Еще раньше Ленин писал, имея в виду государственный протекционизм тем или иным предприятиям в России: «Сатрапы<sup>71</sup> (любопытная словесная ассоциация с «азиатским способом производства». – Е. Г.) нашей промышленности... не представители свободного и сильного капитала, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью... своим гнетом осуждают 5/6 населения на нищету, а всю страну – на застой и гниение»<sup>72</sup>. Ленин поставил целью довести этот строй до логического совершенства. Империализм остается неполным, пока он полностью не слит с государством, пока построен на базе независимой от государства частной собственности.

<sup>70</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 30, С. 163.

<sup>71</sup> Сатрап – наместник сатрапии (провинции) в древнем и раннесредневековом Иране. В переносном значении – деспотичный администратор-самодур.

<sup>72</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С.361.

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

Что именно государственный капитализм (=империализм) Ленин видел в качестве переходной ступени, «куколки», из которой выпорхнет бабочка социализма, общеизвестно. С предельной ясностью, не допускающей разночтений, он писал: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»<sup>73</sup>. Что же нужно, чтобы из империализма «махнуть» прямо в социализм? Только одно: захватить власть! «Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию (государственному. — *Е. Г.*) всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из одного центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной»<sup>74</sup>.

Так выстраивается железная логическая цепь. Капитализм — государственное регулирование — государственно-монополистический капитализм (империализм, загнивающий, паразитический) — социализм.

---

<sup>73</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 193.

<sup>74</sup> Там же. Т. 30. С. 347.

Точно сформулированы и условия перехода от империализма к социализму: смена правящей элиты и установление диктатуры, ликвидация всех демократических «предрассудков». Власть отбирается у «юнкеров-дворянчиков» и передается «сознательным рабочим», т.е. коммунистам. (Почему-то, правда, с этого момента скала начинает плодоносить: государственно-монополистическая экономика перестает быть паразитической и загнивающей, начинают «расцветать сто цветов», как говорили китайские марксисты...)

Ленин дал формулу: коммунизм есть империализм плюс диктатура партии коммунистов. Здесь появляется и логическая законченность, две стороны медали соответствуют друг другу: диктатура в экономике и диктатура в политике. Так возникает чертёж тоталитарного здания. И эта формула в отличие от лепета про советскую власть и электрификацию была действительно воплощена в жизнь полностью, и железной рукой.

Хочу только еще раз подчеркнуть, чтобы не демонизировать, как сейчас модно, Ленина, что весь его план субъективно отнюдь не был «сатанинским планом», направленным на умерщвление России. Этот план даже не был доктринерской реализацией марксистской утопии просто потому, что ничего подобного Маркс не писал. План Ленина в огромной мере вырос из реальной жизни, из практики милитаризованной экономики. Этот план – просто гимн, апофеоз государственного регулирования. В менее радикальных формах с ним были тогда согласны почти все. Ленин не лгал, когда писал: «Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределения продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их.

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

Контроль, надзор, учет – вот первое слово в борьбе с катастрофой и голодом»<sup>75</sup>.

Кажется, что это перепечатка из сегодняшней (сентября 1994-го) «Правды», а не из «Правды» сентября 1917-го! Те, кто последние четыре года радостно предрекают «катастрофу и голод», дают тот же рецепт борьбы с «грозящей катастрофой»: регулирование со стороны государства. Разница лишь в том, что сегодня эти слова выговариваются все же немного труднее, так как мы имели 70 лет, чтобы проверить, к какому «сбережению народных сил», «устранению всякой лишней траты сил» ведет государственное регулирование экономической жизни, необходимость которого, как верно пишет Ленин, была признана «еще при царизме».

Замечательны и конкретные меры установления государственного регулирования, которые провозглашает Ленин:

«1. Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2. Национализация синдикатов, т.е. крупнейших монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т.д.).

3. Отмена коммерческой тайны...»<sup>76</sup>.

С каким же реально существовавшим в истории строем соотносимы ленинские «Тетради по империализму»? О ближайшем источнике его вдохновения – германском ВПК периода войны – мы уже сказали. Другой, более общий источник, – тресты, концерны, картели, в великом множестве возникавшие в начале века, прежде всего в США. В отличие от ВПК – явно временного, вынужденного, мобилизационного образования – эти тресты реально были органическим порождением капитализма, характеризовали его новую стадию. Если бы действительно это была высшая стадия капитализма, то – точно по Ленину – она оказалась бы последней.

В какой-то момент так думали многие. Исследования империализма были тогда очень модны. Собственно ленинский империализм

<sup>75</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 156.

<sup>76</sup> Там же. С. 161.

лизм во многом написан под влиянием работ Каутского<sup>77</sup> и Гильфердинга<sup>78</sup> и в полемике с ними. Его можно рассматривать и как «научный комментарий» к беллетристической утопии Джека Лондона «Железная пята» (1907), в которой описан переход США от свободного капитализма к государственно-монополистическому империализму и политической диктатуре.

Но именно потому, что монополистический капитализм даже в зародыше нес грозную опасность свободному предпринимательству и политической демократии, именно благодаря очевидности того, что он ведет не к логическому развитию, а заводит в тупик, представляя собой злокачественное, паразитическое новообразование на теле капитализма, американское общество вступило в борьбу с этим явлением. Как раз в начале века конгресс и администрация США приняли целый ряд антитрестовских мер, которые «перекрыли кислород» монополистическому перерождению капитализма, редукации рынка. И тут Ленин бил в самую важную точку: должна быть установлена политическая диктатура, которая будет твердой рукой поддерживать и насаждать монополизацию экономики. Только в союзе с политической властью (диктаторской, разумеется) монополистический капитализм может победить свободную конкуренцию и рынок, раздавить их железной пятой, стать тотальным. Как пишет Ленин, тут и происходит процесс «соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм»<sup>79</sup>.

Как свободная политическая конкуренция (демократия) логически связана со свободной рыночной конкуренцией, так и экономическая монополия логически притягивает политическую монополию (диктатуру).

Ну а если монополию будет осуществлять коммунистическая партия, коммунистическая олигархия, то строй этот будет, разумеется, прогрессивным, исторически оправданным, превратится в... коммунизм!

---

<sup>77</sup> Каутский Карл – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

<sup>78</sup> Гильфердинг Рудольф – один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

<sup>79</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 83.

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

Ибо «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа»<sup>80</sup>. Монополия же, согласно Ленину, есть самая глубокая экономическая основа империализма. При этом он настойчиво подчеркивал невозможность существования чистого империализма без основной базы капитализма.

«Основная база капитализма» – рынок, частная собственность. Ленин был прав: пока монополии варятся в общекапиталистическом котле, речь не может идти о «чистом империализме», «чисто монополистическом», «чисто паразитическом».

С тех пор прошло 80 лет. Произошла кейнсианская эволюция – государство на Западе стало куда активнее вмешиваться в экономику, во многих странах были национализированы целые отрасли экономики. Возникли гигантские, супермощные транснациональные компании. Как правило, они не принадлежат кому-то персонально, «хозяйина» нет. Это акционерные общества без контрольного пакета в чьих-либо руках (разве что в руках другого такого же безличного гиганта). Фактически это министерства (а мощность многих из них намного превышает финансовую и технологическую мощность любого российского министерства, скажем). Казалось бы, здесь речь идет о бюрократических монстрах, которые на годы вперед планируют свою деятельность, где бесчисленные чиновники-управленцы чувствуют себя достаточно отчужденно от «дела», заинтересованы брать взятки и саботировать все нововведения, т. е. о полных аналогах советских министерств (ленинских монополий). Отчасти так оно, несомненно, и есть. Еще в 30-е годы министр внутренних дел США Г.Л. Иккес заявлял: «Всякий большой бизнес – это бюрократия».

Так, может быть, подчиняясь объективным законам, Запад своим путем пришел туда же – к государственно-монополистическому капитализму, своему варианту социализма? Многие именно так и понимали идею конвергенции, модную в 60-х годах. Еще раньше, в начале века, такой путь к социализму предсказывал в своей концепции «ультраимпериализма» Каутский. Однако государственно-

---

<sup>80</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 192.



монополистического капитализма в ленинском смысле на Западе не возникло.

И дело здесь именно в рыночной среде, по правилам которой играют крупнейшие корпорации.

В результате эти концерны открыты к техническому прогрессу, деятельность их намного эффективнее, чем деятельность государственных компаний на Западе (не говоря уж о социалистических министерствах) , хотя и уступает в эффективности мелким фирмам.

Государственно-олигархический капитализм (= империализм = социализм) в ленинском понимании больше всего похож на «азиатский способ производства», описанный Марксом. «Суперзападная», казалось бы, социально-экономическая структура парадоксальным образом смыкается с традиционно восточной. Общим является главное: власть слита с собственностью, собственность является функцией власти. Империализм в ленинской интерпретации – это не высшая ступень развития капиталистической социально-экономической системы, а, наоборот, ее редукция к таким структурам, от которых западное общество отделилось сотни лет назад (при сохранении, естественно, технологий XX века). И это на заре советской власти поняли многие.

В те же годы одна часть интеллигенции в поисках объяснений по аналогии считала Октябрьскую революцию самой радикальной западной буржуазной интернационалистской революцией, другая же ее часть была значительно ближе к истине, указывая на глубоко реакционный, самодержавный, «восточный», «почвенно-архаический» характер этой социалистической революции.

Так, Плеханов именно в связи с большевистской идеей национализации земли говорил, что ее реализация приведет к установлению в России «экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий», говорил о большевизме как о «китайщине», «антиреволюционном», «реакционном» повороте назад колеса русской истории<sup>81</sup>.

Один из самых проницательных, философски мыслящих русских поэтов, М. Волошин, так определял сущность революции:

«Вейте, вейте, снежные стихи,  
Заметая древние гроба:  
В этом ветре вся судьба России —  
Страшная, безумная судьба.  
В этом ветре гнет веков свинцовых;  
Русь Малют, Иванов, Годуновых,  
Хищников, опричников, стрельцов,  
Свежеватслей живого мяса,

<sup>81</sup> См. Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 15. М.; Л., 1926 (К аграрному вопросу в России – С. 20–40; Речь по аграрному вопросу – С. 67–76).

Чертогона, вихря, свистопляса:  
 Быль царей и явь большевиков.  
 Что менялось? Знаки и возглавья?  
 Тот же ураган на всех путях:  
 В комиссарах – дурь самодержавья,  
 Взрывы революции – в царях.  
 Взлететь на виску, выбить из подклетья  
 И швырнуть вперед через столетья  
 Вопреки законам естества —  
 Тот же хмель и та же трын-трава.  
 Ныне ль, даве ль – все одно и то же:  
 Волчьи морды, машкеры и рожи,  
 Спертый дух и одичалый мозг.  
 Сыск и кухня Тайных Канцелярий,  
 Пьяный гик осатанелых тварей,  
 Жгучий свист шпицрутенов и розг,  
 Дикий сон военных поселений,  
 Фаланстер<sup>82</sup>, парадов и равнений,  
 Павлов, Аракчеевых, Петров,  
 Жутких Гатчин, страшных Петербургов,  
 Замыслы неистовых хирургов  
 И размах заплечных мастеров...»<sup>83</sup>

В синтезе диктатуры партии и государственно-монополистической (империалистической) экономики поэт увидел тот самый страшный вариант развития, которым тоже была беременна русская история: царский, самодержавный социализм. Именно им как последним кошмаром, как известно, заканчивается «История одного города» Салтыкова-Щедрина – «самодержавным коммунизмом» Угрюм-Бурчеева.

Такой социализм с мрачным восторгом призывал на русскую землю, дабы ее «подморозить, чтобы не гнила», Константин Леонтьев. Он предрекал: «То, что теперь – крайняя революция, станет тогда охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством... Социализм есть феодализм будущего»<sup>84</sup>. И далее: «Чувство мое пророчит мне, что Славянский Православный Царь возьмет когда-нибудь в руки социалистиче-

<sup>82</sup> Фаланстер – в учении одного из представителей утопического социализма французского мыслителя Ш. Фурье (1772–1837) – огромный дворец, в котором должны жить, а отчасти и работать члены фаланги, состоящей из 1500–1800 лиц, соединенных между собой по интересам общего труда.

<sup>83</sup> Волошин М. А. Северовосток // Пути России. Стихотворения и поэмы. М., 1992. С. 89.

<sup>84</sup> Леонтьев К. Н. Письма к А. Губастову // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 401.

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

ское движение... и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым тройким рабством: общинам, Церкви и Царю»<sup>85</sup>. Что ж, надо сказать, что в описаниях «нового средневековья» К.Н. Леонтьев близок к истине, в особенности в предвидении сурового социалистического рабства, общин-колхозов и уничтожения буржуазно-либеральных форм жизни... Интуиция его не подвела – он близко знался с демонами русской истории.

Октябрьская революция кровью смыла, штыком соскоблела с карты России тонкий культурно-западный слой. Вместо него на поверхность вышли мощные архаические пласты культуры, представленные маргиналами города и деревни. Это было, по выражению С.Л. Франка, «нашествие внутренних варваров». Новую элиту образовали «дикие люди» – герои Зошенко, Платонова. Возвращались средневековые по сути варианты самодержавного правления, соединенные с современной техникой и бюрократическими институтами. (Бердяев написал в 1924 году книгу с точным названием «Новое средневековье»<sup>86</sup>.) В минуты прозрения это понимали и некоторые коммунисты (отсюда обозначение Сталина как «Чингисхана с телефоном»). Путешествие из Петербурга в Москву правительства большевиков в 1918 году приобретало символическое значение: возвращение из «петербургской» России в средневековое московское царство-«ханство» (как известно, в 1919 году контролировавшаяся большевиками территория действительно была почти точной копией Великого московского княжества). Паровоз русской истории летел на восток. «Западное влияние» становилось чисто техническим.

Все это показывает, что ленинский «социализм» глубоко лежал в русле русской истории, был органичен для царства «Малют, Иванов, Годуновых» и империи «Павлов, Аракчеевых, Петров». Он представлял собой развитие одной из линий державной истории. Конечно, в российский организм Лениным был занесен вирус, но и сам организм был готов его воспринять. Только это не

<sup>85</sup> Леонтьев К. Н. Письма к А. Губастову // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 417.

<sup>86</sup> См.: Бердяев Н. А. Новое средневековье: размышления о судьбе России и Европы. М., 1991.

был вирус анархии и разрушения государства, чего боялись наиболее крепколобые государственники строгого режима. Как раз наоборот, это был вирус патологического, злокачественного усиления, разрастания государства.

Вечный российский выбор – к саморазвивающемуся гражданскому обществу или самодержавно-восточной деспотии? – был наконец сделан. Было, однако, в чертежах ленинского социализма нечто абсолютно свое, уникальное, что резко отличало его и от всех западных аналогов государственного монополистического капитализма (империализма), и от классических образцов «азиатского способа производства», – то, что хотя и было связано с русской самодержавно-бюрократической и общинной традицией, но принципиально отрицало многое в ней.

*Соединение восточной деспотии (диктатуры) в политике, государственного монополизма в экономике и коммунистической идеологии, отрицающей частную собственность, – только в этом органическом синтезе, скрепленном кровью и подогретом на огне гражданской войны, возникает поистине тоталитарный монолит.*

Дело в том, что хотя при «азиатском способе производства» не развивалась традиция уважения, традиция законности частной собственности, но не развивалась и традиция ее отрицания. Тем более такая идеология немыслима при государственном капитализме. Подобной идеи отрицания частной собственности, и юридически, и социально-психологически насаждаемой государством, пожалуй, вообще не было в известных нам обществах.

Между тем именно жесткой, жесточайшей ликвидации и делегитимизации самого понятия частной собственности добивались Ленин, большевики. Он это делал, несомненно, из доктринерских, начетнических побуждений. Однако объективно это оказалось как раз «недостающим звеном», как любил выражаться Ленин, чтобы замкнуть уникальную цепь поистине универсальной, невиданной ранее диктатуры, чтобы достроить до логического совершенства восточную деспотию. Именно здесь корень, ядро нового строя в истории, тоталитарного строя в его коммунистической редакции. Поэтому, кстати, коммунистический вариант тоталитарного строя был «совершеннее» по конструкции, чем

### Глава III. Три источника и три составные части большевизма

фашистский (там, как известно, соединялись государственный капитализм, политическая диктатура и иная государственная идеология – шовинизм-расизм).

Не притеснение частной собственности, а ее радикальное искоренение, юридическая ликвидация и делегитимизация в сознании общества – вот основа тотальной, монолитной государственной политикоэкономической диктатуры. Тут проходит четкий водораздел между «империализмом» и «социализмом». Таким образом и возник социализм как высшая (последняя) стадия «азиатского способа производства».

«Азиатский способ производства» и его «европейская проекция» – государственно-монополистическое производство, – для того чтобы приобрести внутреннюю завершенность, предполагали элиминирование частной собственности, захват ее государством. Конечно, это была бы завершенность абсурда... Это был бы выход за пределы известной истории человечества – и «западной», и «восточной» – в некое новое измерение. Тоталитаризм вообще любит окончательные решения, перечеркивающие всю предыдущую историю. Германский тоталитаризм искал окончательное решение еврейского вопроса, российский – окончательное решение «рыночного» вопроса.

Конечно, для морального оправдания таких экстремистских шагов необходима мощная идеология, прикрывающая тотальную экспроприацию собственности государством некими сверхпривлекательными утопическими лозунгами. Роль этой идеологии и выполнял социализм, провозглашавший, разумеется, не «огосударствление», но исключительно «обобществление» собственности и, как следствие, резкую гуманизацию всех социально-экономических отношений. При этом фактически как раз не отрицалось, что собственность будет принадлежать государству. Для того чтобы здесь перепрыгнуть через логическую пропасть и ухитриться поставить знак равенства между огосударствлением и обобществлением, нужна была определенная словесная эквилибристика – объявлялось, что само всемогущее государство при благодетельной диктатуре компартии каким-то чудом «отмирает».

Окончательная формула Ленина может звучать так: социализм = политическая диктатура партии + государственно-монополистическая экономика + коммунистическая идеология. Поскольку это не механическая сумма, а синтез, то все части претерпевают изменение внутри единого общего контекста. Здесь уже не остается традиционного «империализма», хотя и загнивающего, но все-таки государственного капитализма, предполагающего рынок, частную собственность и т. д. Нет, здесь действительно возникает качественно новый строй, принципиально отличный от своих предшественников, – строй, где рынка в принципе нет.

## ГЛАВА IV

### Частная собственность номенклатуры

Коммунисты могут выразить  
свою теорию одним положением:  
уничтожение частной собственности.

*К. Маркс, Ф. Энгельс*

Бюрократия имеет в своем обладании  
государство... Это есть ее частная  
собственность.

*К. Маркс*



## 1

История отношений между номенклатурой и номенклатурным государством, история их мучительных противоречий и отчуждения первой от последнего еще не написана. Но можно констатировать: строй был разъеден изнутри его собственным правящим классом. В свое время Маркс писал, что буржуазия «производит прежде всего своих собственных могильщиков». Коммунистическая олигархия сама стала могильщиком своего строя, впрочем, могильщиком расчетливым и корыстным, надеющимся обогатиться на собственных похоронах, точнее, превратить похороны своего строя в свое освобождение от него и рождение нового... тоже номенклатурного строя.

Проявилось это и в 1989–1991 годах. Я уже не говорю о том, что наиболее активная часть либерально-демократической интеллигенции («прорабы перестройки») вовсе не относилась к числу диссидентов – в большинстве своем это, напротив, были люди, так или иначе связанные с властью. Но это как раз почти неизбежно при любой революции, которой предшествует революция духовная.

Гораздо важнее и нетривиальнее было то, что самые массовые отряды собственно номенклатуры – и хозяйственной, и даже политической – вполне спокойно и достаточно сочувственно отнеслись к «антикоммунистической революции». Поэтому она и произошла так легко, бескровно и в то же время осталась «половинчатой», а для многих обернулась обманом их социальных ожиданий и надежд.

Ну и, наконец, совершенно очевидным стал характер номенклатурно-антиноменклатурной революции, когда все увидели, что именно номенклатура (и ее «дочерние отряды» вроде так называемого комсомольского бизнеса) прежде других обогатилась в ходе раздела собственности. Получили права гражданства термины «номенклатурная приватизация», «номенклатурный капитал» (и капитализм), «номенклатурная демократия».

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

В манихейском<sup>87</sup> сознании части нашего общества, пораженном «манией заговоров», возникли в связи с этим идеи мирового заговора номенклатуры, инспирированного, естественно, из Вашингтона и Тель-Авива («Но чу! Катастрофа запланированная. Настоящий волчий стговор – за ним стояли триллионы США, процессу дали ход именно они»), вплоть до откровенно параноидального бреда про «агентов ЦРУ в Политбюро» и тому подобных галлюцинаций<sup>88</sup>.

Однако настоящий анализ проблемы нам еще предстоит.

В 1990–1991 годах у нас, безусловно, произошла мировая геополитическая катастрофа вне зависимости от ее оценки, со знаком «+» или «-». Она была неожиданной для большинства не только советских людей (включая диссидентов), но и для советологов. Так, в середине 80-х годов известные историки А. Некрич и М. Геллер писали: «Приближаясь к своему 70-летию, государство, рожденное в октябре 1917 года, завершает восьмое десятилетие XX века как последняя мировая империя. Над советской зоной – от Кубы до Вьетнама, от Чехословакии до Анголы – никогда не заходит солнце... Успехи системы очевидны»<sup>89</sup>. Именно таким было мироощущение Запада, панически боявшегося советской агрессии.

Причин краха коммунистической системы множество.

Но нас в соответствии с основной темой интересует внутреннее разложение, идущее сверху социальное и психологическое перерождение элиты, а как следствие этого – политическое и экономическое перерождение системы.

С первых дней советского режима номенклатура, держащая глухую оборону от собственного народа и от мира, решает извечный для нее вопрос: каковы гарантии от «реставрации капитализма»?

---

<sup>87</sup> Манихейство (по имени легендарного перса Мани) – религиозное учение, возникло на Ближнем Востоке в III веке, в основе его лежит дуалистическое представление о борьбе добра и зла, света и тьмы как первоначальных и равноправных принципов бытия.

<sup>88</sup> Объективности ради надо сказать, что исторические катастрофы естественно вызывают потрясения в сознании. Когда гигантская империя «вдруг» разваливается, падает, как колосс на глиняных ногах, мифологическое сознание ищет тут тайную и «рукотворную» причину – очередной всемирный заговор.

<sup>89</sup> Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1986. С. 808, 812.

Главной же гарантией всегда было одно – постоянное усиление власти самого «гаранта», коммунистической элиты. И именно эта элита и стала основным «реставратором».

Перерождение элиты и системы имеет длинную историю.

1917–1921 годы – военный коммунизм, частная собственность (на территории, контролируемой коммунистами) упразднена. Война, красный террор. Номенклатура ведет смертельную борьбу, осознает себя в роли якобинцев<sup>90</sup>. 1921–1929 годы – нэп, «мирная передышка», многоукладность экономики. Страна максимально похожа на восточную державу (или, по Ленину, на «империализм»). Есть натуральное хозяйство, мелкотоварное хозяйство, частная собственность, государственно-капиталистические предприятия, социалистическая собственность. В этот период – первый кризис коммунизма, первая возможность «перерождения», буржуазного термидора<sup>91</sup>. Одновременно – железный занавес и идеологическая война со всем миром (и с остатками общества внутри страны).

1929–1953 годы – тоталитаризм. Единственный период, когда действительно в стране торжествовал коммунизм. «Пик коммунизма» – 1937 год. Произошло восхождение на этот пик, «восхождение от абстрактного к конкретному», от теории к жизни. Точнее, редукция живой жизни к теории. «Каток» проехался по стране, по всем экономическим укладам. Не считая существенных мелочей (подсобные хозяйства, например, – ведь есть что-то иногда все-таки нужно), в стране действительно сложился монолит тотально-государственной собственности. Частная собственность полностью уничтожена. Здесь уже ясно видны качественные отличия от «азиатского способа производства», тем более от «империализма». Соответственной оказывается и политическая форма правления – кровавая гражданская война («обострение классовый борьба»).

---

<sup>90</sup> Якобинцы – члены Якобинского клуба в период Великой французской революции, выражавшие интересы революционно-демократической буржуазии, выступавшей в союзе с крестьянством и беднейшим слоем городского населения.

<sup>91</sup> Термидор – термидорианский переворот, происшедший 27/28 июля 1794 года (9 термидора II года по республиканскому календарю) во Франции, свергший якобинскую диктатуру. Термидорианский режим провел меры по финансовой стабилизации и либерализации цен.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

---

1953–1985 годы – спуск с коммунистических «зияющих высот»<sup>92</sup>. Опять кризис коммунизма, и второй звонок. При внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности внутри нее развиваются своеобразные «теневые» процессы, возникает особый «бюрократический рынок». Внутри защитной оболочки государственной (а точнее – «лжегосударственной») собственности зарождается, развивается в скрытой, но действенной форме «квазичастная», «прачастная» собственность. Идет по нарастающей перерождение номенклатуры, незаметный процесс «предприватизации» собственности. Общество начинает опять походить на «империалистическое», «государственно-капиталистическое», отчасти на «восточное», но в искаженной форме. Политическая ситуация опять сравнительно мирная: холодная война государства и во внешнем мире, и со своим обществом. Но война позиционная, застойная, почти бескровная.

1985–1991 годы – конец коммунизма, «третий звонок». Подспудные процессы предыдущего периода выходят на поверхность. Начинается открытая номенклатурная приватизация, частная собственность узаконивается, о реально-государственной (тоталитарной собственности) уже и речи нет. Номенклатура открыто превращается в капиталистическую. К концу этого периода строй похож уже не на «империализм» в классически ленинском описании (тем более не на «восточное» общество), а на что-то переходное к «западной» модели, к рыночной экономике, к открытому обществу и свободному капитализму. Правда, эти перемены вполне еще обратимы. Политически все это идет на фоне тотального разгрома государства, полностью проигравшего психологическую и холодную войну как во внешнем мире, так и внутри страны. Поражение заканчивается распадом, исчезновением прежнего государства...

---

<sup>92</sup> «Зияющие высоты» – сатирический роман философа-диссидента Зиновьева А.А.; название романа пародирует лозунг «Вперед, к сияющим вершинам коммунизма!».

Но за всеми этими реальными историческими метаморфозами стоит одна жесткая логическая схема. Реальная эмпирическая история лишь нарастила на логический скелет факты.

Вспомним те две формулы Маркса, которые взяты в качестве эпиграфа к этой главе. Коммунисты уничтожают частную собственность. Государство есть частная собственность бюрократии.

Эти две формулы образуют жесткие логические тиски, в которых зажато общество, построенное по марксистской теории. Эти две формулы описывают самый краткий из всех, но, в принципе, полный курс истории ВКП(б). Дан логический и социально-психологический каркас истории победоносного и обреченного большевизма.

Из утверждений Маркса можно вывести ряд следствий.

(1) Упразднив частную собственность, коммунисты сделали всю собственность государственной.

(2) Государственная собственность есть коллективная собственность бюрократии.

(3) Каждый отдельный бюрократ, бюрократический клан стремятся превратить государственную собственность в свою частную собственность.

Экспроприация частной собственности – государственно-бюрократическая собственность – частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели.

В принципе, мы здесь сталкиваемся с частным случаем общей проблемы всех восточных деспотий, о чем уже говорилось, – универсальным стремлением чиновников «приватизировать» свою власть, превратить ее в собственность.

Залог гибели системы в неизбежности перехода от (2) к (3), в неодолимости «рефлекса приватизации» у бюрократической олигархии.

Этот рефлекс мог сдерживаться верой коммунистических бюрократов в сакральную идеологию, отрицающую частную собственность, и страхом нарушить догматы этой веры.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

---

Коммунистический строй с его претензией на научность, рациональность был с самого начала построен как спиритуалистический, оправдание которого за гранью разума и фактов, в сфере чистой веры (в действительности веры и страха). Именно идеология, вера в нее и страх ее нарушить должны были образовать барьеры между правом распоряжаться госсобственностью и действиями по ее «приватизации» в свой карман.

Вспомним составляющие большевизма – диктатура государства экономическая и политическая, диктатура бюрократии. Но если над самой бюрократией не будет диктата идеологии, то тогда чем тотальнее строй, чем больше власть правящей бюрократии, тем быстрее она разложится, разделит между собой госимущество, тем быстрее этот строй погибнет.

Поэтому сохранность идеологии была основой строя. А важнейшим компонентом в идеологии была ее антисобственническая составляющая, только она и препятствовала перерождению коммунистического тоталитаризма «назад» в госкапитализм с номенклатурой в роли новых капиталистов<sup>93</sup>.

Для того чтобы идеология была реальным руководством к действию, необходимо было среди номенклатуры выковать тип «новых», «стальных», но «бестелесных» людей. Но вопреки романтическим восторгам, а затем и самоуничижительной иронии, такого типа людей в СССР создать, воспитать, выдрессировать так никому и не удалось.

В 30-х годах официальная пропаганда особенно свирепствовала, и действительно казалось, что многие люди с искренним энтузиазмом «перековываются» в «кускомчелов» (усовершенствованный коммунистический человек – термин И. Эренбурга). Но именно в эти годы происходят события романа М. Булгакова, когда, посетив Москву, Воланд задает себе вопрос: «Изменились ли

---

<sup>93</sup> Разумеется, антисобственнические компоненты в идеологии были внутренне противоречивыми, ведь идеология «экономического детерминизма», исторического материализма провозглашала первой целью своей политики не достижение тех или иных собственно нематериальных, духовных ценностей, а, напротив, «удовлетворение потребностей трудящихся». Тем не менее в отношении частной собственности на средства производства стояло твердое табу, а «для страховки» и личная собственность на предметы потребления для членов номенклатуры в 1920-е годы жестко регламентировалась, по крайней мере формально.

эти горожане внутренне?»<sup>94</sup> И сам на него отвечает: «Ну что же... они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»<sup>95</sup>

Да, так было всегда. Но никогда не было строя, безумно отрицавшего это «человеческое, слишком человеческое» чувство. Никогда не было строя, для которого человеческая любовь к деньгам, собственности несла бы смертельную угрозу. Что же – тем хуже для строя!

В сущности, тот же «воландовский» вопрос сразу после окончания гражданской войны задавал себе «демон революции» Л.Д. Троцкий и с ужасом констатировал: «Когда же напряжение отошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни (и стали называться «номенклатурой». – *Е. Г.*) ...в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Шло освобождение мещанина в большевике»<sup>96</sup>.

Такие «психологические метаморфозы» назывались, естественно, «перерождением» большевиков, хотя на самом деле они доказывали как раз, что перерождения не произошло, что они остались обычными людьми, которым не чуждо ничто человеческое. Их мысли ничуть не противоречили принципам, программным документам партии. Но они хотели – как любой правящий слой после любых переворотов и революций – собственности. Действительно, тривиально.

Конечно, первоначально речь шла не о «первоначальном накоплении», а о «первичном наедании». Они стремились вначале решить вопрос о собственности на чисто потребительском уровне.

<sup>94</sup> Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М., 1988. С. 130.

<sup>95</sup> Там же. С. 133–134.

<sup>96</sup> Троцкий Л. Д. Моя жизнь: опыт автобиографии. М., 1991. С. 477–479.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

не, на уровне своего потребления, быта. Это еще совсем не противоречило политическим принципам партии

В конце 20-х годов был отменен пресловутый «партмаксимум», уже к середине 30-х годов разрыв в уровне жизни (жилье, продукты, вещи) между номенклатурой и «простыми советскими людьми» достиг такой же величины, как разрыв между сановниками того же ранга и беднейшей частью обывателей до революции. После войны в особо привилегированное положение наряду с традиционными отрядами номенклатуры (партэлита, госбезопасность, армия, дипломаты) попала верхушка ВПК. Всегда была богатой группа руководителей торговли.

Однако постоянно растущие привилегии не могли до конца разрешить «социальный вопрос» «голодающей» номенклатуры. Аппетит приходит не просто во время еды, особенно важно, что он всегда опережает количество еды, отпускаемой во всех лучших распределителях. Потребность в «настоящей» собственности, не только на предметы потребления, но и на землю, финансовые компании, промышленные предприятия, торговые фирмы и т. д. – вот что составляло часто неосознаваемый, но все равно мучительный «социальный комплекс». Вот тут уже потребности номенклатуры вступали в противоречие с официальными принципами партии. Л. Д. Троцкий достаточно точно подметил это еще в 30-е годы: «Если сейчас... она (бюрократия. – Е. Г.) сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс<sup>97</sup>.

<sup>97</sup> Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 210.



В этом остром социологическом анализе автор «Нового курса»<sup>98</sup> фактически предвосхитил теорию «нового класса» Милована Джиласа<sup>99</sup>. Конечно, Л.Д. Троцкий излишне привержен марксизму, когда связывает существование «класса» непременно с его отношением к средствам производства. Но он находит простое и глубинное для социалистической системы обоснование стремления номенклатуры к собственности. Потребность в частной собственности связана с таким безусловным инстинктом, как семейный, родительский! Он мог бы назвать свою книгу не «Преданная революция», а «Перерождение государства под влиянием семьи и частной собственности».

Итак, теоретический приговор коммунистической системе произнесен. «Рыба с головы гниет» – чем сильнее власть социалистического государства (чем более «развит социализм»), чем больше у правящего класса, высшего чиновничества, номенклатуры привилегий, тем вернее и быстрее этот класс перерождается, обуржуаживается социально-психологически и стремится стать буржуазией также и в экономическом отношении. Номенклатура разрывает рамки социалистического государства, как птенец разбивает яйцо. Понятно, что это связано не с какими-то «недостатками» или «сталинскими извращениями», а с самим существом системы, несущей в себе свою неизбежную и скорую гибель. В отличие от многих других это пророчество Троцкого сполна подтвердилось.

<sup>98</sup> См.: *Троцкий Л. Д.* Новый курс. М., 1924.

<sup>99</sup> Джилас Милован – видный политический деятель Югославии, близкий соратник Тито, занимавший высокие посты в КПЮ (Коммунистической партии Югославии), затем СКЮ (Союз коммунистов Югославии) и АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии), в конце 1953 года – председатель Союзной народной скупщины. После резкого выступления против превращения компартии в правящий класс страны и морального ее разложения вступил в конфликт с партией и правительством и подвергался репрессиям. См. его работу «Новый класс» в кн.: *Джилас Милован.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 159–360.

Нэп создавал первую предпосылку для «перерождения» тогда революционной номенклатуры: при сохранении политической диктатуры, монополии на власть (и соответственно командных позиций в отношении распоряжения собственностью) она спешила заключить ту или иную форму союза с другими экономически сильными группами населения – нэпманами и кулаками прежде всего – и начать частичное разгосударствление собственности. Вариант, кстати сказать, в чем-то напоминающий тот «китайский опыт», которым бредит часть нашей современной номенклатуры.

В 20-е годы это был бы классический случай «термидора», вариант, постоянно обсуждавшийся в эмигрантской литературе тех лет. После разгрома «левой оппозиции» казалось, что сталинское руководство открыло шлагбаум движению бюрократического государства именно в этом направлении, от складывающегося тоталитаризма назад, к «номенклатурно-государственному капитализму» при сохранении диктатуры партии и ГПУ<sup>100</sup>. Лозунг «Обогащайтесь!», который был брошен крестьянам, мог бы стать в такой ситуации лозунгом номенклатуры.

Как известно, этого не произошло. В конце 20-х годов был совершен мощный рывок. Ударным трудом ОГПУ и всей «остальной страны» здание тоталитаризма было наконец возведено.

Было бы наивно все приписывать личности И. Сталина. Нет, тогда еще и большинство номенклатуры не было готово к «термидору». Общество не было однородным, большевики боялись, и не без оснований, что им не удержаться, если произойдут радикальные социально-политические потрясения. Могли вернуться «старые хозяева», а такая контрреволюция для «комиссаров» с большой вероятностью означала бы не только утрату собственности и власти, но и нечто много более опасное... Гражданская война все еще держала большевистскую номенклатуру на крючке,

---

<sup>100</sup> ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, орган по охране государственной безопасности в 1922–1923 гг. Было затем преобразовано в ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.

связала ее кровавой порукой. Отступать было некуда. Большевики, можно сказать, шантажировали самих себя. Вообще, позиция красных директоров, военных комиссаров, руководства наркоматов и профессиональных партработников не была прочной в захваченной ими стране. Это руководящая бюрократия хорошо понимала. Таким образом, страх заставлял держаться за идеологию, которая, проникая во все поры, цементировала существовавшую систему. Оставались у них и нерастраченная энергия мессианской веры, и элементы социалистических, антисобственнических утопий. Вот это сложное сочетание страха, инстинкта самосохранения, веры делало невозможным «термидор», переворот сверху в 20-е годы.

Как раз наоборот – номенклатура пошла в наступление на страну: «Левой, левой, левой!» Остатки частной собственности экспроприированы, господство госсобственности стало абсолютным, прошел по деревне плут коллективизации. Тоталитарный строй становился абсолютным, завершенным. Из ленинского государства выросло сталинское (1930–1953).

Одновременно увеличивались привилегии, но здесь уж началась внутривидовая борьба среди бюрократии. Номенклатура укрепляла свое господство над страной, Сталин укреплял свое господство над номенклатурой, широко применяя и пряник привилегий, и кнут репрессий. Он вел свою «перманентную революцию», провоцировал «усиление классовой борьбы», позволявшее ему сгибать номенклатурные шеи под железное ярмо «партдисциплины», так что не осталось и голов, думающих о «термидоре». Если и думали, то о другом – опять шаги на лестнице... Неужели ко мне?.. Так удалось «подморозить» и сам большевизм, чтобы не гнил, удержать его «на дыбах», в состоянии «революционного подъема» еще добрых 25 лет – с конца 20-х до 5 марта 1953 года.

Однако за эти годы произошла внутренняя метаморфоза идеологии, отмеченная многими исследователями.

Еще в 1920 году Н. Устрялов провозгласил, что русский большевизм меняет окраску: из космополитического, интернационалистского становится национальным, превращается в «национал-большевизм»<sup>101</sup>. Сам этот термин, возникший в Германии в 1919 году по аналогии с национал-социализмом, получил широкую популярность в 1921 году, после выхода в Праге сборника «Смена вех»<sup>102</sup>. Название сборника расшифровывается просто, если вспомнить знаменитые «Вехи»<sup>103</sup> (1909). Однако дело было не в полемике между двумя сборниками.

Сменовеховцы оказались «попутчиками» большевиков. Они попали в фарватер той мощной волны, того течения в интеллектуальной жизни Европы 1920–1930-х годов, которое бескорыстно восхищалось динамизмом, молодостью, силой фашизма, нацизма, большевизма в противовес «старческой», «беззубой» демократии. Об этих интеллектуалах, об этой моде хорошо сказал К. Чапек: «Есть ли что-нибудь достаточно пагубное, страшное и бессмысленное, чтобы не нашлось интеллигента, который захотел бы с помощью такого средства породить мир?»<sup>104</sup>

В своем восхищении «национал-большевизмом» эмигрантские интеллигенты сильно опередили события. Только сейчас, во «втором издании» КПРФ под руководством Зюганова, коммунистам удалось, кажется, окончательно изжить «скверну интернационализма», стать полностью национал-большевиками. До тех пор пока продолжала существовать многонациональная империя, претендующая к тому же на роль мирового гегемона, мессиански-

---

<sup>101</sup> Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1925.

<sup>102</sup> «Смена вех» – в 20-е годы XX века печатный орган общественно-политического течения русской буржуазной интеллигенции, рассчитывавшей на перерождение советской власти в условиях нэпа.

<sup>103</sup> «Вехи» – Сборник статей о русской интеллигенции», выпущен группой близких к кадетам публицистов и философов религиозно-идеалистического направления.

<sup>104</sup> Чапек К. Война с саламандрами. Сочинения. Т. 5. М., 1959. С. 271.

интернационалистская идеология была неизменным атрибутом все того же «государственничества».

Сменовеховцы сильно заострили и упростили ситуацию: большевистская риторика, хотя и тяготела к самому вульгарному черносотенству (особенно, как известно, в 1945-1953 и в конце 1970-х – начале 1980-х годов), так до конца и не избавилась от обязательных интернационалистских ритуалов. Так обстоит дело даже и сегодня: те же национал-большевики говорят о «чисто русских» интересах, но тут же, не переводя дыхания, требуют восстановления Советского Союза. А вот «очищение от инородцев» московской большевистской элиты действительно было произведено, на радость национал-большевикам (которые до сих пор именно за это чтут Сталина!), абсолютно радикально, но очень мало что изменило в политической сущности коммунистического режима, в его радикал-государственничестве.

Более существенная идеологическая метаморфоза 1920-х – 1953 годов заключалась в другом. Система с годами просто утратила идеологический порыв, идеологическую привлекательность. Революционный дух из идеологии беспощадно вытравляла после своей победы сама система, панически боявшаяся любых революционных выступлений, которые теперь, очевидно, могли быть направлены только против нее, против коммунистического государства.

Это очень быстро привело к окостенению самой идеологии. Она свелась к системе внешних ритуалов. Ярким воплощением такой ситуации, ее персонификацией стал официальный идеолог 1947–1982 годов М. А. Суслов, очевидно являвшийся лишь жестоким «хранителем неподвижности».

Выветривание смысла, сохранение лишь внешней, ритуальной формы – первый шаг к отрезвлению системы. Скоро форма, лишенная содержания, перестает восприниматься как священная, а ее псевдозначительность только раздражает. Новые поколения номенклатуры, вышедшие на первые роли во время чистки 1937 года, были, как правило, лишены романтических настроений, типичных для большевиков предшествовавших поколений. Это были нормальные чиновники, делающие карьеру. В рамках

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

необходимости они готовы были, не слишком задумываясь, исполнять обряды «марксистской церкви», как царские чиновники исполняли обряды церкви православной. Но никаких глубоких убеждений, кроме привычки к ритуальным действиям, у них не было. По остроумному замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, «Россия настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской Империи были римлянами...»<sup>105</sup>. Вот и входящие в номенклатуру были такими же марксистами, как германцы – римлянами. Зато инстинкты собственников, желание частной собственности для многих из них стали настоящей манией, которую приходилось с трудом подавлять. Коммунистическая «церковь воинствующая» превращалась в «церковь циническую». Идеология утрачивала глубокий спиритуалистический характер и изнутри, до краев псевдосакральной оболочки наполнялась безграничным ханжеством и цинизмом. Известный советолог Б. Суварин в 30-е годы писал о СССР как о стране лжи, лжи абсолютной, пропитавшей все здание социалистической системы от основания до крыши.

Антикоррозионное покрытие идеологии, предохранявшее номенклатуру от гниения, истончилось. Вера ушла, оставался страх. После смерти Сталина начал уходить и страх.

---

<sup>105</sup> Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954. С. 142.

«Железная зима» сменилась «оттепелью». Тоталитарное общество стало превращаться в авторитарное. Естественно, «процесс пошел» сверху. Ни один из твердокаменных и «бесконечно преданных» соратников ни на миг не захотел сохранить систему в неизменном виде (все это, кстати, было очень похоже на поведение членов Политбюро через 30 с лишним лет, в начале перестройки). Разумеется, точно так же ни один из них не помышлял тогда и о радикальной ломке системы, но, вступив почти инстинктивно на «наклонный путь» реформ, они, сами того не ведая, отметили начало конца социализма. Но на этот раз часы уже не остановились и тикали до самого «последнего звонка» 21 августа 1991 года.

Почти 40 лет шло накопление сил и средств для столь необходимого стране и такого запоздалого «термидора». Прежде всего накапливались морально-идейные силы, но также и социальные, материальные.

Как только каток репрессий перестал тотально перемалывать все живое, в стране, внутри оболочки прежней системы, в 50–70-е годы начало вызревать, формироваться гражданское общество. Относительно стабильная социальная ситуация, хотя и медленно, но неуклонно растущий жизненный уровень – все это привело к быстрой кристаллизации отдельных социальных групп. В 30–40-е годы по территории страны между бараками и казармами «гоняло облако» «лагерной пыли» – по обе стороны колючей проволоки, это и называлось «обществом», где человек был песчинкой. В 50–70-е годы образуются социальные структуры. Конечно, внутри советского государства гражданскому обществу было примерно так же уютно, как Ионе во чреве кита<sup>106</sup>, и все-таки общество складывалось.

Сила коммунистической системы – ее внутренняя монистическая логическая целостность – обернулась страшной слабостью. Система и заваливаться стала «системно» – последовательно и не-

<sup>106</sup> Иона – ветхозаветный пророк, который, по библейскому преданию, был проглотен китом и провел в его чреве три дня и три ночи.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

обратимо. Раз идеология больше не предохраняла от коррозии – «процесс пошел». Прежде всего коррозия коснулась несущей опоры системы – политической диктатуры. Все внешние атрибуты сохранялись, но сущность менялась принципиально.

Избавившись от Сталина, номенклатура, навсегда сохранившая страх перед кровавой купелью своего рождения, сделала главное – постаралась обезопасить себя от возможности новых «незаконных репрессий». Именно этим страхом был продиктован доклад Хрущева на XX съезде – доклад, с которого и начались шестидесятники – «дети XX съезда». Здесь был гуманистический, идеалистический аспект и аспект самосохранения номенклатуры, причем представлены они были слитно, нераздельно. Так был сделан важный шаг от тоталитарной диктатуры к авторитарному режиму, провозглашено нечто вроде манифеста Петра III<sup>107</sup> «О даровании вольностей дворянству». Новое дворянство прежде всего заботилось о себе: было принято негласное, но жесткое положение, гарантирующее личную и имущественную безопасность, неприкосновенность жилища и т.д. номенклатуры. С этой нигде не зафиксированной «картии вольностей» номенклатурных баронов началось формирование стабильного общества.

Вслед за минимальной личной безопасностью номенклатуры нечто подобное снизошло и на ее подданных, «простых советских граждан».

А когда появляется стабильность, когда как-то решена проблема безопасности, на первый план неизбежно выходит проблема собственности. Пошла деформация «экономического базиса» социализма.

Началось личное накопление. Оно было слишком скромным, чтобы называться первоначальным, но это было предпервоначальное накопление. У определенных категорий граждан накапливались уже не предметы потребления, а капиталы, пока не имеющие «выхода», приложения. Номенклатура, торговые работники, теневики, генералы ВПК, отдельные преуспевающие работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов. Впрочем, не так уж эти предкапиталы были скромны; например, по свидетельству

<sup>107</sup> Петр III – российский император с 1761 года.



А.С. Черняева (помощника Горбачева), в 1986 году у председателя Союза писателей СССР Г. Маркова было состояние около 14 миллионов рублей<sup>108</sup> (по покупательной способности 1994 года – примерно 40–50 миллиардов рублей. Думаю, что даже сегодня таким личным капиталом не многие могут похвастать...).

Но решающее значение имело не само по себе накопление материальных средств. Куда важнее, что наряду с этим менялись отношения собственности, менялась система управления госсобственностью.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев. Это еще не была номенклатурная приватизация, но пресловутое «чувство хозяина» уже появлялось (конечно, не у рабочих, а у тех, кто действительно многим командовал).

Когда распалась жестокая тирания, фактически ослаб и единый управляющий центр. Формально система оставалась жесткой, административно-командной, подчиненной ЦК, Госплану и т.д. На деле все было не так. Сильные директора, министры, секретари обкомов имели неформальное и значительное автономное влияние. Как писал В. Найшуль, «в стране действовала не командная система, а экономика согласований – сложный бюрократический рынок, построенный на обмене-торговле, осуществляемом как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на бюрократическом рынке происходит обмен не только и даже, пожалуй, не столько материальными ценностями... но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и вообще всем тем, что имеет какую-либо ценность. Согласие ди-

<sup>108</sup> Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям. М., 1993. С. 95.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

ректора предприятия на увеличение плана может быть обменено, например, на улучшение его служебного реноме, дополнительную партию труб и незаконное разрешение нарушить одно из положений инструкции»<sup>109</sup>.

Аналогичный «бюрократический рынок» есть и был всегда. Но в нормальной рыночной экономике он занимает подчиненное положение по отношению к рынку, где действует закон цены. Бюрократический рынок – это то, что остается от обычного рынка, если нет частной собственности, если «вычесть» из рыночных отношений деньги, всеобщий эквивалент (аналогия – жесты и мимика занимают подчиненное положение, если есть речь. У немых жесты занимают первостепенное место). Бюрократический рынок – основной вид рынка при «азиатском способе производства», хоть как-то регулирующий эту систему, способствующий ее самонастраиванию. Развитие или подавление бюрократического рынка обозначает границу между авторитарным, азиатским, «империалистически-социалистическим» (Ленин) и тоталитарным строем (Сталин).

До государственного капитализма было еще далеко, но пружина начала раскручиваться, монолит покрывался все новыми трещинами. И чем интенсивнее развивался бюрократический рынок, тем в большей степени его субъекты осознавали себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Вот это «предгражданское» общество – уродливое, теневое, с сильным криминальным оттенком, олигархическое и т. д. – вызревало внутри Системы, давило и требовало каких-то перемен. Нужен был какой-то узаконенный выход для желания и возможности свободно управлять, а затем и владеть собственностью, своей личной, частной собственностью. Система была «беремена термидором» хотя бы в форме перехода к государственному капитализму. Вызрел этот запоздалый «термидор» медленно – свыше 30 лет. Но второй «термидорианский» кризис происходил уже в совсем иной обстановке по сравнению с периодом нэпа.

---

<sup>109</sup> *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясины. М., 1991. С. 31.

Номенклатура на сей раз куда меньше боялась реставрации капитализма.

Социально директора и чиновники чувствовали себя абсолютно уверенно. Конкурентов в виде нэпманов, кулаков, «старой интеллигенции» не было (с «цеховиками» номенклатура заключала соглашения, но с позиции силы), поэтому ясно было, что социальные потрясения не пойдут на пользу другим классам, а если кто и выиграет, то как раз номенклатура.

Был и еще один индикатор, показывавший, как далеко зашло отчуждение номенклатуры от «ее» строя. Дело в том, что для описания дел в стране советская элита с конца 70-х годов пользовалась, как и весь народ, одним словом – «маразм». Конечно, объективно это было именно так. Но куда важнее, что номенклатура это сознавала. Факт осознания тоже доказывал, что ответственные группы номенклатуры созрели, готовы к переменам.

6

В сущности, к концу 70-х – началу 80-х годов сохранилась лишь внешняя, дряхлая оболочка строя (наглядным ее символом было геронтократическое Политбюро).

Держался грозный режим, запугавший весь мир и сам запуганный до смерти, на инерции, защищался от слепящего света разума, кутая голову в рваный бабушкин капот идеологических ритуалов. Эти ритуалы еще в 30-е годы потеряли исходный и всякий другой смысл, превратились в анекдот. Впрочем, злее издеваться над ними, чем издевалась невольно сама номенклатура, было невозможно. Когда секретари обкомов, министры, генералы и председатели колхозов-миллионеров пели, что они «голодные рабы» и «кипит их разум возмущенный и в смертный бой вести готов», никакой Жванецкий более злой, убийственной насмешки, никакой Ионеско более сюрреалистической сцены придумать бы не смог. Поэт говорил: «И, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова»<sup>110</sup>. Саван мертвых идеологических заклинаний, который накинули на страну и в котором барахталась страна, распространял вокруг себя зловоние. Все видели, что король голый, более того, мертвый. Третий компонент Системы, некогда придавший ей целостность и оригинальность, – антикапиталистическая, антисобственническая идеология – деградировал быстрее всего.

Во всяком случае, члены номенклатуры 60–80-х годов в отличие от большевиков уж точно не ощущали себя суровыми яковинцами. Пуловина, соединявшая их с официальной коммунистической, антисобственнической идеологией, держалась еле-еле, на честном партийном слове.

В 70-е годы с набатной силой и неотвратимостью зазвучал «антисоветский» призыв Александра Исаевича Солженицына: «Жить не по лжи!» В условиях того времени это значило: жить не по законам «коммуномаразма». Солженицын писал вождям: «Отпустите же эту битую идеологию от себя!.. Стяните, отряхните со

---

<sup>110</sup> Гумилев Н. С. Слово // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 39.

всех нас эту потную и грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации...»<sup>111</sup>

По сути дела, писатель призывал к окончательной секуляризации государства, призывал очистить здание государства от облупившейся и полинявшей красной краски, которая когда-то была сакральной идеологией. Но, может быть, здание одной краской и держится и без нее обвалится? С чем тогда останется живая номенклатура, отказавшись от мертвой идеологии? Не окажется ли она сама «битой», а ее реальная власть и богатство нелегитимными?

К радикальным переменам номенклатура была не готова, но локальных ждала с нетерпением. Я не верю легендам о том, что кто-то всерьез хотел продлить «тонку на лафетах» (так вышучивали похороны престарелых генсеков), избрав на царство очередного старца. Даже быстрота, с которой после смерти К. У. Черненко сообщили об избрании М. С. Горбачева, доказывает, что официальная формула «единодушно» соответствовала на сей раз действительности. Г. Арбатов, находившийся в марте 1985 года в составе высокономенклатурной делегации ЦК КПСС в Нью-Йорке, вспоминал, что все члены ЦК «говорили об одном: лидером должен стать М. С. Горбачев, и только он. И даже грозились: если что будет не так – выступить на пленуме ЦК»<sup>112</sup>. Но так думали и члены ЦК в Москве, все было именно «так». Когда же делегация в Нью-Йорке узнала, что пленум прошел, Горбачев избран, то «началось настоящее ликование. Я полушутя сказал своим коллегам: "Подождите радоваться, пока не сядем в самолет, у нас же национальный траур!"»<sup>113</sup>

Думаю, что в этом случае Г. Арбатову можно верить. Номенклатура (как и весь народ) ждала «обновления» и связывала его с Горбачевым.

Для перемен нужна была какая-то идеология. Если отбросить «сусловский марксизм», то в стране были две реально пользующиеся спросом идеологии: традиционный имперский великодер-

<sup>111</sup> Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза. Париж, 1974. С. 17.

<sup>112</sup> Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991. С.339.

<sup>113</sup> Там же.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

жавный шовинизм «государственничества» и «социализм с человеческим лицом».

За первой идеологией стояла мощная традиция. Она веками была господствующей в стране, официальной. Ее господство не прервалось и в 1917 году. Секуляризация коммунистического государства, гибель коммунистической идеологии тем более, казалось бы, не мешали этой традиции. Коммунизм просто окончательно, официально превращался в национал-большевизм.

Официальная идеология в ее чисто формальных определениях к началу 80-х годов (как и все предыдущие десятилетия) включала два совершенно разных компонента.

На уровне содержания – государственничество, то есть сакрализацию, наделение священным смыслом твердой, авторитарной, самодержавной власти государства и его чиновников.

С точки зрения формы – псевдомарксистские ритуалы с их антикапиталистической, антисобственнической риторикой.

Предстояло лишь отбросить ветошь второго и облечь в новую форму, придать новый импульс первому. Вот и «жизнь не по лжи», а по вполне живой имперской традиции. Собственно, это и есть план наших сегодняшних «патриотов». Наряду с общей, необсуждаемой мощной традицией обожествления государства здесь были (и остались) дополнительные, привлекательные для многих психологические обертоны – ксенофобия, антисемитизм, имперское тщеславие и чванство. Наконец, эта идеология намертво спаяна с всемогущим ВПК, является для него «сакрально-лоббистской» идеологией. По всем этим признакам казалось, что победа гарантирована именно ей.

Но что легко на словах и убедительно логически, то невозможно на деле. Во-первых, холодная война, соревнование с американским ВПК были к середине 80-х уже безнадежно проиграны, и это притом, что в топку «нашего бронепоезда» было брошено абсолютно все. В безумной системе вся высокотехнологичная индустрия работала только «на войну». В этих условиях реально наращивать силы ВПК можно было лишь при одном условии – если бы удалось научить всех жителей СССР одеваться исключительно в солдатские портянки, а питаться только машинным маслом для танков...

Но «державный ренессанс» был не просто технологически неосуществим. Гораздо важнее другое: он был социально-психологически невозможен, невыгоден для капитализирующейся номенклатуры.

Разумеется, никакой логической связи между собственно державным («национальным») и коммунистически-антисобственническим («большевистским») компонентами идеологии не было. Логически разделить их легко. Но была связь историческая, психологическая. В 1920–1930-е годы националбольшевизм возник как компромисс. Но так долго (почти 60 лет) развивался державный национализм в марксистской оболочке, что сросся с ней, и сам не имел сил ее скинуть.

Иными словами, торжество национально-государственной идеологии в 80-е годы могло выступить лишь как торжество национал-большевизма (= сталинизма). Для номенклатуры это традиционно ассоциировалось с «завинчиванием гаек» и с ограничениями свободы – свободы обогащаться. Персональными носителями такой идеологии выступали как раз самые «крепколобые», «ортодоксы» сталинизма. Такая идеология была непопулярна не только в народе, но и среди партийно-хозяйственной номенклатуры и даже номенклатуры ВПК, которая мечтала наконец-то реализовать свои давно выношенные собственнические желания.

В этих условиях победа постепенно доставалась идеологии «социализма с человеческим лицом». Это «лицо» было единственной защитной маской, под которой сходился в 60–80-е годы конгломерат самых разных идей. И идеи, действительно близкие к утопически-гуманистическим вариантам «раннего Маркса», «истинного марксизма» (даже «истинного ленинизма») в противовес «плохому сталинизму»), и круг идей, близких к социал-демократии и даже к обычному либерализму, но прежде всего, конечно, базальная идея «общества потребления» с избавлением от «марксистского маразма» – все это переплеталось самым удивительным образом, высказывалось самыми разными людьми и социальными группами. Главным тезисом был отрицающий: отрицание марксистически задубелой постсталинской идеологии и системы и

в противовес ей общий «прозападный» крен. Весь вопрос в том, кто что смог увидеть на Западе. Один – чехословацкую весну, другой – еврокоммунизм, третий – шведскую модель, все без исключения видели роскошные магазины и устроенный быт, и очень мало кто – последовательно-либеральную политическую и экономическую систему. И если бы кто-то взялся объединить вместе таких разных людей, как «цеховик» из Грузии, дающий взятки секретарю обкома и мечтающий давать их дальше и расширять свое подпольное производство; правозащитник из Хельсинкской группы; консультант международного отдела ЦК КПСС, советуемый проводить политику «детанта»<sup>114</sup>; академический историк, пытающийся разобраться в фальсификации вокруг подлинной истории КПСС; валютчик, мечтающий об отмене соответствующей статьи УК; представитель «золотой» молодежи, учащийся в МГИМО и согласный бороться с капитализмом только в его цитадели; директор, желающий самостоятельно управлять и распорядиться доходами со «своего» завода; чиновник Внешторга, с завистью глядящий на своих богатых западных партнеров (а то и берущий у них «подарки»), – если бы кто-то собрал их всех и сказал, что объективным конечным результатом их усилий вскоре станет ликвидация всех структур, с которыми они так или иначе связаны, появление в России политической свободы, рынка, начало капитализма, – как сильно бы они все удивились.

В 1985 году шлюзы открылись, и все произошло именно так. Когда говорят о «неэффективности» рижовско-горбачевских реформ, об их слишком медленном темпе, об упущенных возможностях, все время забывают главное – каков социальный адрес, социальный смысл реформ. Если иметь в виду, что социальный смысл был именно в «номенклатурной приватизации», то обвинения несправедливы – все делалось достаточно быстро, хотя и не слишком надежно. Другое дело, что только параноидальное мышление, везде ищущее «заговоры», может представлять дело таким образом, будто поэтапно вступал в дело некий «тайный

---

<sup>114</sup> Политика «детанта» – политика, нацеленная на разрядку международной напряженности между странами восточного блока (прежде всего Советским Союзом) и странами Запада.



план» раздела, номенклатурной приватизации госсобственности. Разумеется, ничего подобного не было, быть не могло. Номенклатура в лучшие-то времена не была так прозорлива и, главное, едина, чтобы составлять и реализовывать подобные планы, а уж в ситуации раздела действовать по общему плану вовсе невысказано. Нет, все делалось, как всегда в истории, методом проб и ошибок, но делалось, надо сказать, достаточно эффективно, так как выгода от «проб» доставалась бюрократии, а за «ошибки» расплачивалось государство. Номенклатура шла вперед ощупью, шаг за шагом – не по отретфлексированному плану, а подчиняясь глубокому инстинкту. Шла на запах собственности, как хищник идет за добычей.

То, что революция, спущенная сверху, была подхвачена низами и подхвачена под антиноменклатурными, эгалитарными лозунгами, вполне естественно.

Еще и в 1990 (!) году многие не верили в серьезность перестройки, считали ее обманным маневром, должным укрепить и сохранить традиционную советскую систему. Конечно, такой маневр был бы абсурдом, если иметь в виду все внешние атрибуты: политическую и экономическую систему, идеологию, империю и прочее, что осознавалось как навязанное человеческой природе. В действительности перестройка выдавала усилия номенклатуры довести до совершенства систему бюрократического рынка, выдавала поиск новых названий старым вещам, новых теоретических оправданий своего господства, для чего было необходимо изменить фасад обветшалого строя, легализовать стихийно сложившиеся внутри системы отношения собственности, построить (или вывести из тени на поверхность) здание номенклатурно-бюрократического государственного капитализма. Реально это можно было сделать лишь под антиноменклатурными лозунгами.

Такова обычная судьба любой революции, которая физически осуществляется, разумеется, широкими массами, но в интересах, как правило, организованного (и обычно богатого и достаточно привилегированного и при старом режиме) меньшинства. Здесь была и определенная ирония, «гартюфовский» поворот революции, которая всегда обещает больше, чем выполняет. Известно, что многие активные демократы 1990–1991 годов испытали затем разочарование, иные из них, такие как Ю. Власов, по этой причине стали яростными противниками реформ.

Но совпадения декларируемых целей и результатов в политике не бывает, тем более при резких, революционных поворотах: чем круче, радикальнее, «честнее», «последовательнее» революция, тем более разителен разрыв между ее целями, намерениями, надеждами масс и реальным исходом. Тем более это верно, когда революция становится кровавой, необ-

ратимой. В 1990–1991 годах такая опасность была, однако ее удалось избежать. Настоящей (сравнимой по масштабу разрушений с тем, что мы привыкли понимать под этим словом) гражданской войны, к счастью, не случилось. Можно вести терминологический спор, что тогда было у нас – мирная, «нежная» революция или радикальная эволюция государства, но в любом случае до взрыва дело не дошло. Я думаю, это результат целого ряда причин.

Во-первых, обстановка в мире. Мирная Европа не несла в себе того поля ненависти и агрессии, которое было во время Первой мировой войны, породившей большевизм. «Бархатные» революции прощуршали в Восточной Европе, даже в Румынии не дошло до настоящей, большой революции. Больше всего это напоминало 1848 год – шквал «студенческих», демократических, буржуазно-демократических революций. Несомненно, «западный ветер» оказал благотворное влияние на нашу страну. Самыми популярными, самыми популистскими, если угодно, лозунгами 1988–1991 годов были – за свободу и за рынок. В каком-то смысле это лозунги «общества потребления». И наш избиратель наивно, а вернее, просто слишком нетерпеливо (хотя, в сущности, правильно) надеялся, что реализация этих лозунгов приведет его к такому же уровню жизни, как в «цивилизованном мире».

Во-вторых, русский исторический опыт. Есть надежда, что за период 1900–1953 годов страна получила иммунитет против политического террора, против насильственных революций, перманентных или мгновенных. Не напало в 1988–1991 годах такой серьезной политической и социальной силы, партии, которая рискнула бы «звать Русь к топору».

Еще в 1969 году, пытаясь предсказать, что произойдет при неизбежном распаде советской системы, А. Амальрик писал: «Нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. Ужасы русской революции 1905–1907 и 1917–1920 годов покажутся тогда просто идиллическими картинками»<sup>115</sup>.

<sup>115</sup> Амальрик А. А. Просуществовет ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясины. М., 1991. С. 661.

## Глава IV. Частная собственность номенклатуры

Этот «профилактический ужас» оказывал в 1988–1991 годах подспудное воздействие на сознание радикальной интеллигенции, которая хотя и раздувала общее недовольство режимом, но все время была настороже и во всех тех случаях, когда интеллигенты начала века жали на «газ», их внуки спешили нажать на «тормоза». Но тот же страх гнезвился в сознании и большинства избирателей. Не зная, может быть, деталей, исторических подробностей, люди интуитивно чувствовали главное – хуже насильственной революции ничего быть не может. «Предчувствие гражданской войны», о котором пел известный бард Шевчук, так и осталось предчувствием.

В этой новой русской революции ни интеллигенция, ни народ не захотели оказаться в роли нетерпеливых самоубийц-экстремистов.

Надо отдать дань и политической ответственности Б. Н. Ельцина, сумевшего тогда возглавить движение и твердо удержать его в рамках, не дать разлиться бунтом, провести в 1991 году смену режима цивилизованно: по форме – революционно, по сути – компромиссно.

Наконец, в-третьих, сама номенклатура, решая свои задачи, достаточно умело маневрировала. Она показала себя более гибкой, чем можно было ожидать. Практически перед народом не вставала та железная стена, которую надо свалить. Стена всякий раз легко прогибалась, оказывалась «резиновой», что делало бессмысленными насильственные действия, и, наоборот, вполне естественной и достаточной становилась «нежная» революция.

Страх и исторический опыт сдерживали номенклатуру, заставляя ее быть более осмотрительной. Но главное, ей было легко «поступаться принципами», ибо у нее давно их просто не было: декларируемые принципы ей давно были смешны и противны, а своими интересами она отнюдь не поступалась, наоборот, успешно их реализовывала. В итоге удалось добиться, может быть, не самого эффектного, но, пожалуй, самого эффективного для страны политического результата в XX веке – решительного, но мирного, эволюционного по сути, хотя и революционного по форме, изменения. Другое дело, что возникший в итоге компро-

мисный режим имеет массу противоречивых и потенциально опасных сторон.

И главный вопрос, который тогда остался открытым: какой строй мы строим, куда идем «с вершин социализма» – в открытую рыночную экономику «западного типа» или же в номенклатурный капитализм, еще одну разновидность «империализма», описанного Лениным, и «азиатского способа производства», о котором говорил Маркс.

Этот вопрос предстоит решать нам сегодня, это – наш выбор.

## ГЛАВА V

### Первоначальное накопление

Ты рядом, даль социализма.

*Б. Пастернак*

1

Сегодня мы можем подвести предварительный итог социально-экономическим переменам последних лет.

Если постараться обобщить их в виде формулы, то ее можно представить как обмен власти на собственность. Это так и совсем не так. Именно эта формула выявляет основное социально-экономическое и политическое противоречие нашего времени.

Обмен номенклатурой власти на собственность... Звучит неприятно, но, если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х годов соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства. Альтернатива – взрыв, гражданская война... с последующей диктатурой новой победившей номенклатуры.

Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно «выкупить». Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности. Дальше свои позиции каждому владельцу придется подтверждать делом. В любом случае такой обмен власти на собственность означал бы шаг вперед от «империализма» к свободному, открытому рынку, от «азиатского способа производства» к европейскому, означал бы конец самой номенклатуры как стабильной, пожизненной, наследственной, не подвластной законам рынка политико-экономической элиты.

Это один вариант «обмена власти на собственность». Он устраивал демократию, но не номенклатуру.

Номенклатуре (директорам, руководящим чиновникам Совмина, генералам ВПК и КГБ, секретарям обкомов и райкомов и т.д.), которая действительно ради обретения собственности шла на смену системы, поступалась частью своей административной власти, нужен был другой вариант обмена: приобрести собственность и сохранить гарантию власти. Им нужно было, чтобы соб-

ственность в стране двигалась не под влиянием рыночных законов, а по-прежнему в магнитном поле власти.

Номенклатура хотела растащить систему (госсобственность) по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантию власти над собственностью. Номенклатурный пленец проклевывается из твердой скорлупы – там ему тесно, но вне яйца – страшно.

Тут, кстати, нет ничего специфически номенклатурного. Многие мечтали об «очень частной» собственности – частной для себя лично, для своего клана, по способу управления, владения, распоряжения доходами и государственной для всех остальных. Известный и вполне конкурентоспособный наш предприниматель М. Юрьев пишет: «Интересам крупного бизнеса в отличие от мелкого и среднего, а также основной массы населения в наибольшей мере отвечает полулиберальная экономика: либеральная для него, но не либеральная для других»<sup>116</sup>. Если же такой «крупный капитал» изначально образует правящий класс, связанный старыми властными отношениями, то он будет пытаться твердо реализовать свои интересы.

Идеальная формула для бюрократии звучит так: прибавить к власти собственность! За основу рынка следует взять старый «бюрократический рынок», где позиция участника определяется его чином, административной властью, но научиться извлекать из этого рынка настоящие денежные доходы. На нашем «новоязе» это называлось довольно точно – «регулируемый рынок». Регулируемый номенклатурой. Провести разгосударствление таким образом, чтобы в результате, перефразируя ленинское определение империализма, производство (расходы на производство и риск) осталось общественным, но присвоение стало частным. Сохранить основу государственно-монополистического капитализма, империализма. Приватизация официально не провозглашается, открыто не проводится, но реально она идет «совершенно секретно», идет только в своем кругу, для своих.

На первом этапе развитие выглядит примерно так: контроль над собственностью сохраняется в руках государства (бюрократ-

---

<sup>116</sup> Бизнесмены России: 40 историй успеха. М., 1994. С. 193.



тии), но зато контроль над самими бюрократами государство ослабляет, а фактически утрачивает. Или другими словами: чиновники пользуются по-прежнему огромными возможностями в управлении и распределении ресурсов (как слуги государства), но в отношениях между собой, внутри государственной системы, переходят на откровенно рыночный язык, уже без особого камуфляжа торгуют друг с другом и с бизнесменами, включенными в номенклатурный круг, финансовыми (льготные кредиты) и природными (квоты, лицензии) ресурсами, которыми они распоряжаются, основными фондами и продукцией «своих» предприятий и т.д. Когда-то автор термина «административно-командная система»<sup>117</sup> предложил, чтобы каждый чиновник вполне официально получал «маржу» – определенный процент с разрешенной им торгово-финансовой операции. Видимо, так известный экономист представлял формирование рынка... «при самой системе». Если под «официально» понимать «гласно», то на это номенклатура совершенно не согласна, если же «официально» значит по твердой таксе, по строгим правилам, то это действительно составляло их мечту, которую они и реализовывали.

Так складывалось поистине идеальное для бюрократии решение: по способу присвоения они оказываются в роли владельцев, «сами себе капиталисты», но по степени ответственности они не только не капиталисты, но даже и не традиционные чиновники – дисциплина предельно ослаблена. Если же прибавить к этому еще одно: создание при различных госпредприятиях своих (принадлежащих родным и близким директорам) кооперативов, ТОО, МП, СП и т.д., экономический смысл которых «обналичивать», «отмывать» деньги для номенклатуры, то получается поистине гениальное решение. Открыты все пути для обогащения, сломаны все рычаги ответственности. Это положение «приказчика», «слуги государства» при том условии, что хозяина нет, государство парализовано.

Конструкция системы была в действительности очень простой. Открыто действует старый бюрократический рынок, но

---

<sup>117</sup> Попов Гавриил Харитоньевич – экономист, политический деятель и публицист, первый мэр Москвы.

при нем, находясь в подчиненном по отношению к нему положении, формируется и нормальный экономический рынок. Однако этот последний фактически выполняет лишь «подсобную» роль – «отмывает» деньги, помогает постоянно «конвертировать» властные полномочия чиновника в деньги. В сущности, это была административно-командная система, научившаяся эксплуатировать рынок (точнее, создавая «под себя» рынок, чтобы его эксплуатировать).

Ничего нового, конечно же, в этом не было. Поучительно сравнивать эту конструкцию с бюрократическим рынком времен нэпа, описанным, скажем, Ю. Лариным в 1927 году. Перечисляя (разумеется, с прокурорской интонацией) «12 способов нелегальной деятельности частных капиталистов», он выделяет самое главное – наличие «соучастников» и «агентов» в государственном аппарате. «В составе государственного аппарата был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек крут лиц, которых... служа в хозорганах... в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и «становились на собственные ноги»<sup>118</sup>. Далее он пишет: «Под лжегосударственной формой существования частного капитала я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным заготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, заготовитель и т.д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному

---

<sup>118</sup> Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 440.

органу, а в действительности он – частный предприниматель, состоящий только в договорных отношениях с государственными органами»<sup>119</sup>.

Любопытно, что совокупную величину частного капитала этих «нескольких десятков тысяч» Ю. Ларин определяет в 350 миллионов золотых рублей 1923 года, т.е. в современном масштабе цен – приблизительно около 5 триллионов. Несомненно, что сегодня (и даже в 1990–1991 годах) размеры частных капиталов в России значительно больше. Но если суммы разнятся, то механизм образования схвачен довольно точно. Фактически с 1988 года большая, все растущая часть государственной экономики вполне могла считаться «лжегосударственной формой существования частного капитала». А еще через несколько лет эта форма стала доминирующей.

Не сразу, шаг за шагом пришли примерно к такой ситуации где-то к 1990 году. Но каждый шаг приносил новые выгоды номенклатуре. Вехами были и закон о кооперации, и выборы директоров, и понижение их ответственности перед министерствами (параллельно общее снижение до нуля так называемой партийной дисциплины, на которой держалось все в государстве), и изменение правила, после которого предприятия получили возможность «накручивать» зарплату и исподтишка взвинчивать цены на свою продукцию, притом что формально цены отпущены не были. Период «позднего Н. Рыжкова» и В. Павлова, с 1988 по 1991 год, с моей точки зрения – самый «золотой» период для элитных политико-экономических групп. Не случайно основы большинства крупных состояний и фирм, которые доминируют у нас и сегодня, были заложены именно в те годы.

Основные социальные группы, резко разбогатевшие тогда, хорошо известны: часть чиновников и директорского корпуса, руководители «избранных» кооперативов, по тем или иным причинам получившие изначально крупные государственные деньги, «комсомольский бизнес». Именно эти группы аккумулировали первые капиталы, с которыми они спешно создавали «независи-

<sup>119</sup> Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 446.

мые банки», компании по торговле недвижимостью, захватывая (точнее, формируя) самый выгодный рынок.

Надо сказать, что эти «пионерские группы» были достаточно замкнутыми, могли сказать про себя: «Чужие здесь не ходят». Разумеется, в условиях бума обогащения сохранить герметичность нереально, как нереально и в полном порядке старой номенклатуре, не ломая строй, переместиться в первые ряды рыночной элиты и плотно оккупировать возникающий рынок. Но благодаря крепкому административному контролю за «раздачей» больших льгот (а значит, состояний) это в значительной мере удалось. По крайней мере существенного перемещения «больших денег» после 1991 года не было. Хозяйственная элита, возникшая к тому времени, оказалась достаточно стабильной. Параллельно возникали и новые группы политической элиты: смесь «перестроившейся» старой номенклатуры и тех, кто рискнул броситься в большую лотерею, открывшуюся с началом первых в истории России свободных выборов.

Должен сказать, что вопреки распространенным в печати стонам и крикам размах номенклатурного разворовывания в 1990–1991 годах намного превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992–1994 годах. Отдельные крупные «панамы» (чеки «Урожай-90», например) не имеют тут решающего значения. Дело не в тех или иных скандалах, которые всегда были и будут, а в системе. Система 1990–1991 годов с полной неопределенностью в правах на лжегосударственную собственность, с полной безответственностью (да тут еще и два параллельных центра власти – Кремль и Белый дом, а для «окраинных» республик – Кремль и местная власть) была как будто (или на самом деле?) специально создана, чтобы, не боясь ничего, не стесняясь ничем, обогащаться. Номенклатура вышла на «нейтральную полосу», «ничейную землю», где можно было делать все, и мечтала лишь оставаться там подольше.

В те годы много ругали Ленина, но именно тогда блестяще подтвердилась данная им характеристика государственно-монополистического капитализма (империализма) как хищнического, паразитического, загнивающего. Эффективность этого посткоммунистического империализма оказалась столь велика,

что страна действительно приблизилась к грани экономического коллапса.

Такова цена стихийно складывавшегося исторического компромисса. Номенклатура для своей выгоды, по своей мерке, в естественном для себя темпе строила капитализм. Но именно это и позволило всей стране (в том числе под демократическими, антиноменклатурными лозунгами) мирно, без гражданской войны пройти значительную часть объективно необходимого пути к рынку.

*К концу 1991 года мы имели гибрид бюрократического и экономического рынков (преобладал первый), имели почти законченное (именно за счет принципиальной юридической неопределенности в отношении формальных прав собственности) здание номенклатурного капитализма. Господствовала идеальная для бюрократического капитализма форма — лжегосударственная форма деятельности частного капитала. В политической сфере — гибрид советской и президентской форм правления, республика постколлмунистическая и предделмократическая.*

И пока господствующие классы успешно решали свои проблемы, хозяйство разорвалось дотла. Конечно, ненужной промышленной продукции выпускалось в конце 1991 года почти в 2 раза больше, чем сейчас (осень 1994 года), только магазины были пусты, деньги (советские депзнаки) не работали, приказы не выполнялись, нарастало ощущение «последнего дня». Речь шла об угрозе голода, холода, паралича транспортных систем, развала страны.

Вот в эти дни и начались «пожарные реформы» и была призвана команда «камикадзе».

Нас позвали в момент выбора. До этого времени номенклатурная приватизация развивалась по классическому при «азиатском способе производства» сценарию: приватизация как тихое разграбление сатрапами своих сатрапий. В средние века этот процесс мог тянуться десятилетиями, при современных темпах хватило и трех лет (1989–1991), чтобы увидеть дно колодца. Но принципиальные черты остались те же: келейная, паразитическая приватизация без включения рыночных механизмов и смены юридических форм собственности. Официально на 1 января 1992 года в России было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых и ресторанов, 36 предприятий службы быта. Реально – по способам распоряжения собственностью, извлечения доходов и т.д. – номенклатурой была приватизирована практически вся сфера хозяйства. Но после успешного завершения номенклатурой приватизации страна была на краю гибели. Это отлично понимала даже номенклатура, ведь она жила и обогащалась в «этой стране» и потому была готова к уступкам... небольшим. Такая приватизация всегда кончалась в восточных обществах одинаково: взрывом и новой диктатурой. Общий цикл социального развития этих обществ: диктатура – разложение (приватизация) – взрыв – новая диктатура. Взрыв маячил. Парадокс: именно тогда, когда психологическое доверие к демократической власти было как нельзя велико, мы объективно как нельзя ближе подошли к опасной черте «грозящей катастрофы» и «борьбы с ней» известными методами.

Понимая всю остроту ситуации, мы понимали и то, что есть возможность повернуть в другое русло. Из номенклатурного беспредела, до которого мы дошли, есть два выхода – взрыв (новая диктатура) или «расширение» социального пространства, переход от бюрократического к открытому рынку, к включению его механизмов, от скрытой, «номенклатурной», к открытой, демократической, приватизации, от государственно-монополистического капитализма – к «открытому» капитализму, что в те дни и было сделано.

Если до конца 1991 года обмен власти на собственность шел в основном по нужному номенклатуре «азиатскому» пути, то с началом настоящих реформ (1992) этот обмен повернул на другой, рыночный путь.

Введение свободных цен, указ о свободе торговли, конвертируемость рубля, начало упорядоченной приватизации, если их расценивать с социально-экономической точки зрения, означали следующее.

Без насильственных мер, без чрезвычайного экономического положения удалось мягко изменить систему отношений собственности, катастрофическую систему конца 1991 года.

Я принципиальный сторонник сочетания: жесткие стратегические цели и мягкие тактические средства их достижения. Примером можно считать политику начала 1992 года. Цель была ясной: восстановить управляемость экономики, введя в сложившуюся систему организующие, объективные правила игры. Возможен лишь один ход: ввести в действие объективные законы экономики, которые ограничат сложившийся к тому моменту беспредел. Тактически это было «мягкое» средство: оно механически не нарушало сложившийся баланс социальных сил. Директоров и министерских чиновников никто не снимал, не арестовывал их счета, не изымал коммерческую переписку, их положение, средства, связи оставались при них. Их ограничивал отныне не административный произвол, а закон рынка, закон цены. Когда мне говорят «болеельщики со стороны», что нельзя было отпускать цены, не проведя предварительно демополизацию, я хочу их в ответ спросить: как они представляют себе демополизацию, когда в экономике нет никакой рыночной среды, не действуют вообще никакие законы, ни административные, ни экономические?..

Позволю себе процитировать одну статью, где достаточно точно зафиксирована моя рефлексия по поводу начала реформ: «Мы начинали реформы в очень интересной ситуации, когда можно долго перечислять, чего у нас не было и почему реформы проводить нельзя. Я сам мог прекрасно объяснить, почему в 1992 году их проводить нельзя. Не было стабильной поддержки в парламенте, не было нормальных, дееспособных институтов

## Глава V. Первоначальное накопление

---

власти... они были поражены кризисом власти начала 90-х годов. Шестнадцать центральных банков вместо одного, не было традиций частного предпринимательства, не было сильного частного сектора, как в Польше. Не было ни копейки валюты, золотого запаса, не было возможности привлечь свободные ресурсы на международном финансовом рынке. Но плюс к этому у нас не было возможности ждать, ничего не делать и объяснять, почему ничего нельзя делать»<sup>120</sup>.

Введение свободных цен стало важным шагом из царства бюрократической свободы в царство рыночной необходимости. Фигурный листок «ажегосударственности» стал спадать с номенклатурной собственности. Директора, другие чиновники продолжали пользоваться доходами по своему произволу, не неся административной ответственности, но теперь начали работать законы рынка, с которыми они вынуждены были считаться. Не было (и сейчас еще больше декларируется, чем действует) процедуры банкротства предприятий. Но ведь зарплату-то рабочим платить желательно. Проблема финансов встала перед директорами.

Не место на иерархической лестнице, а деньги становились действительно всеобщим эквивалентом экономических отношений. У нас начала складываться нормальная финансовая система вместо прежней системы печатания и распределения денег («по разнарядке»).

Открытая приватизация – поворотное историческое дело, мирный, цивилизованный эквивалент революции. Поэтому остановлюсь на «истории с приватизацией» подробнее.

---

<sup>120</sup> Гайдар Е. Т. Россия и реформы // Известия. № 187. 19 августа 1992 г.



3

С самого начала было ясно, что к числу важнейших факторов, которые придется учитывать, разрабатывая программу приватизации для российской экономики, относятся:

1. Беспрецедентные масштабы задач. Необходимость добиться серьезных сдвигов в максимально сжатые сроки, чтобы подкрепить либерализационные и стабилизационные мероприятия структурой собственности, адекватной рыночной экономике.

2. Слабость отечественного легального частного сектора. Он зародился лишь в последние годы перестройки, историческая легитимизация накопленных в нем капиталов отсутствует, общественное сознание тесно связывает его с бывшей теневой экономикой.

3. Ограниченная роль иностранного капитала. При масштабах российской экономики и высоком уровне социально-политического риска ставка на массовое привлечение иностранных инвесторов в российской приватизации была явно нереалистичной.

4. Отсутствие претензий бывших собственников. Большая историческая протяженность социализма в России сняла традиционные для Восточной Европы проблемы реституции<sup>121</sup> собственности.

В этой ситуации принципиальные решения были, по существу, заданными. Это, в частности:

– отказ от индивидуального подхода к приватизации предприятий, попыток реорганизовать их до изменения структуры собственности. Максимальный упор на использование универсальных процедур и стандартных правил, с тем чтобы ограничить зависимость процесса от индивидуальных решений аппарата управления;

– упор на создание приватизационных коалиций, позволяющих инициировать массовый приватизационный процесс сни-

---

<sup>121</sup> Реституция – восстановление в прежнем правовом, имущественном положении; здесь: возвращение имущества бывшим владельцам, у которых оно было незаконно отобрано государством.

зу, стремление интегрировать интересы тех социальных групп и политических сил, которые способны его парализовать, если не увидят в нем своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти и т.д.);

– отказ от попыток в массовых масштабах совместить приватизацию и рекапитализацию предприятий, сразу сформировать эффективную структуру собственности;

– параллельное закрепление прав всех граждан России на приватизируемое имущество и создание дополнительного спроса на него.

Уже в конце декабря 1991 года были обсуждены в правительстве, утверждены указом президента и направлены в Верховный Совет разработанные исходя из этих положений основные принципы программы приватизации. Началось формирование мощной федеральной структуры, способной справиться с непростыми организационными и правовыми задачами. Считаю несомненным успехом, что во главе всей этой огромной работы с самого начала стал А. Чубайс, пожалуй, самый талантливый организатор и администратор в нашей команде. Широкий круг специалистов, и российских, и зарубежных, был привлечен к разработке десятков необходимых нормативных документов. В феврале началась пробная отработка механизмов аукционной продажи при приватизации торговли, сферы бытового обслуживания. С марта процесс малой приватизации сначала медленно, с трудом, с сопротивлением, затем все набирая скорость, охватывает российские регионы. Попытки работников государственной торговли поднять народ на протест против аукционной продажи под лозунгом сохранения священных прав трудовых коллективов массовой поддержки не получили. Люди слишком хорошо познакомились с этими «правами» за время дефицита.

Мы исходили из того, что экономически оптимальных решений достичь практически едва ли удастся. В долгосрочной перспективе экономически оптимальным может стать то, что сегодня является максимально социально приемлемым и устойчивым. В этом суть программы приватизации, которую весной 1992 года правительство с огромным трудом пропихнуло через Верховный

Совет, растратив остаток первоначального политического капитала реформаторского курса.

Предложены были варианты приватизации, обеспечивающие возможность реализации претензий трудовых коллективов (льготная продажа части акций по остаточной стоимости), директоров (опционы для руководителей предприятий), местных органов власти (направление доходов от приватизации в первую очередь в региональные бюджеты), рядовых граждан, не занятых в хозрасчетном секторе (бесплатная приватизация за чеки). Далек не идеальный, но работающий компромисс, позволяющий добиться широкого, упорядоченного распределения собственности, открыть дорогу рыночному механизму ее эффективного перераспределения.

В ходе обсуждения в Верховном Совете одной группе все же удалось склонить чашу весов в свою сторону. Был введен новый вариант приватизации, открывающий возможность для трудовых коллективов выкупить по остаточной стоимости 51 процент акций предприятий. Это сильный удар по интересам граждан. Верховный Совет умудрился обесценить приватизационные чеки еще до того, как они были выданы. Но еще важнее другое: после приватизации предприятия приобретают характерные черты «промышленных колхозов». Установленные Верховным Советом ограничения на переоценку имущества, покупаемого трудовыми коллективами по остаточной стоимости, существенно снизили возможные доходы от приватизации.

Правительство оказалось перед выбором: упорно стоять на страже чистоты замысла, затормозив процесс распределения прав собственности, или согласиться с этими корректировками, понимая, что формирующаяся структура собственности будет далека от оптимальной. Потеря темпа была бы непозволительной роскошью. Решение в пользу скорейшего запуска далекого от совершенства, но позволяющего начать движение вперед механизма приватизации во многом предопределило дальнейшее развитие экономических реформ в России.

Первоначально законодательством о приватизации введение наличного платежного средства – приватизационного чека – не

предусматривалось. Предполагалось открыть систему именных приватизационных счетов, вести операции с этими счетами.

С самого начала стало ясно, что попытка реализовать этот вариант ведет к неразрешимым техническим проблемам – нужно формировать вторую систему сберегательного банка, требуются огромные вложения в расширение его сети, колоссальные деньги и время. Пойти по этому пути значило отсрочить реальное начало преобразований собственности по меньшей мере на год. Альтернатива была предельно простая. Либо мы начнем эту техническую работу и упустим короткий исторический момент, когда можно реально провести процесс распределения собственности, либо обходим эти ограничения и начинаем быстро продвигаться вперед.

Бедой многих приватизационных программ, реализованных в государствах Восточной Европы и в республиках бывшего Союза, стала неликвидность приватизационных инструментов. Как только люди понимали, что им дали что-то, что никто не покупает и не продает, им немедленно становится ясно, что все это пустое. Поэтому принципиально важным было сделать приватизационный чек ликвидным, свободно продаваемым. Именно это сделало ваучер живым инструментом.

Вопрос, какой номинал ставить на ваучер, вообще-то, беспредметен. Он не имеет никакого значения, кроме социально-психологического. Этот документ – часть права на приватизируемую собственность, и его реальная оценка не зависит от того, что на нем написано. Она определяется объемом приватизированного имущества, уровнем финансовой стабильности, теми льготами, которыми обладают трудовые коллективы. В конце концов из соображений простоты остановились на номинале в 10 000 рублей.

Мы прекрасно понимали, что 148 миллионов людей сразу, получив ваучер, не поменяют своей психологии, не станут собственниками. И в то же время этот инструмент позволил изменить механизм распределения собственности в России. Психология собственника будет формироваться в нашей стране на протяжении многих десятилетий, ее не создашь по заказу, решением о вы-

даче приватизационных чеков. Но такое решение формирует рынок собственности. Именно здесь основной социальный смысл приватизации.

Келейная, чисто номенклатурная приватизация отныне сломана. Да, рынок собственности не является равным и открытым – «одним махом» зачеркнуть все сложившиеся имущественно-властные отношения невозможно, да и не нужно, как невозможно и не нужно ломать уже сформированные представления о легитимности тех или иных прав собственности. Приватизация как раз создает мягкий, пластичный механизм смены собственников, по крайней мере возможности такой смены.

Пусть в результате первого этапа приватизации в образовавшихся «промышленных колхозах» командуют прежние директора, являясь, как и раньше, фактическими владельцами предприятий. «Номенклатурным» или «свободным» рынок собственности является отнюдь не в зависимости от анкет наиболее сильных групп собственников. Любой «анкетный расизм» – деление на «плохих» и «хороших» в зависимости от национальности, происхождения, предыдущей работы и т. д. – и отвратителен, и бессмыслен. «Номенклатурный рынок» – это не рынок, где командуют бывшие члены номенклатуры, «номенклатурная приватизация» – не приватизация, при которой права хозяев получает экс-номенклатура. Речь не о персоналиях, а о системе, не об актерах, а о ролях и правилах игры в экономическом театре. Каковы правила на рынке – открытые, писанные, экономические, рыночные, подчиняющиеся закону свободной конкуренции или же по-прежнему тайные, телефонные, административные, скованные властными отношениями, ориентированные на государственно-бюрократическую машину? Вот где критерий различения «номенклатурного» и «свободного» рынка, «номенклатурной» и «рыночной» приватизации. Если в систему свободного рынка входят, начинают играть по ее правилам члены номенклатуры, система от этого не становится номенклатурной. Также, если властные позиции на бюрократическом рынке займут и станут играть по его правилам бывшие диссиденты, рынок не станет демократическим.

## Глава V. Первоначальное накопление

Приватизация изменила юридические отношения собственности, размыла саму систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти». Произошла приватизация самой номенклатуры. Теперь она должна будет играть по рыночным законам, круговая бюрократическая порука если не распалась, то надломлена. Конечно, система, которая сложилась сегодня, переходная. Закончен лишь первый этап приватизации, но если на втором этапе действительно заработают уже принятые законы о банкротстве, если возникнет вторичный рынок ценных бумаг, начнется массированная продажа пакетов акций, принадлежащих государству, пойдет постоянный процесс чисто рыночного перераспределения собственности, тогда перемены примут необратимый характер, страна пойдет от «номенклатурного капитализма», от смешанного рынка с сильными элементами бюрократического рынка, от лжегосударственной формы частной собственности к рынку свободному, к частной собственности. Важнейшим и необходимым этапом на этом пути и была приватизация 1992–1994 годов.

Как известно, настоящей шоковой терапии у нас в 1992 году (не говоря уж про последующие годы) так и не было. Сбивание инфляции шло неровно, толчками, непоследовательно и потому особенно мучительно. Чтобы понять, чем отличается «номенклатурный» капитализм от «полудемократического», достаточно сравнить два трехлетних периода: 1989–1991 и 1992–1994.

Первый период: при сравнительно небольшом падении производства, при сравнительно умеренной явной инфляции идет постоянный и безнадежный развал экономики и непрерывное падение жизненного уровня огромного большинства населения при сказочном обогащении номенклатуры за счет разграбления госсобственности. Отсюда и постоянно растущее социально-политическое напряжение.

Второй период: падение производства становится явным, также как инфляция и рост цен. Экономические раны обнажаются, но с этого момента может начаться и лечение, а не «заговаривание». Да, жизненный уровень значительной массы населения продолжает падать, но ситуация уже меняется. Все более широкие круги населения начинают втягиваться в орбиту «полусвободного» рынка, у людей (особенно молодых, активных) появляется надежда, свет в конце тоннеля. Изменилась социальная ситуация: коммерческой деятельностью смогли заняться не десятки, не сотни тысяч «избранных», а миллионы, десятки миллионов. Именно тут зародыш не класса миллионеров, а настоящего среднего класса. Вот что нокаутирует «непримиримую оппозицию» – не дубинки ОМОНа, а «невидимая рука» рынка, пусть и зажатого, изуродованного, но все-таки рынка. Чисто хищническая, паразитическая, самоедская экономика госкапитализма (социализма) начинает меняться.

Анализ экономической динамики последних лет в России, других независимых государствах, сформировавшихся на базе союзных республик и восточноевропейских стран, приводит к парадоксальным результатам, которые, на первый взгляд, трудно объяснить. Производство упало резко и повсеместно. В то же время потребительский рынок, полностью разрушенный к нача-

лу реформ, наполнился. По данным бюджетных обследований, потребление многих товаров, обеспеченность ими домашних хозяйств выросли. Это видно и не вооруженным статистическим инструментарием взглядом по тому, как люди одеты, как увеличилось число легковых машин (отнюдь не только «мерседесов»: так, например, в Москве в 1992–1994 годах число автомобилей увеличилось более чем в 2 раза), как недоступные ранее товары стали предметом массового потребления. Динамика производства как бы теряет связь с каждодневной жизнью людей.

В Белоруссии, проводившей политику медленного, «регулируемого» вхождения в рынок, падение промышленного производства меньше, чем в других странах, зато средняя зарплата здесь на лето 1994 года была 20 долларов в месяц. В Эстонии и Латвии, проводивших классическую «шоковую терапию», падение производства больше, а средняя зарплата соответственно 110 и 125 долларов.

В течение января 1992 – августа 1994 года в России, по официальной статистике, происходило крутое падение промышленного производства и на его фоне – медленный рост розничного товарооборота, реальных доходов населения, затем сбережений, позитивное сальдо торгового баланса, рост валютных резервов. В нормальных рыночных экономиках такого просто не может быть. Конечно, рассчитывать, что такая ситуация продлится долго, невозможно. Но во всяком случае поучительно разобраться в причинах парадоксальной ситуации 1992–1994 годов.

Крайнее, запредельное уродство социалистической экономики – вот что в какой-то мере облегчило процесс ее реформирования. Если уровень жизни древнеегипетского крестьянина и был как-то связан с успехами власти в строительстве пирамид, то лишь обратной зависимостью. Социализм довел масштабы бессмысленной с точки зрения благосостояния общества экономической деятельности до уровня, о котором не могли и мечтать архаичные восточные деспотии, поднял строительство промышленных «пирамид» на уровень технологий XX века.

Производство вооружений было техническим, экономическим и социальным стержнем социалистической промышленности, в



то время как гражданский сектор был низведен до функции подсобного хозяйства ВПК. Именно оборонный сектор был крупнейшим потребителем высококачественных сталей, цветных металлов, химических продуктов, электронного оборудования. К концу 1980-х годов абсурдность происходящего уже бросалась в глаза: страна влезала в долги, правительство проматывало золотой и валютный запасы, потребительский рынок разваливался на глазах, снабжение продуктами питания все в большей мере зависело от импорта продовольствия и кредитов, которые коммунистические правительства униженно выпрашивали у Запада, а военно-промышленный комплекс продолжал готовиться к войне против всего мира.

Резкое сокращение производства вооружений не только позволило разорвать этот порочный круг и создать предпосылки экономического оздоровления, но и запустило механизм индустриального кризиса сверхмилитаризованной экономики, сделав неизбежным болезненный процесс структурной перестройки изготавливавших вооружение отраслей производства.

Гипертрофированный военный сектор – самый яркий, но отнюдь не единственный пример крупномасштабной, бессмысленной с точки зрения благосостояния людей экономической деятельности. СССР всегда заметно отставал от Соединенных Штатов по производству сельскохозяйственной продукции. Глубокий аграрный кризис, обусловленный фатальной неспособностью колхозов и совхозов обеспечить эффективное сельскохозяйственное производство, пытались компенсировать, направляя в эту сферу всевозрастающий поток ресурсов. В общем, к 1985 году, который можно считать «пиком» стабильного социализма, мы уже обогнали США по производству удобрений в 1,5 раза, тракторов – в 5, зерноуборочных комбайнов – в 16 раз, а зависимость от импорта американского зерна продолжала возрастать. Нетрудно оценить качество выпускаемых тракторов и комбайнов, эффективность их использования, понять, что в таком количестве их в принципе невозможно продать за деньги. В горы крашеного металлолома превращена продукция металлургов, шахтеров, химиков, энергетиков, транспортников.

Широко известный пример масштабной малопродуктивной деятельности, перекликающийся с циклопическими проектами восточных деспотий, – мелиоративное строительство позднего социализма. В 1970–1985 годах в РСФСР площадь орошаемых земель возросла втрое, в 1985 году на мелиоративные проекты направлялось вдвое больше средств, чем на производство промышленных потребительских товаров (группа Б). Никто так и не смог продемонстрировать позитивных результатов этой циклопической деятельности, выраженных в росте эффективности сельскохозяйственного производства. С поворотом к рынку резкое сокращение мелиоративных работ стало неизбежным, а за ним – спад спроса на цемент, железобетон, строительную и железнодорожную технику, на металл для ее производства, топливо.

Постсоциалистическая экономика с трудом освобождается от огромного бремени бессмысленной хозяйственной деятельности, встает с головы на ноги. Успешность этого процесса – абсолютно необходимая предпосылка экономической стабилизации, прекращения инфляции.

Вместе с тем само по себе насыщение рынка товарами отнюдь не является самоцелью. Если дефицит ликвидируется по принципу «за нефть – сникерсь», то это внутренне деструктурированная тупиковая система по своей сути самоедской экономики, которая бездумно паразитирует на природных ресурсах (как паразитировала на них в свое время «экономика пирамид» при социализме), является нестабильной, как в финансовом, так и в социальном плане. И невозможно предугадать, когда вулкан этой нестабильности возобновит свою активность.

В этом смысле крики наших оппонентов о «колониальной экономике», разрушении высоких технологий и т. д., разумеется, имеют под собой определенные основания. Но, как всегда, констатируя проблему, которую, прямо скажем, трудно не заметить, они дают неверные рецепты ее решения.

В принципе проблема ясна: необходимо постепенное восстановление переструктурированного производства. Только это даст надежную основу благосостояния, только это является стратегическим приоритетом для России. Именно такое восстановление

предоставляет нашей стране исторический шанс закрепиться в числе стран «первого мира».

До этого момента царит общее согласие. Спор начинается на следующем шаге: как добиться благосостояния?

В данной книге я не считаю возможным входить в экономические подробности. Для ответа на поставленный выше вопрос достаточно иметь в виду следующее.

Существуют в принципе два разных источника финансирования экономики: государственные и частные накопления. Ясно, что в современных условиях будет использовано и то и другое. Вопрос в пропорциях.

Примат государственного финансирования в современной России является тупиковым по трем причинам: такое финансирование в обозримой перспективе непосильно для страны; оно экономически неэффективно; оно закрепляет уродливую социально-экономическую структуру.

Источник государственного финансирования, в сущности, один – налоги (включая, разумеется, сеньораж – доходы государства от денежной эмиссии, налог на денежные активы). Между тем сегодня в числе немногих фактов, признанных в России всеми, от коммунистов до либералов, то, что дальше повышать уровень налогового бремени некуда. Любые попытки двигаться в этом направлении приведут лишь к одному стандартному результату – уклонению от уплаты налогов, уходу хозяйственной деятельности в тень, сокращению реальных финансовых поступлений в бюджет. Уроки наших соседей – Украины, Белоруссии, – пытавшихся идти в этом направлении, слишком близки и наглядны. Велико бремя финансирования расходов, связанных с решением доставшихся в наследство от социализма текущих проблем: от содержания социальной сферы останавливающихся предприятий до ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Перспективный финансовый анализ со всей убедительностью показывает, что надежды на крупномасштабное финансирование производства государством за счет налоговых поступлений беспочвенны.

Государство не лучшим образом распоряжается деньгами. После всего, что сказано выше, долго объяснять не нужно: средствами распоряжается бюрократия, не слишком озабоченная

экономическим результатом для страны в долгосрочной или краткосрочной перспективе и куда больше думающая о своих «комиссионных».

Такое финансирование воспроизводит и консервирует паразитическую структуру «лжегосударственной» экономики. Бюрократические кредиты, циркулирующие на бюрократическом рынке, имеют своей целью поддержание бюрократии. Львиная доля финансовых вливаний достанется неэффективным гигантам, военно-промышленным «латифундиям». Такие кредиты похожи не на дождь, проливающийся на сохнувшее растение, а на бурю в пустыне, инфляционную бурю в экономической пустыне, где стоят те самые промышленные пирамиды. Между тем мировой опыт показывает, что самыми эффективными и экономически, и в плане технического прогресса являются как раз средние и мелкие частные фирмы с четко фиксированным индивидуальным владельцем (или двумя-тремя совладельцами). Именно совокупность миллионов таких фирм должна создать живую плоть растущей российской экономики.

Следовательно, возможности экономического роста в России теперь находятся в прямой и тесной зависимости от масштабов частных инвестиций.

Историю первоначального накопления в нашей стране писать пока рано, процесс продолжается. Как и во всем мире, накопление начиналось с экспортно-импортных операций, финансовых спекуляций, операций с недвижимостью, торговли.

Капиталы, в том числе вышедшие из золотой пены инфляции и финансовых спекуляций, не могут долго мирно лежать в сейфах. Естественно, что для российского капитала сфера приложения все-таки не Швейцария, а Россия. Капитал постоянно в поиске, он ищет сферу приложения, в которой имеются возможности для его роста.

Для того чтобы уже созданные и вновь образующиеся состояния работали в России, стали ферментом роста ее экономики, необходимы два важнейших условия стабильности: устойчивая валюта и надежные гарантии неприкосновенности частной собственности безотносительно к властным или криминально-силовым возмож-

ностям ее владельца. Необходимо отделение собственности от власти и – что еще сложнее – власти, бюрократии от собственности.

Четкие законодательные гарантии частной собственности, практическая деятельность государства, направленная на обеспечение эффективности этих гарантий, поддержка мощных, хорошо организованных политических структур, готовых ее надежно защитить от угрозы конфискации, – сегодня не столько предмет идеологической рефлексии, сколько жесткие требования жизни, необходимые предпосылки экономического роста в России. Будут созданы такие предпосылки – и Россия с ее безграничными возможностями эффективного вложения капитала двинется по пути динамичного экономического роста. Если в течение нескольких лет соблюдается юридический принцип неприкосновенности частной собственности, то он переходит в стереотип поведения, интериоризируется, из юридического принципа превращается в социально-психологический.

Проблемы отсутствия эффективных гарантий собственности особенно хорошо просматриваются в депрессивных российских регионах так называемого «красного пояса», где тяжелые структурные проблемы тянут вниз уровень жизни, усиливают позиции коммунистов, создают благоприятный фон становления бюрократического рынка, отпугивают частных инвесторов. В результате складывается порочный круг: депрессивность – отсутствие гарантий собственности – отсутствие частных капиталовложений – депрессивность. Суть вопроса в том, сумеем ли мы вырвать из такого порочного круга Россию.

Что же касается условия, названного первым, – прекращение изматывающей лихорадки инфляции, стабильная национальная валюта, – то лишь его выполнение делает осмысленными долговременные инвестиции, в том числе в производственную сферу.

В действительности несложно увидеть связь между этими двумя проблемами на уровне политической и социальной стратегии. Если в экономике делается ставка на государство, то это означает: государственные инвестиции, неизбежная вследствие недостатка денежных источников инфляция (губительная для частного бизнеса и государственной экономики, но не для бюрократии)

и правовая нестабильность «конкурирующего» частного сектора. И если взглянуть с точки зрения социологической, если задаться вопросом о том, кому выгодна такая ставка на государство, то ответ очевиден. Экономика продолжает вращаться в заколдованном бюрократическом круте. Деньги своими бюрократическими каналами поступают производственным гигантам (прежде всего ВПК как вечному гаранту доминирования госсобственности), возглавляющей их номенклатуре и связанным с ней финансовым баронам. Причем поскольку ничьих денег не бывает, то фактический источник финансирования – средства, изъятые через систему налогов (включая и инфляционный налог на денежные сбережения населения, мелкого и среднего бизнеса), средства, перекачанные от зарождающегося среднего класса к избранной части высшего класса. Разорение среднего класса ради сверхобогащения части правящей элиты. Как результат – экономическая стагнация<sup>122</sup> и социально-политические потрясения, верный путь в «третий мир». Итог, который в действительности оказывается убийственным и для бюрократической элиты, коль скоро она правит, обогащается, просто живет в этой стране. Но азарт погони за сиюминутной личной «тактической корыстью», как правило, всегда оказывается сильнее страха перед общим стратегическим поражением.

Если же условия стабильности частной собственности (в том числе и денежной) соблюдены хотя бы в минимально необходимой степени, то капитал, подчиняясь закону сообщающихся сосудов? устремится в точки наиболее эффективного приложения. Чтобы понять, что концентрация таких точек в России с ее ресурсным и производственным потенциалом весьма высока, не надо быть профессиональным экономистом. Поэтому создание необходимых условий снимет препятствия для привлечения тех средств, которые «крутятся» сегодня в финансовых операциях внутри страны, и миллиардов «русских» долларов, которые лежат в западных банках, и серьезного западного капитала, который тоже ищет новые сферы приложения.

Экономический подъем (как, впрочем, и кризис) похож на цепную реакцию. Если вложена «критическая масса» капитала, если началось массовое обновление основных фондов, начался рост бла-

<sup>122</sup> Стагнация в экономике – застой в производстве, торговле.

госостояния, то новые капиталы начинают все быстрее втягиваться, ускоренно притекать к «зоне роста», таков уж закон рынка, в том числе мирового рынка капиталов, закон притяжения капитала.

А настоящий экономический подъем означает изменение социальной структуры нашего общества, долгожданное развитие среднего класса, тех миллионов владельцев маленьких частных фирм, которые только и смогут создать настоящий рынок, динамичное производство, растущую экономику России.

Убежден: общество сейчас психологически живет именно этими надеждами. Прошла наивная эйфория начала перестройки, вера, что после освобождения от коммунистов наступит сам собой потребительски-капиталистический рай. Люди повзрослели. Они готовы ради нормальной жизни не митинговать, не бунтовать, но работать. Сколько бы в ответах на социологические опросы люди ни говорили в мрачном, минорном тоне, уверен — пусть бессознательные, но ожидания скорого подъема есть, они доминируют, они скрепляют общество.

Но эти надежды не могут сохраняться бесконечно. Если в ближайшем времени подъем производства, а значит, и уровня жизни реально не начнется, если вместо этого произойдет обратное и страна вступит в новый длительный период стагнации, то тогда, бесплодно исчерпав «второй запас оптимизма» (первый кончился где-то в 1991 году), вновь почувствовавшее себя обманутым общество может взорваться самоистребительным, самоубийственным бунтом или, что много вероятнее, впасть в глухую апатию.

В любом случае это сулит успех политическим авантюристам, а их прорыв к власти — это верный залог национальной катастрофы.

Сейчас в стране апатии нет. Я говорю не о политической апатии, а о вещи куда более важной, об апатии социальной. Наоборот, люди проявляют повышенную социально-экономическую и трудовую активность. Одно из главных завоеваний этих лет — с сонной одурью на работе, характерной для брежневского и предыдущих периодов, покончено. Правда, гораздо больше трудовая активность направляется в сферу торговли, обслуживания, традиционно заброшенную в социалистическом обществе. Как бы то ни было, повы-



шение трудовой активности населения сегодня – одна из причин, ослабляющих социально-экономический и политический кризис.

Если общество утратит активность и надежду, тогда страна действительно начнет погружаться в трясину «третьего мира». С таким трудом накопленный социальный «строительный материал» превратится в материал горючий. Да, российская цивилизация много устойчивее, чем об этом рассуждают иные политологи, добывающие пропитание предсказаниями конца света в отдельно взятой стране. Но запас прочности тоже имеет предел... А сейчас выбор между бюрократическим рынком (стагнацией) и свободным рынком (развитием общества и экономики) означает, по сути дела, выбор будущего для России – сохранится ли ее высокая цивилизация, или страна опустится в «третий мир»<sup>123</sup>.

<sup>123</sup> Приведу, не комментируя, следующее описание социальноэкономического строя, сделанное в 1848 году. Читатель сам может сравнить его с нашей историей и действительностью. «...Правительства редко оставляли земледельцам что-либо сверх их насущных потребностей, а часто отнимали у них даже все без остатка, вследствие чего оказывались вынужденными, забрав у землепашца весь его урожай, вернуть ему часть в долг, чтобы обеспечить его семенами и дать ему возможность просуществовать до следующего урожая. При таком способе управления, хотя основная масса населения плохо обеспечена, правительство... оказывается в состоянии... блистать богатством совершенно несоразмерно с общим положением страны. ...Значительная часть богатства распределяется среди различных чиновников правительства, разделяется фаворитам... Некоторая его часть время от времени направляется на сооружение общественно полезных объектов... Однако опасности, угрожающие всякому имуществу в таком обществе, побуждают даже самых богатых покупателей отдавать предпочтение предметам, не подверженным порче, имеющим большую ценность при малом объеме, которые поэтому легко прятать или унести с собой. Вот почему золотые и драгоценности составляют большую часть богатства этих народов и многие богатые азиаты почти все свое состояние надевают на себя или на женщин из своего гарема. За исключением монарха, никто здесь и не думает о таких формах помещения богатства, которые исключают возможность его унести или увести с собой. ...Этот тип общества, однако, имеет и свой класс торговцев, подразделяющийся на два слоя: одни торгуют зерном, другие – деньгами. Торговцы зерном обычно покупают его не у производителей, а у правительственных чиновников... Торговцы деньгами ссужают несчастных земледельцев, разоренных недородом или казенными поборами, средствами к существованию и для обработки земли, а затем из следующего урожая возвращают свою ссуду с огромными процентами. В более широких масштабах они предоставляют займы правительству или чиновникам, которым правительство выделило часть доходов... коммерческие операции этих двух разновидностей торговцев распространяются главным образом на ту часть продукта страны, которая образует доход правительства. Из этого дохода их вложенный капитал периодически возмещается с прибылью, и он же почти всегда служит источником, из которого торговцы черпают свой первоначальный капитал. Таковы в общих чертах экономические условия, существовавшие в странах Азии еще с доисторических времен и сохраняющиеся поныне всюду, где они не нарушены в результате внешних воздействий» (Милль Д.С. Основы политической экономии. М., 1980. С. 95–97).

## ГЛАВА VI

### Выбор

Мы знаем, что ныне лежит на весах  
И что совершается ныне.  
Час мужества пробил на наших часах,  
И мужество нас не покинет.

*А. Ахматова*

## 1

Что выбор перед нашей страной стоит именно такой – с этим сегодня согласны все. Может быть, громче всех, с каким-то садомазохистским наслаждением об этом кричат наши противники. Весь вопрос только в одном: какую стратегию выбрать нашей стране, чтобы не оказаться в «третьем мире», в зоне вечной застойной бедности, чтобы прекратилось наконец «русское экономическое чудо» – чудо богатейшей по природным и трудовым ресурсам, но почему-то нищей страны? Какую стратегию выбрать, чтобы страна развивалась как нормальная страна «первого мира»?

Вечная русская проблема. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»<sup>124</sup>.

И вечный рецепт решения проблемы: «Требуется наличие такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа... Требуется наличие партии, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия... в одну точку... не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную... политику»<sup>125</sup>.

Сталин говорил это в 1931 году. Петр мог бы сказать на 230 лет раньше. Наши государственники-патриоты (с поправками на терминологию) говорят то же самое сегодня.

Неужели действительно единственный урок истории в том, что никто не извлекает уроков?

Трагический опыт «больших скачков» русской истории и неизбежного затем, каждый раз совершающегося с математической точностью и неотвратимостью большого обвала, падения, нового отставания от передовых стран на 50-100 лет ничему не учит?

Абсурдна сама идея «мускульным» усилием государства «догнать и перегнать» саморазвивающееся общество. Нелепо стремление уйти от «третьего мира», догнать страны европейской цивилизации, усиливая в своей стране структуры государства «восточного» типа, развивая «восточный способ производства»!

<sup>124</sup> Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 362.

<sup>125</sup> Там же. С. 357–358.

Ведь не по технике, не по экономической мощи, а прежде всего по социально-экономической структуре мы отстали от передовых стран. И вот этот разрыв, это расстояние мы должны, обязаны преодолеть, стать страной, экономика которой подчиняется законам не мобилизации, а постоянно суммирующихся инноваций. Для преодоления этого разрыва нужна политическая воля – воля развивать страну, качественно изменив в ней функции государства.

Я не буду здесь подробно повторять то, что не раз уже говорилось об «особом пути» и непреодоленной евразийской, западно-восточной дихотомии, которая раскалывает наше политическое, государственное сознание. Все эти, казалось бы, абстрактно-салонные для обсуждения темы оборачиваются вполне конкретной реальностью политических решений и приоритетов.

Какова цель российской политики, кроме, разумеется, блага народа, которым даже Сталин обосновывал свои действия? Восстановление военной сверхдержавы? Или отказ от имперских амбиций и раскрепощение общества ради свободного экономического и культурно-социального развития?

Соединить же первое со вторым невозможно и технически (не хватает ресурсов), и принципиально, потому что речь идет о разных линиях развития страны, о разных структурах общества и государства, о разных идеалах и идеологиях. Когда большевики ради «свободного труда свободно собравшихся людей» вздумали всемерно усилить государство, они получили свободный труд в ГУЛаге.

Имперские идеалы и вправду величественны:

В непоколебимой вышине,  
Над возмущенною Невою  
Стоит с простертою рукою  
Кумир на бронзовом коне.  
Ужасен он в окрестной мгле!

...

Какая дума на челе!  
Какая сила в псм сокрыта!  
А в сем коне какой огонь!  
Куда ты скачешь, гордый конь,  
И где опустишь ты копыта?<sup>126</sup>

---

<sup>126</sup> Пушкин А. С. Медный всадник // Стихотворения и поэмы. М., 1972. С. 604, 608.

Именно такими чеканными фразами всегда отвечали «государственники» на вопросы об их конечных целях. Священные, не подлежащие критическому и рациональному обсуждению мраморные и бронзовые имперские цели-символы.

Как уже говорилось, эта идеология, превратившаяся в государственную религию, оказалась более чем устойчива к любым социальным потрясениям. Самая поразительная метаморфоза, конечно, большевистская. Радикальнейшая в истории человечества революция ничуть не поколебала «медного всадника» русской истории. Имперски-государственнические идеалы вышли из огня революции только преображенными и усиленными.

В 1920 году эту сущность социалистической революции точно сформулировал монархист В. В. Шульгин. Обобщая опыт революции и гражданской войны, он писал: «Резюме. Против воли моей, против воли твоей – большевики:

- 1) восстанавливают военное могущество России;
- 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;
- 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского»<sup>127</sup>.

И сегодня эти слова как нельзя более актуальны. Сегодня все более многочисленные государственники (а кто же из ныне действующих политиков не спешит объявить себя таковым?) торжественно объявляют в качестве своих приоритетных целей две первые, заявленные писателем (сейчас это звучит как «укрепление» или «сохранение» военно-промышленной мощи и «воссоздание» в той или иной форме Союза ССР). И, как опять же верно замечает В.В. Шульгин, если все силы государства сфокусированы на решении этих двух задач, сама собой осуществится и третья.

Произойдет ли еще одна метаморфоза? Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция? Действительно ли русская история запрограммирована на эквифинальность – движение из любой точки, после лю-

<sup>127</sup> Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 517.

## Глава VI. Выбор

---

бых пируэтов, завершается все там же – у подножия трона, все тем же – политико-экономической диктатурой «восточного» государства? Обречены ли все попытки либералов, демократов сместить главный вектор истории?

Конечно, я глубоко убежден, что это не так, иначе незачем было бы и заниматься политикой, пытаться растопить вечный полюс оледенелой государственности, в которую вмерзло живое тело страны! Вместе с тем надо трезво видеть и опасность такого развития событий. И главное, понимать, что реальное развитие событий на самом деле зависит сегодня от наших усилий.

Несомненно, сегодня симптомы нового «ледникового» периода налицо. Многие из тех, кто в 1989–1991 годах из конформистских побуждений клялись в верности гражданскому обществу, демократическим идеалам, сегодня столь же горячо клянутся в верности государству, стали заядлыми «государственниками». Вчера они произносили «государство» с обязательным прилагательным «правовое», сегодня соревнуются, кто выговорит «государство» с более звонкой медью в голосе.

Само по себе это не страшно, но симптоматично. Государственная религия в виде спиритуалистического «государственничества» вновь активно насаждается в нашей стране. Мы не можем не видеть заметное, «молекулярное» перерождение власти, собственно, ее возвращение на «нормальные», исторически привычные крути свои.

Вопрос тем более сложен, что здесь ведь содержится и небескорыстная «игра слов», подмена понятий. В самом деле, разве может быть ответственным политик, который против построения сильного, эффективно действующего государства? И разве есть сегодня у кого-нибудь сомнения, что наше государство крайне неэффективно, что его надо укреплять?

И то и другое бесспорно для нас. Мы за повышение эффективности государства. В этом смысле мы государственники. И именно поэтому мы категорические противники тех «государственников», о которых говорилось выше. В этом вопросе надо объясниться четко, исключая возможность неверных интерпретаций.

Весь вопрос в целях и приоритетах государства, в том, что, собственно, понимать под словом «государство».

Если приоритет – модернизация страны, расчистка социально-экономического пространства для развития современного общества, то перечень обязанностей государства достаточно четок и локален.

Государство должно, преодолев градации этатизма<sup>128</sup>, обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести

---

<sup>128</sup> Этатизм – направление политической мысли, рассматривающее государство как высшее достижение и цель общественного развития и декларирующее необходимость всестороннего государственного регулирования экономической жизни общества.

разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране. Государство должно вести активную политику в области борьбы с инфляцией и стимулирования частных (в том числе иностранных) инвестиций, энергично проводить антимонопольную политику.

Государство должно брать на себя заботы об экологии, образовании и здравоохранении, о развитии науки и культуры, о бедных и нетрудоспособных.

Важнейшая задача государства сегодня – борьба с уличной преступностью, запугавшей людей, и с мафией, которая во многом определяет экономические процессы в стране, выкручивает невидимую руку рынка.

Государство должно ограничить и свой «фрэкэт», свои аппетиты по части налогов. Это вполне достижимо, если не государство становится основным инвестором в экономику.

Наконец, необходима разумная военная политика: конверсия главного оплота госсобственности – ВПК и сокращение армии до размера реальных потребностей страны, а не генералов.

Это один государственный подход. Эффективное и недорогое государство по возможностям страны, нужное, чтобы обеспечить динамичное развитие общества на пороге XXI века.

Такой подход предполагает соответствующую идеологию: секуляризация государства, отказ от «государственности» как своего рода религии, чисто рациональное, «западное» отношение к государству.

Если приоритет – «восстановление военного могущества», «сохранение любой ценой имиджа сверхдержавы», «восстановление естественных границ», «расширение территорий до пределов СССР», это принципиально другой подход.

Очевидно, что его нельзя обосновать рационально. Едва ли, скажем, можно всерьез объяснить, что мы, страна, народ, задыхаемся без «жизненного пространства» или что у нас как раз дефицит вооружений и т. д.

Следовательно, здесь априори предполагается иррациональное, спиритуалистическое отношение к сакральному государству,



восстановление в правах «государственности» как особой государственной религии. Все это невозможно без официальной ксенофобии, без активного формирования «образа врага» – внешнего и внутреннего.

Далее, эта политическая линия, очевидно, предполагает (а идеология вполне оправдывает) резкое свертывание политических, экономических, гражданских прав общества и расширение власти и доходов государства, новую мобилизацию ресурсов общества ради решения имперских проблем. Убежден, что такой курс – прямая дорога к национальной катастрофе, к краху истощенной страны вместе с возвышающимся над ней государством. Что удалось в 1920–1930-е годы, то не пройдет в канун XXI века. Расширение территорий – это обмен пространства на время: за счет регресса во времени, возвращения к архаичным формам управления (едва ли не феодально-самодержавным) расширить физические границы державы. Это верный путь к гибели страны.

То же относится и к собственно экономической сфере. Реализация подобных имперских проектов означает резкое усиление ВПК (за счет чего, каких ресурсов?), всего государственно-управляемого сектора экономики, ядром которого и является ВПК.

Очевидно, что и это с точки зрения экономической эффективности путь в никуда, в пропасть. Неужели этого не видят государственники, не осознают, что, упрямо отстаивая свои позиции, они на практике оборачиваются злейшими врагами государства и страны?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо от высоких целей, от государственной мраморной поэзии и стальной романтики, от громких слов и клятв перейти к государственной прозе и реализму, к делам наших новейших государственников. И здесь нас ждут любопытные открытия.

Как-то очень быстро «всадник бронзовый, летящий» превращается в монументального городничего, а лозунг «Государство превыше всего» трансформируется в мысль «государство – это я».

Да, сегодня пришла пора не государственных идеалов, а интересов, только интересов не государства, а вечно голодных государственников.

Государство как частная собственность бюрократии. Как я пытался показать, эта формула Маркса всегда и везде достаточно точно описывала ситуацию. Но сегодня в нашей стране, в эпоху первоначального накопления, когда с великим трудом удалось повернуть стрелку на несколько градусов от номенклатурной к демократически-рыночной приватизации, сегодня идеалы наших государственников совсем уж прозрачны. Нет, не социализм, не империя, не военная мощь их волнуют, это все слова. А на деле им нужно упрочение такой прозаической вещи, как бюрократический рынок, сохранение лжегосударственной экономики, где их фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных.

От того, что уже захвачено в ходе номенклатурной приватизации, никто, естественно, отказываться не намерен. Система монопольной госсобственности разрушена, и отнюдь не в интересах бюрократии ее восстанавливать. Не национализировать же назад то, что наконец-то стало «своим», не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать по карманам.

Но не существует и системы достаточно развитой частной собственности, и отнюдь не в интересах сегодняшней российской бюрократии помогать становлению полноценной системы частной собственности, отделенной от государства.

Вот Сцилла и Харибда<sup>129</sup>, между которыми под самыми высокими стягами и под гром всех оркестров тащат броненосец новейшей российской государственности, рискуя посадить его на мель. Цель бюрократии – сохранить и законсервировать нынеш-

---

<sup>129</sup> Сцилла и Харибда – в греческой мифологии два чудовища, живших по обеим сторонам узкого пролива и губивших проплывающих мимо них мореходов.

нюю «полуразвороченную» систему отношений собственности в России. Неопределенность этих отношений помогает номенклатуре не нести ответственности за «ничью» собственность и распоряжаться ею, пользоваться доходами с нее как со своей личной, частной собственности. Вот это и есть настоящий паразитический империализм для высшего бюрократического сословия. Ради защиты, укрепления, увековечения этой ситуации им и нужно сильное государство – государство, укладывающееся в вечную российскую формулу: «государство жиреет – народ худеет».

Логика такого политического поведения предельно проста. В 1989–1991 годах та же бюрократическая олигархия была против усиления государства, ее представители были почти демократами. Почему? Потому что нужно было тогда ослабить скрепы, чтобы иметь возможность спокойно «приватизировать» свою власть, прибавить к ней собственность. Сегодня, когда этот цикл завершен, нужно удержать захваченное, сегодня опять понадобилось сильное государство, государственничество опять в цене.

Такие интересы определяют и реальные идеалы новейшей государственности. Отныне платят и заказывают музыку бюрократы особого пошиба – предельно циничные и хищные. Дело совсем не в личных особенностях, дело в объективной социальной ситуации.

Коррупция – старый, можно сказать, вечный бич России. Еще Н. В. Гоголь писал: «Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными... пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность»<sup>130</sup>. Гоголь ясно объясняет, почему административно-бюрократический путь борьбы с коррупцией малоэффективен: «И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах попра-

<sup>130</sup> Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1960. С. 528–531.

вить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников»<sup>131</sup>.

Но Гоголь преувеличивал опасность — земля хоть и гнила, но, славу богу, не погибла. Несмотря на коррупцию, Россия развивалась. Однако сейчас ситуация качественно изменилась по сравнению с временами Гоголя: коррупция сращена с мафией, которой, конечно, тогда не было! Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории, пожалуй, не было. Это было бы действительно нечто вполне апокалиптическое: всемогущее мафиозное государство, подлинный спрут. Не забудем, что чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен. Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно. Так что бюрократический аппарат несет в себе куда больший заряд мафиозности, чем бизнес. А каркас бюрократической (в том числе карательной) системы легко может стать каркасом системы мафиозной, весь вопрос только в целях деятельности.

Вполне очевидно, какое государство можно выстроить, руководствуясь в реальности (не на словах, разумеется) государственным идеалом, — коррумпированно-криминальное, полукOLONIAЛЬНОЕ. Общество становится колонией государства, а само грозное государство при таком режиме становится колонией мафии, отечественной и международной, легко проникающей во все поры аппарата. Россия оказывается колонией, сырьевым придатком передовых демократических стран, построенных по принципу открытого общества, колонией отдельных фирм этих стран.

Это вполне естественно, потому что «сильное» государство в привычном для нас смысле, т. е. сильное многочисленной и могущественной бюрократией, означает:

— нет равной защищенности и равных прав собственности для всех. Совсем наоборот: собственность зависит от места ее владельца на иерархической лестнице. Значит, для честного, энергичного человека надежда на продвижение на рынке равных возможно-

---

<sup>131</sup> Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1960. С. 531.

стей растоптана. Значит, в экономике господствует монополия, а рынок стал рынком взяток, современной формой традиционного бюрократического рынка;

– для поддержки «избранных» отраслей, а на самом деле «своих» руководителей банков и предприятий, для содержания супераппарата (в том числе вечно растущего военно-репрессивного) нет выхода, кроме печатания денег, кроме инфляции;

– сохраняется неэффективная структура «экономики пирамид» – неконкурентоспособных монополистических гигантов;

– в стране всегда будут суперналоги, необходимые для того же государства. Такие налоги плюс «бюрократический рэкет» (взятка) – верная гарантия того, что не будет среднего и малого бизнеса, этой самой динамичной части экономики, главного «инкубатора» среднего класса;

– экономика будет не открыта миру на равных для всех условиях, а фактически подчинена «фирмам друзей».

Думаю, что многие из числа современных бюрократов достаточно циничны, отлично понимают, какое «сильное государство» они вполне сознательно намерены строить. Нет надежды на скорое возрождение военной империи, нет и настоящего желания ее возрождать. В действительности имперские идеалы девальвированы в сознании «державников» не меньше, чем в сознании демократов. Разница в том, что если у демократов на смену этим идеалам пришли другие общие политические идеи, то у большинства российских империалистов общих политических идей просто нет. Двуглавый орел используется как ширма, за которой скрыт «золотой телец» – подлинный идеал этих имперских дельцов. Тут уж жиреть будет не государство, а только лжегосударственники, жрецы государства, жиреть от имени, во имя и за счет государства.

Сегодня у государственников нет ни большой идеи, ни четкой стратегии государственной политики (в том числе в области экономики). Отсутствие реальной цели, внутреннее неверие в ими самими с пафосом провозглашаемые цели жестоко мстят за себя. Если цель одна – сохранить неопределенное статус-кво, заставить страну и дальше качаться между государственной и частной

собственностью, то для достижения и такой цели подходят лишь серые «декаденты государственничества».

Отчасти сегодняшняя ситуация напоминает (хотя и в улучшенном варианте) конец 1991 года. Тогда правящая бюрократия (государственники «по должности») также не стремилась к решительным шагам вперед, келейно-номенклатурная лжеприватизация их вполне устраивала. Политическую, государственную волю тогда, как известно, проявили именно радикал-демократы («антигосударственники», на политическом слэнге наших оппонентов).

Так и сейчас. «Официальные государственники» вполне довольны стоянием на месте, в то время как сильную программу государственной политики в социально-экономической области могут предложить как раз те, кто нацелен на стратегические задачи, стоящие перед государством, т.е. либералы, демократы.

Социальное государство или свободный капитализм... Тема для академического спора! Ни фон Хайек, ни лорд Кейнс не создавали свои теории применительно к номенклатурно-«азиатскому», находящемуся под мощным криминальным воздействием государству. Сменим систему, построим хотя бы основы западного общества – вот тогда и станут актуальны эти проблемы.

Крушение бюрократической империи под воздействием разъедающей коррозии имущественных интересов бюрократической олигархии, приватизация власти – закономерный финал любой «восточной» империи. Он означает конец определенного витка, цикла в ее развитии. Надо сделать все, чтобы большевистский цикл стал действительно последним в истории государства российского. Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа.

Как уже отмечалось, в этом веке русское общество описало огромный и трагический круг, «красное колесо»: почти нормальная рыночная экономика (с начала века до 1914 г.) – милитаризированная государственно-капиталистическая экономика с рынком и доминирующей частной собственностью (1914–1917) – военный коммунизм (1918–1921) – государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами рынка и частной соб-

ственности (1921–1929) – тоталитарная экономика, элиминировавшая рынок и частную собственность (1929–1953).

Так совершилось восхождение на пик коммунизма. Затем началась вторая половина века, спуск с этих страшных вершин. Этот спуск был почти симметричен подъему: государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами полускрытого рынка и теневой частной собственности (1953–1985) – государственно-капиталистическая экономика, сперва в форме «лжегосударственной», с постепенным переходом к открытой частной собственности и легитимизации бюрократического рынка (1985–1991)...

С 1992 года начался переход к «нормальному» рынку и легитимной частной собственности.

Но в центре этого круга всегда был мощнейший магнит бюрократического государства. Именно его силовое поле определяло траекторию российской истории. Государство страшно исказило черты новейшей истории. Опыт показал: государство самоедское разрушает общество, подминая его под себя, разрушаясь в конечном счете и само.

Удастся ли нам наконец сойти с этого заколдованного пути, постоянно заводящего в тупик?

От решения этого главного вопроса зависит вся дальнейшая судьба России.

Мы вступаем в XXI век. Западное общество отнюдь не является идеальным. Оно эгоистично поглощено своими тяжелыми проблемами. Здесь и отношения по оси «Север – Юг», и перенаселение, которое впервые со времен Мальтуса<sup>132</sup> становится грозной реальностью, и экологический кризис. Одно из бедствий капитализма – темпы его неостановимого роста: он может быть стабильным, лишь когда бурно развивается, когда возникают и удовлетворяются все новые потребности людей.

Западный мир – не враг наш и не филантроп. Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесется к крушению высокой российской цивилизации.

Между тем проблемы эти многообразны.

Нам надо одновременно решать проблемы XIX века – формирование правового государства; начала XX века – искоренение остатков социального и промышленного феодализма, резкая демонаполизация экономики; борьба с фашизмом, другими крайними формами саморазрушительного национализма конца XX века и наступающего XXI века, о которых сказано выше.

Есть у нас и уникальные проблемы, которых, пожалуй, не было у других стран, как не было нигде такого мощного тоталитаризма. К таким проблемам относится формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности.

И весь этот набор проблем придется решать одновременно. Последовательно это делать просто не удастся – мир нас ждать не будет, поблажки нам история не даст. Эти проблемы взаимосвязаны и выстраиваются в единую вертикаль: от источника инвестиций (частный или государственный) до общей социально-политической стратегии и идеологии.

История предоставила нам еще один, быть может, последний, шанс, и граждане великой страны должны сделать свой вы-

---

<sup>132</sup> Мальтус Томас Роберт – английский экономист, основоположник концепции, согласно которой положение трудящихся определяется «вечными» законами природы, обуславливающими отставание роста средств существования от роста народонаселения.



бор. Смириться с очередной бюрократической приватизацией власти или наконец разорвать замкнутый круг и сделать необратимым разделением власти и собственности. Осуществить секуляризацию государства, отделив его от псевдорелигии «государственности», или опять скатиться к новому обожествлению государства.

Такова глобально-историческая альтернатива России, такова и наша сегодняшняя политическая альтернатива.

Если страна войдет в очередной цикл приватизации власти, то закроет себе наглухо путь в «первый мир». Если удастся «расшить» социально-экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет все шансы занять достойное место в цивилизации XXI века.

Для одних государственный подход – это сохранение тех или иных бюрократических институтов, их власти и богатства, для других – сохранение нашей страны, сохранение самого русского государства. Чтобы сохранить наше государство, мы обязаны его радикально преобразовать, собрать всю свою политическую волю для решения этой задачи.

Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна – корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией.

Я уже писал, что считаю себя и своих единомышленников государственниками и патриотами своей страны. Считаю так по простейшей причине – главную нашу задачу вижу в решении стратегических проблем государства, доведении до конца рыночных реформ и построении устойчивого, динамичного, богатящего общества западного типа в нашей стране.

Когда я пишу «западное общество», речь меньше всего идет о безумной идее унификации культур. Но есть один принцип, который мне представляется общечеловеческим и вполне подходящим для России, хотя и был он сформулирован Т. Джеф-

## Глава VI. Выбор

---

ферсоном<sup>133</sup>: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и на стремление к счастью...»<sup>134</sup>

Август – сентябрь 1994 года

Москва

---

<sup>133</sup> Джефферсон Томас – американский государственный и общественный деятель. В 1775 году избран депутатом Континентального конгресса, принявшего решение об отделении североамериканских колоний от Англии, автор проекта Декларации независимости, автор «Статута о религиозной свободе», в 1801–1809 годах – президент США.

<sup>134</sup> Декларация независимости. Конституция Соединенных Штатов Америки. Билль о правах. М., 1991. С. 3.

## Библиография

- Амальрик А.А.** Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину. – М., 1991.
- Арбатов Г.А.** Затянувшееся выздоровление. – М., 1991.
- Ахматова А.А.** Стихотворения и поэмы. – Л., 1977.
- Бердяев Н.Н.** Судьба России. – М., 1918.
- Бернштейн А.** Проблемы социализма и задачи социал-демократии. – СПб., 1891.
- Бизнесмены России. – М., 1994.
- Блок А.А.** Скифы // Стихотворения. Поэмы. Театр. – Т. 2. – Л., 1972.
- Бродель Ф.** Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1988.
- Булгаков М.А.** Избранное. – М., 1983.
- Васильев Л.С.** История Востока. – Т. 1. – М., 1993.
- Волошин М.А.** Средоточие всех путей. – М., 1989.
- Гайдар Е.Т.** Россия и реформы // Известия. – № 187; 19 августа 1992 г.
- Геллер М., Некрич А.** Утопия у власти. – Лондон, 1986.
- Гоголь Н.В.** Собрание сочинений. – Т. 5. – М., 1960.
- Государственный совет. Стенографический отчет 1909–1910 гг.
- Гумилев Н.С.** Собрание сочинений. – Т. 2. – М., 1991.
- Декларация независимости // Американские федералисты. – Benson. Kermont. 1990.
- Джилас М.** Лицо тоталитаризма. – М., 1992.
- Кейнс Дж.** Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. – Т. 2. – М., 1993.
- Ларин Ю.** Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. – Т. 2. – М., 1993.
- Ленин В.И.** ПСС. – Т. 23, 26, 30, 32, 34.
- Леонтович В.В.** История либерализма в России. 1762–1914. – Париж, 1980.
- Леонтьев К.Н.** Письма к А. Губастову // Русское обозрение. – 1897. – № 5.
- Лященко П.И.** История русского народного хозяйства. – М., 1930.

## Библиография

---

- Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. – 2-е изд. – Т. 1, 4, 25.
- Мизес Л.Ф.** Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М., 1993.
- Миаль Дж. С.** Основы политической экономии. – М., 1980.
- Милюков П.Н.** Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1904.
- Монтескье Ш.Л.** О духе законов // Избранные произведения. – М., 1955.
- Найшуль В.** Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. – М., 1991.
- Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. – Нью-Йорк, 1954.
- Павлов-Сильванский Н.П.** Феодализм в России. – М., 1988.
- Плеханов Г.В.** Сочинения. – Т. 15, – М.-Л., 1926.
- Прокопович С.Н.** Опыт исчисления народного дохода по 50 губ. Европейской России. – М., 1918.
- Пушкин А.С.** Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1968.
- Солженицын А.И.** Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. – Париж, 1974.
- Сталин И.В.** Вопросы ленинизма. – М., 1953.
- Тойнби А.** Постигание истории. – М., 1991.
- Троцкий Л.Д.** Моя жизнь: опыт автобиографии. – М., 1991.
- Устрялов Н.В.** Под знаком революции. – Харбин, 1925.
- Уэллс Г.** Россия во мгле. – М., 1970.
- Фест И.К.** Гитлер: биография. – Т. 3. – Пермь, 1993.
- Хромов П.А.** Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. – М., 1950.
- Чапек К.** Война с саламандрами // Сочинения. – Т. 5. – М., 1959.
- Шолохов М.А.** Тихий Дон. – М., 1953.
- Шульгин В.В.** Дни. 1920: Записки. – М., 1989.

# Оглавление

От редакции .....	3
<b>СМУТЫ и ИНСТИТУТЫ.....</b>	<b>5</b>
Введение.....	6
<b>ГЛАВА I</b>	
Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива.....	16
<b>ГЛАВА II</b>	
Русская революция: жизнь без государства.....	46
<b>ГЛАВА III</b>	
Крах СССР.....	116
<b>ГОСУДАРСТВО и ЭВОЛЮЦИЯ.....</b>	<b>183</b>
<b>ГЛАВА I</b>	
Две цивилизации .....	187
<b>ГЛАВА II</b>	
Особый путь догоняющей цивилизации.....	213
<b>ГЛАВА III</b>	
Три источника и три составные части большевизма.....	237
<b>ГЛАВА IV</b>	
Частная собственность номенклатуры .....	255
<b>ГЛАВА V</b>	
Первоначальное накопление.....	285
<b>ГЛАВА VI</b>	
Выбор.....	313

**Для заметок**

**Для заметок**

**Для заметок**



Гайдар Егор Тимурович

**ВЛАСТЬ и СОБСТВЕННОСТЬ**  
**СМУТЫ и ИНСТИТУТЫ**  
**ГОСУДАРСТВО и ЭВОЛЮЦИЯ**

Редактор П. С. Филиппов

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»  
Технический редактор – Фофанова Н. М.  
Корректор – Волохонская Н. В.  
Художник – Куршева Ю. Н.  
Компьютерная верстка – Павлова А. Ю.

ISBN 978-5-87857-155-5



Сдано в набор 02.04.2009. Подписано в печать 21.05.2009.  
Формат 60×88/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Гарнитура Garamond. Усл. п. л. 17,64.  
Тираж 7000 экз. Заказ № 932.

Издательство «Норма»  
190005, Санкт-Петербург, 7 Красноармейская ул., 25/14, оф. 430  
E-mail: [nog@peterlink.ru](mailto:nog@peterlink.ru)  
Отпечатано с готовых диапозитивов  
в ООО «Типография Правда 1906»  
195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, д. 2  
Тел. (812) 531-20-00, (812) 531-25-55



**Гайдар Егор Тимурович** — доктор экономических наук, профессор

1992 г. — и.о. Председателя Правительства Российской Федерации.

1993–1994 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации.

1994–2001 гг. — Председатель партии «Демократический выбор России».

1999–2003 гг. — депутат Государственной Думы от партии «Союз правых сил» (СПС), член Комитета по бюджету и налогам; сопредседатель партии «Союз правых сил» (СПС).

В настоящее время Егор Гайдар — директор Института экономики переходного периода, автор более 100 публикаций в российских и зарубежных изданиях, в том числе монографий.

«Экономические реформы и иерархические структуры», 1990

«Государство и эволюция», 1996

«Аномалии экономического роста», 1997

«Дни поражений и побед», 1998

«Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории», 2005

«Гибель империи. Уроки для современной России», 2006

ISBN 978-5-87857-155-5



9 785878 571555

**НОРМА**